

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ

ЦК ВЛКСМ

ВОКРУГ СВЕТА

И

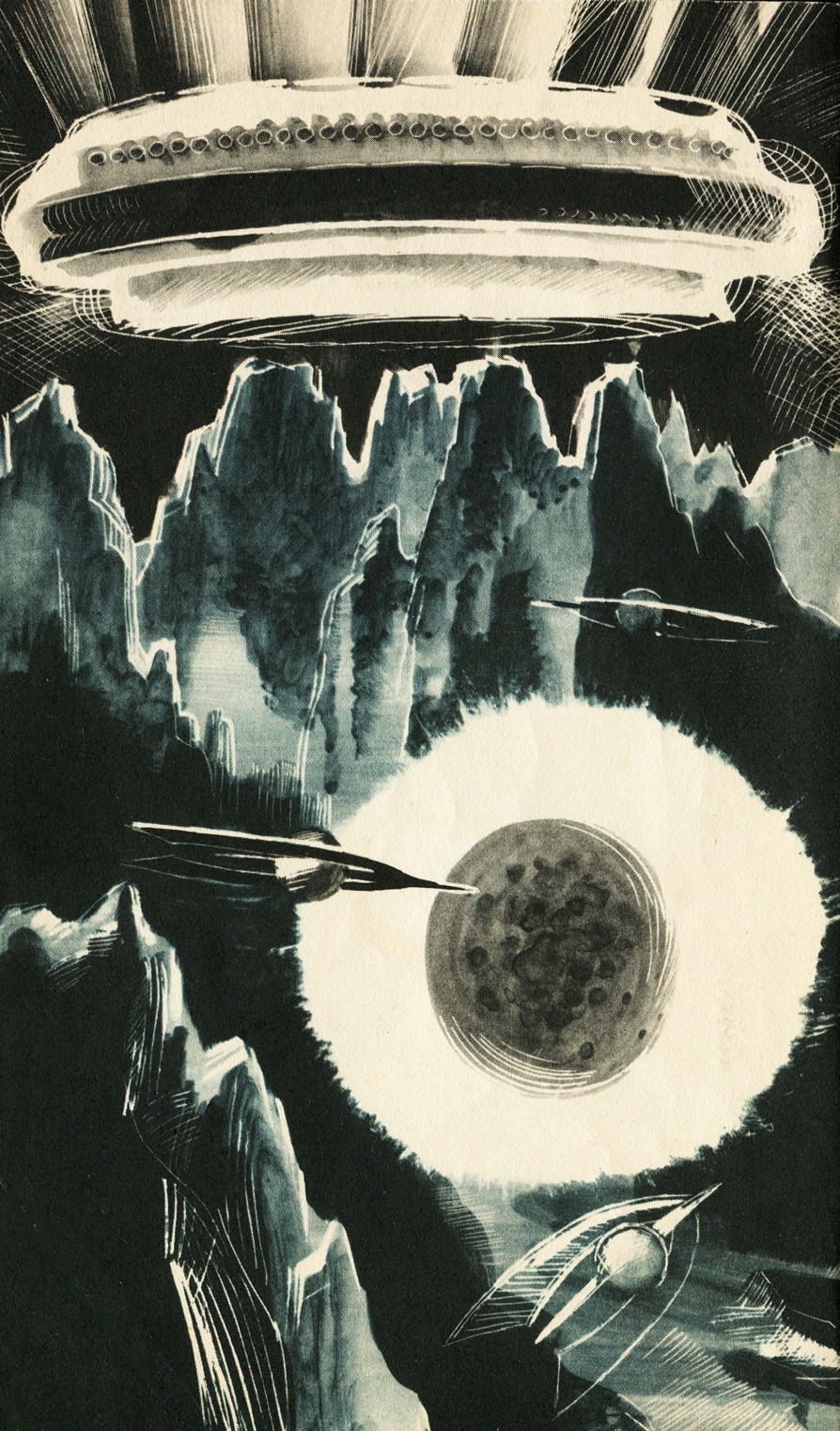
скатепь

2

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ

1981

ПРИЛОЖЕНИЕ К ЖУРНАЛУ
ЦК ВЛКСМ
ВОКРУГ СВЕТА

Искатель

2

ФАНТАСТИКА • ПРИКЛЮЧЕНИЯ 1981

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир РЫБИН — Самородок	2
Василий ГОЛОВACHEB — Оборотень	52
Рекс СТАУТ — Если бы смерть спала	88

№ 122

ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ ГОД ИЗДАНИЯ

© «Искатель», 1981 г.

Владимир РЫБИН

САМОРОДОК

Повесть

В этой колонии все было серое — серые бараки, серая земля между ними, серые заключенные, каждое утро молчаливой колонной уходившие на работы и вечером возвращавшиеся к своим трехэтажным нарам. Все краски словно бы были вытеснены за проволочный забор. Там, за забором, бушевала тайга — густо зеленели разлапистые тисы, золотистые сосны, яркой белизной стволов выделялись березы. Чего только не было в этой тайге! Казалось, природа забыла об извечном распределении растительности по климатическим поясам и перемешала все — северные лиственницы и южные лианы, мягкие бархатные деревья и кряжистые кедры, тенелюбивые ели и солнцелюбивые дубы. А в колонии не росла даже трава. Прежде она, конечно, росла и здесь, но привыкшие к буйству таежных кустов и трав заключенные не замечали ее меж барakov, не жалеючи перетирали ребристыми подошвами больших арестантских чеботов, сделанных из автомобильных покрышек. И трава исчезла, обнажив сухую, окаменевшую на солнце почву.

Здесь всегда стояла тишина. Днем заключенные были на работах, а вечером, намаявшиеся на лесоповале, они засыпали, едва добравшись до своих нар. Только дважды в сутки, утром и вечером, начинал звенеть серый громкоговоритель, висевший на сером столбе возле караулки, и зычным голосом выкрикивал команды и распоряжения, пугая ворон, соек и прочую таежную мелочь.

Был полдень. Под столбом на сером вытертом чурбаке сидели два человека — здоровый парень с черными зубами чифириста и широко расставленными руками борца и хилый мужичонка с лицом, заросшим до такой степени, что маленькие глаза его, зажатые между низко надвинутой шапкой и поднявшейся до щек бородой, сверкали словно из амбразуры. Перед ними стояли носилки с мотками проволоки и веревок.

Солнце припекало, но они не снимали ни шапок, ни телогреек, парились, привыкшие к неписаному закону: что на тебе, то твое. Сидели и молчали, ждали, когда выйдет конвоир и поведет их с носилками через тайгу, через болота и мари к тому пятачку, где на новой лесосеке строились новые бараки и куда этой осенью должна была перебраться вся колония.

Впрочем, это была вовсе и не колония, а так, «огрызок колонии», как выразился однажды начальник их подразделения Дуб, получивший эту кличку за фамилию Дубов и за вид свой, коренастый и угловатый, как у старого дуба. Сама колония находилась далеко, а это место называлось странным словом «командировка». Видно, потому, что кочевало, перебиралось от одного лесного массива к другому.

— Два зэка заменяют одну лошадь, — глубокомысленно изрек парень, пнув носилки.

Мужичонка никак не отозвался на реплику.

— Не надорвешься, Мухомор? — спросил парень, все так же не поворачивая головы.

И снова мужик промолчал.

— Язык отсох?

— Давно отсох, — сказал мужик.

— С тех пор как тебе его прищемили?

- Кто прищемил?
- Видно, начальник. Раньше ты к нему часто бегал.
- Надо было, вот и бегал.
- Сиксотничал?
- Дур-рак!

Парень привстал угрожающе. Но в этот момент сверху слышалось очень похожее:

— Ар-рак!

На сером рупоре громкоговорителя сидела черная ворона и каркала, словно передразнивала. Мужик взглянул на нее, насмешливо блеснул глазами из своей амбразуры. Парень тоже рассмеялся, сел, спросил миролюбиво:

— Сколько тебе, Мухомор?

— Все мой.

— Я не про срок, а про жизнь спрашиваю. Бородинца больно здорова.

— От комаров спасает.

— Дикий ты, Мухомор. Я же вот бреюсь.

— Здесь-то? — сказал мужик и огляделся. — Здесь не комары, а комарики.

— А где комары?

— В тайге.

— Это что — не тайга?

— Настоящей тайги ты не видывал. Да и вообще, — он недоверчиво оглядел его с ног до головы, — что ты видел в своей жизни?

— Побольше твоего, — усмехнулся парень. — Погулял дай бог каждому.

— За что сидишь?

— Так, ни за что. А ты?

— Я человека убил.

Парень недоверчиво и удивленно поднял глаза, хотел что-то сказать, но тут на пороге караулки появился Дубов, встрепанный, без шапки, посмотрел на них, почесал щеку и спросил непонятно:

— Сидите? Ну сидите, сидите.

Он повернулся, закрыл за собой дверь. И тут же снова выглянул.

— Сизов, поди сюда. — И, не дожидаясь, когда мужичонка подойдет, спросил его: — Дорогу на новую командировку знаешь?

— Нет, не знаю.

— А, черт! — выругался Дубов. — А ты? — крикнул он парню.

— Два раза гоняли.

— Не гоняли, а водили.

— Так точно, гражданин начальник, два раза не гоняли, а водили.

Парень был серьезен, но глаза его насмешливо поблескивали.

— Поговори у меня!

Дубов протянул руку назад, достал фуражку, сдунул с нее что-то, надел, снова перешагнул порог и встал над парнем, высокий, строгий в своей новенькой гимнастерке, перетянутой армейским ремнем, в широких галифе и тяжелых яловых сапогах.

— Поговори у меня! — повторил он. Подумал и добавил неожиданное: — Послать-то с вами некого. Одних отправить, что ли? Без конвоя? Срок у обоих плевый, наматывать себе не будете. Да и некуда вам бежать, окромя как обратно сюда же. — Он помолчал, словно давал им время опомниться и оценить его благородство. — Старшим мог бы ты, — ткнул он пальцем в парня. — Не сбежал бы? Ты ж себе не враг?

Парень ухмыльнулся. Нет, он не был себе врагом. Дураком был — это точно. Иначе бы не вкалывал тут. Воровал, бывало, но по-умному, не попадался. А влип по глупости. Дал соседу по морде — всего и делов-то. Ну, в больницу соседа увезли, так ведь сам виноват: полез к его Настасье. Дать-то дал, а чего добился? Сам сел, а сосед на воле остался, возле Настьки...

— Ну? Чего молчишь?

— Не бось, деру не дам, — сказал парень.

— А как дашь, так и возьмешь. Сколько по этой тайге погуляешь? «Зеленый прокурор» — он ведь не помилует, — выживешь, так через неделю вернешься. И за каждый день получишь по году. Устраивает? Не устраивает, — сам себе ответил он. — Да и чего тебе бежать-то при таком сроке? Год остался. На параше отсидеть можно...

Дубов знал немудреную психологию своих подопечных и любил порассуждать на популярную среди осужденных тему о «прогнозировании будущего». Ему непонятен был только вот этот мужичонка, Сизов. Интеллигент вроде, а все помалкивает, не бандит, а говорит — человека убил.

Вдруг Дубов уставился на кусты, куда уходила хорошо утоптанная тропа, замахал рукой:

— Беклеми-ише-ев! Где ты ходишь? Идти надо, а он ходит. Засиделся твой.

— А им все равно, где сидеть, — хмуро изрек Беклемишев, долговязый худой конвоир.

— Поторопись, чтоб дотемна успеть. Переночуешь там, а утречком обратно. Вместе с этим... Сизовым. Завтра ему надо быть здесь.

— Чего завтра-то? — не удержавшись, спросил Сизов.

— В колоннию пойдешь.

— Чего это?

— Чего, чего — зачевокал. Требуют, и весь сказ.

Парень и мужичонка снова уселись под столбом: хорошо знали этого Беклемишева — не сразу раскачается. Покуривали, помалкивали, подремывали, радуясь тому, что срок не задерживается вместе с ними, — идет себе и идет.

Конвоир вышел только через полчаса. Он не стал открывать зыбкие ворота, сделанные больше для порядка, чем для охраны осужденных, пропустил их с носилками через калиточку возле караулки и пошагал следом, косо поглядывая за своими подопечными — маленьким Сизовым впереди и этим верзилой сзади. Носилки были наклонены вперед, и конвоира беспокоило только одно: как бы эта пара не растеряла чего по дороге.

На первом же повороте из-под брезента, прикрывавшего носилки, выскользнул моток веревки. Его бросили поверх брезента, но он снова упал на землю.

— Стой! — крикнул конвоир. — Перевязывай все.

Он оглянулся беспокойно. Над низким лесом торчал столб с рупором громкоговорителя, и видно было, как ворона, сидевшая на нем, вытягивала голову в сторону леса, каркала.

— Вот сука, ведь накаркает, — сказал Беклемишев.

Тайга стояла тихая в этот час. Сойка верещала над головой, первая сплетница леса. Синицы и поползны суетились у корней деревьев. Серые ореховки бегали по стволам, громко кричали. Черный дятел истуленно бился о кору своей красной головой. Выше, над застывшими в безветрии кронами, скользили в синем небе быстрые стрижи.

Парень не стал перевязывать. Кинул себе через плечо выпавший моток веревки, наклонился к носилкам.

— Берись, чего рот разинул! — крикнул Сизову.

— Как думаешь, зачем я им понадобился? — спросил его Сизов, берясь за ручки.

— Не слышал, что ли? Этап готовят.

— Этап? Куда этап?

— На кудыкину гору, — захохотал парень. — Нашего брата посылают обогревать места, которые похолоднее. А ты как думал? Командировка переезжает, а сколько мест на той командировке? Считал? То-то же. Кого-то надо и отправлять.

Сизов не знал, какой будет новая командировка и сколько там понадобится рабочих, но встревожился.

— Я бы не хотел...

— Чего? — удивился парень. — Ты сколько сидишь?

— Пятый месяц.

— Еще необкатанный. Хотя пора бы...

Они снова пошли по тропе в том же порядке: впереди Сизов, за ним этот здоровяк парень. Позади, чуть поодаль, — конвоир с карабином, закинутым за спину. Долго шли не останавливаясь, молчали, посматривали на лес, на небо. По небу ползли облака, белые, взбитые, как подушки у мамы.

— Как тебя зовут-то? — полуобернувшись, спросил Сизов.

— Красавчик, — буркнул парень.

— У нас жеребец был Красавчик, вот ему шло.

— А мне не идет?

— У тебя имя есть.

— Нет у нас тут имен, только клички.

— Я не гражданин начальник, чтобы передо мной выламываться.

— Мама Юриком звала, — помолчав, сказал парень. — Юрка, значит.

— А по отчеству?

— Чего?

— Как отца-то звали?

— А черт его знает! — неожиданно зло сказал он, и Сизов оглянулся, подивился скорости, с какой менялось настроение парня. — Не было у меня бати.

— От святого духа, значит?

— Считай, что от святого. Юрка, и все. Юрка Красюк. Поэтому и Красавчиком прозвали, что фамилия такая.

— А меня — Валентин Иванович.

— Хватит просто Иваныча. Мухомор Иваныч! Или хошь, другую кличку придумаю?

— Я не лошадь.

— Ясно, только пол-лошади. Другая половина — это сейчас я. — Он вздохнул шумно, по-лошадиному. Откинул голову, посмотрел на шагавшего сзади конвоира. — Посидеть бы, а?

— Полежать не хочешь? — добродушно ответил конвоир.

— Не откажусь. — Он захохотал с вызовом. — Лежать не сидеть. Лежать всю жизнь можно.

— Скучно все время лежать-то, — сказал Сизов.

— Чего? Вкалывать — вот это скучно. А лежать да мечтать — милое дело.

— О чем мечтать?

— Хотя бы о воле.

— А на воле?

— О полноценных червончиках.

— Зачем они тебе? Напиться и в тюрьму попасть, чтобы тут снова мечтать о воле?

— Ну не-ет! — Парень приостановился, дернул носилки, просипел в спину Сизова: — Грабануть бы покрупнее, завязал бы, вот те крест, завязал. Уж я бы придумал, как жить, придумал бы.

— Не выйдет.

— Чего?! — заорал парень, словно у него уже отнимали его еще не приобретенный кус.

— Если теперь не знаешь, потом не придумаешь...

И тут сзади грохнул выстрел. Они разом бросили носилки, отскочили, оглянулись. На тропе, где только что прошли, быстро поднимался на задние лапы огромный широкий медведище. Конвоир судорожно дергал затвор. В один миг медведь оказался возле него. Тот безбоязненно сунул ствол в глубокую свалывшуюся шерсть, нажал на спуск, но затвор только тихо щелкнул. В то же мгновение тяжелые лапы опустились на его спину, подтянули к себе, рванули когтями снизу вверх, задирая гимнастерку, из-под которой вдруг фонтаном брызнула кровь, ослепительно алая на белой обнаженной коже.

Они стояли, оцепенев от ужаса, смотрели, как крючковатые когти кромсали обмякшее тело, не было у них сил ни бежать, ни кричать. Медведь вскинул голову, уставился маленькими глазками на оцепеневших людей и вдруг коротко рывкнул. И этот рык словно бы подтолкнул их. Не помня себя, они кинулись в кусты, помчались напрямик через буреломы, через чащобу. Ветки хлестали по лицу, острые сучья рвали одежду. Они падали, вскакивали, снова бежали, слыша за собой страшный шум погони.

Первым опомнился Сизов. Остановился и ничего не услышал, кроме своего частого и хриплого дыхания да глухого хруста веток в той стороне, куда убегал Красюк.

— Эй, стой! — крикнул он. — Медведя-то нету!

Слепой страх прошел, и теперь ему было стыдно самого себя. «Отвык, отвык от тайги, — думал Сизов. — От озлобленного раненого медведя разве уйдешь? А терять голову — самое последнее дело».

Он пошел следом за Красюком и скоро оказался у невысокого обрывчика, с которого, серебристо поблескивая, спадал неширокий водопадик. Красюк стоял на коленях у самой воды и

пристально рассматривал небольшой камень, который он держал в руках.

— Что нашел? — спросил Сизов, подходя к нему.

Не отвечая, Красюк сорвал шапку, сунул туда камень и кинулся в плотный подросток, стоявший на краю поляны.

— Неужели золото? — вслух сказал сам себе Сизов. Он подобрал жгут веревки, валявшейся на траве, повесил на плечо. Затем подошел к водопадику, осмотрел камни. — Эй! — крикнул. — Подожди, дай поглядеть!

Тайга молчала. Только сойки хохотали в отдалении да комары зудели над самым ухом.

Он снова принялся осматривать камни, шагая вдоль ручья. Нашел изъеденный ржавчиной топор с разбитым обухом, непонятно почему породивший в нем смутную тревогу. Отбросил топор в сторону, пошел дальше, то и дело наклоняясь, переворачивая камни. Руки ломило от ледяной воды. Веревка мешала, и он забросил ее за спину, как солдатскую скатку.

— А ну пошли! — вдруг услышал над головой.

Выпрямился, увидел своего напарника и испугался его застывшего лица.

— Золото, что ли? — спросил Сизов.

— Думал, я тебя тут оставляю? — зашипел Красюк. — Нашел дурака. — Откуда-то из-под телогрейки он вынул короткий, с ладонь, нож, сделанный из обломка пилы. — А ну пошли!

— Куда?

— Туда. — Парень ткнул ножом в сторону леса.

— Вернуться бы надо. Может, живой... конвоир-то?..

— Я тебе вернусь! — Парень резанул ножом воздух, зацепил телогрейку Сизова. — Пойдешь со мной. Чтобы не растрепал о самородке.

Нож снова сверкнул перед лицом. Сизов попятился в гущину подростка, пошел, потом и побежал, подталкиваемый сзади. Жгут веревки, висевший через плечо, не скидывал, думал: если этот обалдевший от золота бандит кинется на него, то веревка-то как раз и может прикрыть в первый момент.

Каждую минуту он ждал удара в спину, но удара все не было, и Сизов стал успокаиваться. Чашоба уплотнялась. Приходилось продирается через кусты, перелезая через поваленные деревья, высоко задирать ноги в ломком сухом буреломе.

Выскочили на звериную тропу, и Сизов свернул по ней.

— Куда?! — заорал Красюк. Пот лил с него ручьем. На щеке, от носа до уха, темнела широкая царапина.

— Надо знать тайгу, — беззлобно сказал Сизов. — При такой беготне наобум можно остаться без глаз...

А вокруг буйствовала таежная растительность. Повсюду были папоротники, огромные и совсем крохотные, взбиравшиеся на стволы и свисавшие с них гирляндами вместе с длинными бородами лишайников и петлями лиан. На прогалинах папоротники исчезали, зато появлялась масса цветов — розовая герань, белые недотроги, бледно-сиреневая валерьяна. Местами зонты цветов поднимались выше головы, и сочные стебли этих гигантов напоминали еще не развившиеся стволы деревьев. Со склонов сопков, где лес был пореже, открывались другие склоны, пурпур-

но-фиолетовые от цветущих рододендронов. На открытых местах налетали тучи оводов и комаров, и Красюк толкал Сизова в чащобу, где листва, бьющая по лицу на узких звериных тропах, смахивала насекомых.

Потом лес кончился, и они увидели перед собой болотистую равнину, поросшую редкими соснами и елями. На опушке тропу потеряли и пошли напрямик через осоку, рассчитывая найти другую тропу. Под ногами при каждом шаге выступала черная вода, медленно заполняла вмятины следов.

— Все, отдыхаем, — сказал Красюк, садясь на зыбкую кочку.

— Встань! — зычно крикнул Сизов.

Красюк вскочил от неожиданности, зло уставился на Сизова.

— Под такими кочками гадюки живут.

Он подошел к кочке, принялся шуровать под ней длинным суком. И почти сразу в траве мелькнула серая блестящая кожа. Змея куснула палку, застыла в настороженной позе.

— У, гадина! — заорал Красюк. Он выхватил палку, злобно, мстительно принялся бить гадюку.

Когда змея перестала извиваться, он отбросил ее, зашвырнул палку, обессиленно опустился на кочку и снова вскочил, принялся оглядывать траву вокруг.

— Ну ты даешь, Мухомор! — сказал восторженно. — Как узнал, что она тут?

— По запаху, — усмехнулся Сизов. — Сразу покойником запахло.

— Врешь!

— Конечно, вру. У нас нанаец проводником был, так тот, верно, по запаху змей находил. «Твоя не понимай, — так он говорил. — Змея сырым пахнет».

— Вот тебе и дикарь! — удивился Красюк.

— Это мы в его понимании были дикарями. Ничего не знали в тайге.

— А ты откуда родом?

— А что?

— Орать больно здоров. Глотка луженая — позавидуешь.

— С Волги я, из Саратова.

— А я из Киева.

— Из самого?

— А что, непохоже?

— Почему же? И в Киеве разные люди есть...

— Договаривай, — неожиданно зло сказал Красюк.

— Что договаривать?

— Ты ж хочешь сказать, что я сволочь. Человека бросил. Разве не так? Но этому человеку, конвоиру нашему, уже ничто не поможет. — Он помолчал. — А мы в случае чего скажем — от медведя бежали, потом заблудились. И доказывать ничего не надо — медведь свидетель.

Сизов ничего не сказал. Он и сам знал — не первый день в тайге, — гражданина Беклемишева уже нет на этом свете. Видел, как медведь драл его, знал: не отпустит, пока вконец не искромсает.

— И зачем он стрелял в него? — тихо проговорил Сизов.

— Охотничий азарт. Как не стрельнуть?

— Сейчас медведь сытый, сам на человека не пойдет. Его ес-

ли уж бить, то наверняка: раненый он страшен... И винтовку надо иметь хорошую. А из своего карабина Беклемишев, поди, год не стрелял. По ком стрелять-то на нашей командировке? Разве что по воронам?..

Вечер застал их в густом лиственном лесу, где было много дубов, тисов и бархатных деревьев. Здесь они повалились в траву и, отдышавшись, вспомнили о еде.

— Если все знаешь в тайге, так хоть бы о жратве позаботился, — сказал Красюк.

— Вон как! Ты меня арестовал, стало быть, ты вроде как мой начальник. А начальству полагается заботиться о подчиненных. Так ведь? Не наоборот?

— Жить захочешь — позаботишься.

— Ну и дурак, — спокойно сказал Сизов. — Убьешь меня — себя убьешь. Прав был Дубов: ты в этой тайге и недели не проживешь. И найдут когда-нибудь самородок на твоих костях. А я тут все тропы знаю.

— В этой тайге?

— Может, не совсем в этой. Ходили мы тут неподалеку с геологами, руду искали.

— Чего уж теперь. — В голосе Красюка слышались примирительные нотки. — Давай думай, раз уж так вышло.

— Чего тут думать? Завтра пойдем обратно...

— Ну нег! — Красюк вскочил, усталости как не бывало.

— Тогда думай о себе сам.

Красюк шагнул к Сизову, все в той же позе лежавшему на траве, присел возле него на корточки.

— Слушай, Мухомор... Иваныч, — просительно сказал он. — Назад я тебя не пушу. А если мне надежную дорожку покажешь, золотишком поделимся. Тут, — он ласково погладил шапку, — обоим хватит.

Сизов долго молчал, смотрел в небо. Сумрачнело. Вечерний ветер шуршал листьями дуба.

— Идет, а?

— Семь бед — один ответ, — наконец сказал Сизов. — Ладно. При условии, что ты перестанешь махать своим ножиком и командовать. У «зеленого прокурора» разговор короткий: не знаешь тайги — ложись и помирай. А хочешь выжить, слушай того, кто больше знает и умеет. В данном случае тебе придется слушать меня.

— Ну давай, — согласился Красюк. — Сообрази что-нибудь пожрать.

— Придется потерпеть до завтра. Сейчас надо подумать о костре. Собирай дрова, да потолще...

Они лежали на мягких ветках пихты, задыхаясь в дыму костра и все-таки наслаждаясь тем, что не зудели комары и мошки. Ночь опустилась быстро, словно на тайгу вдруг нахлобутили шапку. Где-то в чаще сумасшедше хохотал филин, душераздирающе кричали сычи. Откуда-то слышался тонкий голосок сплюшки, возносившийся все выше и выше: «Сплю-сплю-ю-ю-ю!» А им не спалось. Доносившиеся отовсюду непонятные шорохи наполняли душу тоской и тревогой.

Красюк скинул нижнюю рубашу и, замотав в нее самородок, положил под голову. Смотрел в темноту и думал о том, какой вкусной была утренняя лагерная каша. Потом он начал вспоминать:

— Помню, с мамкой в Сибирь ездили. Вышли на какой-то станции в Забайкалье — чего только нет на рынке! Семга, медвежий окорок, каргошка, мясо, орехи разные, масло сливочное в тукесах, грибы, кетовая икра, просто кета, омуль, жареные куры, жареные зайцы, мед бочонками, водка, спирт... И все почти задаром...

— А что еще в Сибири разглядел? — спросил Сизов.

— Много всего. Названия необычные: Зима, Слюдянка, Ерофей Павлович...

— Кто это, Ерофей Павлович, знаешь?

— Знаю. Рассказывали дорогой. Будто, когда строили железку, нашли скелет человека. Рядом бутылка с золотым песком, зубило и молоток. И надпись на скале выбитая: «Ерофей Павлович». Стало быть, это он и есть, который тут золото нашел.

— Очень интересно, — насмешливо сказал Сизов. — А о Хабаровове что-нибудь слышал?

— Это который в Хабаровске жил?

— Триста лет назад он тут первым путешествовал. Когда о Хабаровске еще и не думали.

— Я и говорю: он тут первым все нашел.

Сизов рассмеялся. Потом спросил:

— А что еще запомнилось в Сибири?

— Помню сопку с ледяной шапкой. А внизу — зелень и озеро с синей водой. В одном — вода молодости, в другом — мудрости. Грязь на берегу, а из нее головы торчат: люди лежат, лечатся. Опосля той грязи баб, говорили, запирать приходилось.

— Это еще зачем?

— Злые они после той грязи были, мужиков ловили. — Он потянулся хрустко. — Эх, теперича бы туды!..

— Сколько у тебя мусора в голове! — сказал Сизов. И задумался: в «мусоре» этом есть своя система. А это значит, что у Красюка целое мировоззрение: жратва, деньги, женщины. А мировоззрение доводами не возьмешь. Система, даже самая ложная, не меняется от соприкосновения с другой системой хотя бы потому, что считает себя равной. Она может рухнуть только от собственной несостоятельности при испытании жизнью, трудностями.

Он вспомнил, как сам первый раз ехал на восток. Из Забайкалья в Приморье по прямой, по лихой памяти дороге, именуемой КВЖД, про которую говорили, что название это от слов «как вы живым доехали». Они тогда проскочили, а следующий за ними поезд был пущен под откос и разграблен: в окрестных горах и лесах гуляли банды белокитайцев и хунхузов.

Ему и снилась в эту ночь дорога, узкая, извилистая, как звериная тропа. Впереди маячила красная сопка, совсем красная, словно целиком сложенная из чистой киновари. Он торопился к ней, боясь, что краснота эта окажется обманчивой, цветовой игрой вечерней зари. Торопился и никак не мог выбраться из узкого коридора звериной тропы.

И Красюку в эту ночь тоже снилась дорога, широкая, как

просека. Позади была ночь, а впереди маячило солнце, похожее на золотой самородок. Потом это солнце-самородок каким-то образом оказалось у него в шапке. Он прижимал шапку к себе, но она жгла руки, выскальзывала.

Он и проснулся оттого, что почувствовал, как выскальзывает из руки конец рубахи, в которую был завернут самородок. Костер догорал, на листья соседних кустов дергались серые тени. Ветер слабо шевелился где-то высоко в вершинах деревьев, а рядом, совсем рядом, возле самой головы, слышалось прерывистое сопение.

«Ах, сука, — подумал Красюк, — а еще про Сибирь расспрашивал, про мусор говорил!» Стараясь не шевельнуться, он сунул руку за пазуху, достал нож и, резко изогнувшись, выкинул руку за голову, туда, в темноту, в сопение. Почувствовал, как нож вошел в мякоть. Послышался не то вздох, не то удаляющийся стон, и все стихло. Тогда, не выпуская узла с самородком, Красюк вскочил на ноги, выхватил из костра горящий сук и пошел в ту сторону, где затих стон. Огонь почти не давал света, только рождал слабые тени. В двух шагах была пугающая чернота, такая плотная, какой Красюк еще не видывал. Незнакомая жуть гадюкой заползала под телогрейку. Одна тень под кустом показалась Красюку согнувшейся фигурой человека. С радостным злорадством он шагнул к ней. И вдруг беловатое пламя со звуком человеческого выдоха рванулось навстречу. Окапало холодным огнем и погасло. В ужасе Красюк выронил нож, и сук, и свой драгоценный сверток, отпрыгнул в сторону. И застыл, охваченный мелкой дрожью, не зная, куда бежать в обступившей непроглядной темноте.

И вдруг услышал тихий и, как ему показалось, вкрадчивый голос:

— Что там случилось?

Красюк не ответил, с трудом приходя в себя.

— Ты чего прыгаешь, как заяц?

До Красюка дошло, что голос слышится совсем не с той стороны, где он искал вора, и это еще больше испугало его.

— Это ясеница горит, не бойся. Выделяет эфирные масла. В безветрие они скапливаются и вспыхивают от огня.

И тут новая волна холода окапала Красюка: вспомнил, что потерял самородок. Ринулся к костру, выхватил новый сук, замахал им, чтоб разгорелся. По дыму от выроненного первого сучка он быстро нашел и нож и сверток. И только тогда успокоился. Поправил разбросанные ветки пихты, снова улегся, сказал глухо:

— Ты, Мухомор, не балуй. Прирежу.

— Как это понять? — отозвался из темноты Сизов.

— Так и понимай. Золото мое, и ты к нему лапы не тяни.

Понятно?

— Утром разберемся, — загадочно сказал Сизов.

И снова пугающая тишина обступила тихо шипящий костер. Теперь из тайги не доносились никаких звуков. Словно ее и не было, тайги, а только неизвестность, могильная пустота.

Рассвет был долг и холоден. В низине лежал туман, плотный, как молоко. Кусты отяжелели, обвисли от росы, и ветки пихты были так мокры, словно ночь пролежали под дождем.

Проснувшись, Красюк увидел Сизова возле костра. Он отряхивал сучья от росы и подкладывал их в огонь. Красюк наблюдал за ним и все вспоминал ночное свое приключение, не понимая, сон это или все было на самом деле.

— Чего это ночью-то? — спросил Красюк.

— Енотовидная собака, — ответил Сизов, кивнув куда-то в сторону.

Красюк вскочил, увидел сначала след на примятой мокрой траве, затем разглядел возле костра серый комок убитого животного длиной с руку, с хвостом, острой мордой и короткими ногами.

— Ловок, ничего не скажешь. И как ты ее углядел в темноте! — восхищенно сказал Сизов. — Не деликатес, ну да с голодухи сойдет.

— Я? — удивился Красюк.

— Кто же еще? Понимаю — сама подошла. Ну да и ты не промахнулся, молодец. Ее ведь искал ночью?

Красюк не ответил. Ему было смешно и вроде даже как-то неловко.

Енотовидной собаки хватило ненадолго. Уже к вечеру от нее остался лишь один обугленный на костре кусок, который Сизов, не обращая внимания на ворчание Красюка, отложил на другой день. И снова они ночевали у дымного костра, уставшие, опухшие от комаров и мошки.

К исходу следующего дня голод снова догнал их. Лес был полон живности, но без ружья нечего было и надеяться добыть что-либо. В небе кружили сизые орлы, сытые, неторопливые: еды для них хватало. В одном месте орлов было несколько, пролетали один за другим над кронами деревьев, высматривая что-то на земле.

— Охотятся за кем-то, — сказал Красюк, останавливаясь. Ему вдруг пришла в голову мысль поживиться за счет орлов. Выследить, когда они накроют свою жертву, и подбежать, отнять. И он принялся рассуждать насчет того, что выслеживают орлы что-то крупное, иначе чего бы они охотились стаями. А крупное раз не унесут, что-то да останется.

— В эту пору орлы птицами питаются, — пояснил Сизов.

— Значит, чего-то свеженького захотелось. Когда хочется, разве с порядками считаются? Закон тайги.

Орлы снова скрылись в кронах деревьев. Но вот где-то в листе раздался резкий, как выстрел, орлиный клекот, и вся стая вскинулась, кругами пошла к земле. И тогда они увидели того, за кем так настойчиво охотились орлы. Это был молодой и неопытный зайчишка. Он выскочил из травы и поскакал по голому склону сопки, слишком уверенный в своих быстрых ногах. Орлы закружились быстрее и вдруг резко, один за другим, стремительно ринулись вниз. Короткий шум, короткий вскрик, похожий на плач ребенка, судорожная возня в траве.

Красюк сорвался с места и побежал туда, где шевелился серый клубок. Орлы неохотно разлетелись, унося в когтях серо-бурые комки. На том месте, где они только что бились, было пусто. Валялись птичьи перья, клочья шерсти, на земле алели пятна крови.

— Быстро, — сказал Сизов, переводя дух после бега, — быстро работают.

— А что я говорил? Закон тайги...

После этого случая еще сильнее захотелось есть. Попробовали жевать молодые побеги сосенок, но от них во рту было как от канцелярского клея.

Тайга становилась все темнее. Лианы толщиной в ногу вползали по стволам лиственниц, свисали оттуда причудливо изогнутыми петлями, похожими на удавов. Плети лиан потоньше перекидывались со ствола на ствол, скрывая небо. На прогалинах была сухость летнего дня, а на лесной звериной тропе, по которой они пробирались, стояла влажная прохлада, и камни у корней деревьев лоснились от сырости.

— Когда на этих лианах созревают ягоды, к ним слетаются птицы, сбегаются звери, — говорил Сизов, шагая впереди, не оглядываясь на Красюка. — Кишими вырастает, слышишь?

— Пока он вырастет, мы ноги протянем.

— Иногда долго сохраняется...

Он вдруг свернул в чащобу, заставив Красюка насторожиться: не удрать ли собрался? Но Сизов тут же и вышел на тропу, держа в руках кисть ягод, похожих на усохший виноград. Они поделили эти ягоды, разжевали, наслаждаясь неожиданным для тайги вкусом южного инжира. Но сколько еще ни искали, ничего больше не нашли.

Скоро снова выбрались к болотистой равнине, заросшей редкими кедрами, соснами, елями и разбросанными копнами густого подлеска. Осоки стояли в пояс. В зарослях трав ноги то и дело попадали в похожие на ловушки петли выющихся растений, запинались о стволы упавших деревьев.

Пока преодолевали эту равнину, совсем выбились из сил. Добравшись до сухого места, Красюк повалился в траву и заявил, что он хочет точно знать, куда они идут и почему забираются все дальше в тайгу.

— Смотри, Мухомор, веди куда надо, — угрюмо сказал он.

— А куда надо?

— На волю, куда же еще.

— Разве ты не на воле?

— Ты мне лапшу на уши не вешай! — угрожающе приподнялся Красюк.

— Мы же договорились.

— О чем?

— Что ты не будешь задавать дурацких вопросов и вообще будешь вести себя прилично. Если хочешь, чтобы я тебя вывел из тайги.

— Так и выводи.

— В этой тайге только две дороги: одна — обратно в колонию, другая — в противоположную сторону. Обратно ты не хочешь и меня не пускаешь. — Он помолчал. — Да я теперь и сам не хочу.

— И долго мы будем с голоду подыхать?

— Я не лагерное начальство, чтобы мне приносить жалобы.

— Чего ж делать-то?

— Идти. И не нить. А идти мы будем к Оленьим горам. Там

была наша геологическая база и остался склад. Там не пропадем...

Он замолчал, удивленно уставился в лесную чашу. Оттуда, из-за ствола старой пихты, смотрели большие неподвижные глаза. Глаза чуть выдвинулись, и показалась черная голова с длинными, спускавшимися из рта клыками. Животное то ли не замечало людей, то ли не обращало на них внимания, пережевывая длинную бороду мха, свисавшую с пихты, медленно выходило на поляну. Было оно небольшим, не выше, чем по колено, но поразительно изящным и статным.

В первый момент Сизов даже и не подумал, что это может быть их пищей, стоял неподвижно, смотрел, любовался. Красюк приподнялся, чтобы бросить нож, но, прежде чем он поднял руку, животное легко отпрыгнуло в сторону и исчезло в чаще.

— Кто это? — спросил Красюк.

— Кабарга. Удивительное у нее мясо, вкусное.

— Чего ж рот разинул, если вкусное?

— Бессмысленно гоняться за кабаргой.

И тут он вспомнил о веревке. Отойдя подальше, Сизов растянул на звериной тропе веревочную петлю, привязал конец веревки к ближайшей сосенке.

— А знаешь, что самое ценное у кабарги? — говорил Сизов вечером, устраниваясь спать на мягких ветках пихты. — Мускус. Есть у них, у самцов, на брюшке такой мешочек с два пальца величиной, а в нем — красно-бурая масса, как мазь, с очень сильным и стойким запахом. Если высушить эту массу — никакого запаха нет, чуть намокнет — опять пахнет. В Индии, когда дворцы строили, мускус в известь добавляли. Века прошли, а стены все пахнут. Можешь представить, что это значит для парфюмерной промышленности...

Красюк хотел сказать, что ему до лампочки вся эта парфюмерия, но сдержался, смолчал.

Утром веревочная петля все так же, никем не задетая, лежала на тропе, и они, только напившись из ручья, пошли дальше в сопки, которые вздымались одна за другой, как хребты заснувших великанов медведей. Много раз они видели белые пятна убегающих косуль, слышали довольное сопение жующих кабанов, но подкрасться, догнать животных не удавалось. Один раз разглядели с сопки пасущихся изюбров, долго наблюдали за ними, с тоской глотая густую слюну, пока изюбры не умчались быстрее ветра, спугнутые медведем. Медведь сам не ожидал этой встречи, покрутился в мелколесье, где паслись изюбры, и побежал за ними, надеясь догнать. Видно, молодой был медведь, глупый.

Птицы мельтешили в листве, белки порхали с дерева на дерево, полосатые бурундуки, поднимаясь на задние лапы, с любопытством рассматривали странных существ, бредущих по тропе. Красюк кидался ловить их, но бурундуки ловко увертывались и куда-то исчезали, словно проваливались сквозь землю. Один раз прямо перед ними на тропе крупная куница — харза настигла крепкого подростка лисенка. Она не торопилась, словно и не боялась людей, стояла и смотрела, не выпуская из зубов лисенка, поблескивая золотистой шкуркой, чуть пошевели-

вая черным хвостом, независимая и красивая, с черной головкой и белым мягким горлом. Красюк кинулся к ней, не помня себя от голода, как копьём, размахивая крепким суком лиственницы, который он все время таскал с собой. Но харза, даром что коротконогая, только шевельнулась, мелькнула и пропала в зарослях папоротника. И лисенка унесла, не выпустила. Что ей лисенок, этой крупной кунице?

Красюк взвыл, хватил палкой о ствол сосны, разломал, взбешенный, повернулся к Сизову.

— Если жратвы не найдешь, тебя сожру, так и знай.

— Найдем, — спокойно ответил Сизов. — Если не будем психовать и пойдем быстрее. По-моему, уже недалеко до озера. — Он помолчал, раздумывая, говорить или нет, и все-таки добавил: — Ты вот что, здесь не очень нервничай и не бегай по тропам. По этим местам, бывает, всякие люди ходят, не ровен час на самострел напорешься или в яму угодишь. Иди сзади и помалкивай. Терпи. Без терпения в жизни ничего не бывает. Не знал? Так знай, приучайся жить по-человечески.

Он и сам удивлялся этим своим словам. Уголовника, привыкшего жить только своей прихотью, паразитирующего на человечности, учить жить по-человечески? Но ведь кто-то должен учить этому, если родители не научили. Ну ничего, подумал он, люди не научили, тайга научит: здесь или учись терпению, или прощайся с жизнью. Такой дилеммы в добром человеческом обществе не ставится. Но «зеленый прокурор» иначе не судит...

— Что они, гады, самострелы оставляют, — сказал Красюк. — Это же запрещено.

Сизов рассмеялся: человек, больше всего не признававший именно этого слова — «запрещено», вдруг вспомнил о нем. Вспомнил, когда дело коснулось его драгоценной личности.

— Видно, не для всех законы писаны...

Он понимал Красюка: прежде для человека ничего не существовало, кроме собственного каприза. Как ни кичился друзьями, а было беспросветное одиночество: один как перст, никому не нужный и сам себе тоже опостылевший. Этим чаще всего и объясняется гипертрофированное презрение блатных к человеческой личности. А теперь у Красюка появилась цель, теперь он не имел права рисковать собой. Раньше был рабом собственной прихоти, теперь раб обретенной собственности — самородка. Психология раба — она и для хозяина, для богатого собственника остается главенствующей. Сизов понимал, что теперь его невольный спутник будет терпеть лишения, только бы вынести самородок туда, где он имеет ценность. Он и убьет, не задумаясь, если самородку будет угрожать опасность. Он и доброе дело сделает, если это будет нужно для его главной цели. Но привычки есть привычки, не считаться с ними тоже нельзя: недоглядишь — сорвется в безвольной истерике, наделает глупостей.

— Хорошая у тебя фамилия — Красюк, — сказал Сизов, чтобы отвлечь его от навязчивых дум о еде.

— Папочка удостоил. Сделал и смылся.

— Что сделал?

— Да меня ж, чтоб ему на том свете... А лучше на этом... Углядел смазливую хохлушку, поманил, и она, дура, пошла...

— Разве можно так про мать?

Красюк долго не отвечал, шел сзади, смотрел в землю и молчал.

— А потом? — спросил Сизов.

— Потом она меня родила.

— А потом?

— Потом купила мне голубей.

— Зачем?

— Чтобы не скучал мальчик, чтобы не баловался. Так и стал я голубятником. — Он засмеялся безрадостно. — Когда следователь первый раз назвал меня голубятником, я даже обрадовался. Да, говорю, конечно, я всего лишь голубятник, отпустите, дяденька. А оказалось, признался. Оказалось, голубятники — это те, кто лазает по чердакам и ворует белье с веревок. Надо же, воровал, а не знал. Вот какая азбука вышла.

— А потом? — Сизов заинтересованно слушал. Не оборачиваясь, боясь этим помешать откровенности. Откровенность пуглива, — это ж почти исповедь. А исповедь всегда на грани раскаяния. Недаром католические исповедники прячутся в специальные будочки, чтобы исповедующиеся не видели их, не пугались.

— Выкрутился. Решил: не буду больше голубятником. И перекаленичился в форточники.

— Это что такое? — Многое повидал Сизов за месяцы заключения. Проходили перед ним «карманники» и «мокрушники», «медвежатники» и «филоны-малолетки». А вот о «форточниках» не слышал.

— Первая ступень академин, — сказал Красюк. — Открывал форточки для домушников. Дело было верное — открыл, и знать ничего не знаю. А все равно замели. Вот тогда-то и получил первый срок. Когда вышел, подумал: чего это для других стараться, если все равно сажают? И стал домушником. А потом обленился...

— Как это?

— Домушник — это ж артист. Исследователь. Не постарейся, залезешь в такой дом, где, кроме тараканов, ничего и нету. А исследование — дело непростое. Однажды подумал: «Чего это я буду за деньгами бегать?» И засел на дорожке в парке, стал дожидаться, когда деньги сами ко мне придут. Так стал гоп-стопником...

Он откашлялся и запел козлиным блатным голосом:

— Вдруг на повороте —

Гоп-стоп — не вертуйся! —

Вышли три удалых молодца...

Тайга вторила ему глухим ворчливым эхом. Сойки — первые охотницы до всяких скандалов — заверещали над головой.

Кончив петь, Красюк долго шел молча, ждал расспросов. Нет такого блатного, которому не льстил бы интерес к его «подвигам»:

— Вот так всю академию и прошел, — не дождавшись расспросов, сказал он. — Когда первый раз судили, мамаша номер отмочила: встала на колени и просит: «Помилосердствуйте, граждане судьи!»

— Плакала? — спросил Сизов.
— Ясное дело.
— Ну и как? Помиловали?
— Черта с два. Закон что дышло.
— А если бы помиловали, пошел бы по новой?
— Не знаю.
— Значит, правильно сделали.
— Ну, ты! — обозлился Красюк.
— Я что, ты сам себя судил.
— Как это?
— Каждый человек сам себе судья. Знает, что делает, знает, что за это получит.

— А ты знал, когда убивал?

— Судили-то меня не за убийство, — за преступную халатность.

Впереди мелькнул просвет, Сизов заспешил, и скоро они вышли на склон, откуда открывался красивый вид на дальние сопки, бесконечные, как волны в море, разноцветные, словно раскрашенные широкими мазками акварели. Между сопками маленьким зеркальцем сияла вода.

— Пришли, — облегченно сказал Сизов.

— Куда?

— К озеру. К Оленьим горам.

— Ага. Давай склад ищи. Пожрем и дальше потопаем.

— Не торопись, колония от тебя не уйдет. Отдохнем, оглядимся, рыбку половим. Может, зверя какого поймает — к озеру они на водопой ходят...

Озеро только издали казалось близко, но до него было идти да идти. Солнце уже катилось к сопкам, когда они увидели внизу матовую поверхность воды, тихую, покрытую неподвижными пятнами бликов. Заспешили и... едва не свалились в яму. Над ее краем одиноко торчала толстая жердь.

— Я же говорил — ямы есть, — сказал Сизов. И вдруг схватил Красюка за истерзанный сучьями рукав с торчащими клочьями ваты. — А ну, тихо!

Где-то рядом шевелился большой зверь, дышал часто, всхрипывал.

— Так это ж в яме! — заорал Красюк и полез к самому ее краю. — Гляди — кабанище!

Кабан был большой — пудов на пять. Он лежал на боку, привалившись спиной к осклизлому подрытому краю ямы.

— Давно, видать, свалился.

— Счас проверим. — Красюк выдернул жердь, толкнул кабана в бок. Кабан приподнял огромную голову с черным пятачком, из-под которого торчали острые клыки, судорожно всхрипнул.

— Не скоро выдохнется. А живого не возьмешь.

— Ну-ка посторонись! — обрадованно воскликнул Красюк. — Не первый раз свиней у кулаков воровать.

Еще потолкав кабана, дождавшись, когда он снова поднимет голову, Красюк с силой ткнул жердью в пятачок и с ножом в руке прыгнул вниз. Сизов даже не успел предупредить, чтоб постерегся: кабан в предсмертной агонии очень опасен. Но Кра-

сюк, видно, и в самом деле знал, что делал. Через минуту возня в яме затихла и снизу послышался довольный голос:

— Раз по носу, чик по горлу — и готово. Вору да не справиться с такой прибылью? Кидай веревку...

Этот вечер они блаженствовали, сидя у костра, на котором на длинной жерди жарились куски мяса. С озера тянул ветер, отгонял комаров да мошек. Над головой, где-то в вершинах деревьев, кричали сойки. Неведомо откуда налетели черные вороны, разыскали в траве остатки кабана, накинудись, загалдели, отталкивая друг друга. Возле костра, чуть ли не под самыми ногами, сновали бурундуки, трясли пышными беличьими хвостиками, набивали чем-то защечные мешки, исчезали в своих норах и снова появлялись, смелые и настороженные, готовые стащить что угодно.

В этот вечер Красюк впервые не держался за свой сверток, отложил его, кинулся ловить бурундуков. Но они были проворнее, выскальзывали из-под самых рук.

— Напрасный труд, — сказал Сизов. — Хочешь, покажу, как их наанайцы ловят?

Он обошел деревья на опушке, высмотрел бурундука, сидевшего на тонкоствольной березке, посвистел ему. Бурундук с любопытством посмотрел вниз и полез выше. Тогда Сизов принялся стучать по стволу палкой. Бурундук запищал и стал медленно сползать. Когда он сполз совсем низко, Сизов накрыл его шапкой.

— Вот и все.

— Чего ж раньше не ловил, когда с голоду подыхали? — взъярился Красюк.

— Во-первых, когда просто хочется есть, это не значит подыхать с голоду. Во-вторых, нам надо было спешить сюда, к этому озеру.

— Что, у тебя тут золотишко припрятано?

Красюк сказал это просто так, но тут же и поверил сказанному. Слишком непонятным был для него этот Сизов. Вместо того чтобы вести напрямую к железной дороге, по которой только и можно уйти из этого таежного края, пошел в самую глухомань. Шел, торопился, не останавливался даже для того, чтобы позаботиться о жратве... Такое из одной любви к свободе не делается...

Красюк искоса наблюдал за Сизовым, думая, что тот как-то да выдаст себя от такого прямого вопроса. Но Сизов только улыбнулся удовлетворенно.

— Золотишко? Нет, брат, тут кое-что поценнее.

— Что? — Красюк судорожно соображал, что может быть дороже золота.

— Найду, тогда узнаешь...

Ночью они вскочили от страшного рева. Кто-то большой и сильный рвал кору деревьев и ревел угрожающе, со свирепым придыхом. В холодном поту Красюк кинулся было в сторону, но тотчас вернулся: в крошечной темноте было еще страшнее.

— Тигр?!

— Медведь. Огня давай! — крикнул Сизов.

Они набросали в костер наготовленных с вечера веток. Пламя взметнулось, отодвинуло темноту, высветило черную, как

нефть, воду озера. Но медведя это ничуть не испугало. Он все взрывывал, скреб когтями.

Медведь затих сам, словно ему вдруг надоело рычать. Люди подались к самому огню, высматривая поярче головешки, которыми только и можно было отпугнуть зверя. Но он не появился, исчез, будто его и не было.

— Уходи, мишка, уходи! — на всякий случай крикнул Сизов в темноту, вспомнив, как их проводник, бывало, одним только голосом, спокойным, уверенным, отгонял зверя.

— Пальнуть бы! — сказал Красюк, тщетно борясь со странной, никогда прежде не испытанной противной дрожью.

— Пальнуть неплохо. Только звери и человеческий голос понимают. — Сизов помолчал, неторопливо укладываясь спать, потом добавил: — В отличие от некоторых людей.

— Каких это некоторых? — спросил Красюк. Он лежал с закрытыми глазами, хотел заснуть и не мог. Все мерещилось, что медведь вернется, сожрет кабана, вырвет из рук драгоценный сверток.

Ответа не дождался, заснул.

Очнулся от какого-то беспокойного чувства. Так бывало еще на воле, когда шел на дело и оглядывался, беспокоился. Если так было, то дело срывалось. Несколько мгновений он лежал не шевелясь, обдумывая, что бы это могло быть, потом приоткрыл один глаз. Светало. Озеро лежало белое под слоем тумана, словно до краев было палито молоком. Рывком он повернул голову. Сизов сидел рядом на корточках, пристально смотрел на него. Самородок, это Красюк чувствовал боком, был на месте, под ветками.

— Не шевелись! — крикнул Сизов. Не поднимаясь, он прямо на корточках переступил несколько шагов, протянул руку, осторожно что-то снял у Красюка со спины.

— Змея?! — отшатнулся Красюк. И успокоился, увидев, что в руке у Сизова ничего нет. И снова испугался: подумалось, что это, видно, неизвестная ему нечисть, какой в тайге предостаточно.

Сизов рассматривал это нечто, невидимое между пальцами, сложенными щепотью, не дыша, с необычным вниманием.

— Вспомни, где вчера терся? — тихо спросил он.

— Нигде не терся.

Красюк удивился и разозлился: ничего не говорит, а спрашивает черт-те что. Он хотел уже ответить такое-этакое на своем лексиконе, но Сизов вдруг вскочил и бросился в лес.

— Яму, яму надо смотреть! — донесся из чащи его голос.

«Рехнулся», — подумал Красюк. Ему вдруг стало тоскливо и страшно. Страшно тайги, живущей какой-то своей жизнью, к которой не приспособишься, страшно этого непонятного человека. Он поднялся, запрятал поглубже под ветки сверток, вынул нож и пошел в ту сторону, куда убежал Сизов.

Он разыскал его в яме, откуда они вчера выволокли кабана. Острым суком Сизов ковырял землю, отламывал серо-желтые комья.

— Свалился, что ли? — крикнул Красюк.

— Ты понимаешь, понимаешь?! — забормотал Сизов. И вдруг заорал сердито: — Чего стоишь, веревку кидай, веревку!

Не торопясь Красюк сходил к костру, размотал, бросил в яму конец веревки. Но Сизов, к его удивлению, вылезать не стал, скинул телогрейку, наложил в нее камней, потом продел веревку в рукава, завязал конец и велел тащить.

— Осторожней, не дергай. Да не рассыпь там! — кричал он снизу.

Голос был таким взволнованным, что Красюк забеспокоился: неужели он нашел то, о чем вчера говорил, что дороже золота? Торопливо выдернул веревку, развязал, увидел рыжеватые комья.

— Не яма это, не яма! — кричал Сизов, выбираясь по жерди, все еще торчавшей из ямы. — Это шурф, понимаешь? Кто его выкопал, кто? Я же эти места сам исходил. В прошлом году ничего не было.

Он схватил свою телогрейку с камнями, побежал к открытому месту, к свету.

— Что ж это такое, что ж такое?! — как помешанный говорил Сизов, перебирая камни. — Мы ж его там искали, а он, вот он где. Почему? Ну почему?..

Красюк хохотал: дает Мухомор, тихоня тихоней, а как разошелся.

— Что хоть это такое?

— Кас-си-те-рит! — выкрикнул Сизов как заклинание.

— Ну и что?

— Это же касситерит! Оловянная руда. А еще свинец, медь, может быть, золото. Полнметаллическая руда.

Золото — это уже кое-что. Красюк оживился, взял один из камней, потер пальцем. Камень отозвался белым блеском.

— Белое золото?

— Я же сказал: может быть, — почему-то раздраженно сказал Сизов. И вдруг засобирился, заспешил.

— Ты чего?

— Сходить тут надо.

— И я пойду, — хмуро сказал Красюк. Ему подумалось, что Сизов хитрит, хочет в одиночку найти еще что-то.

— Ты отдыхай. Купайся пока, рыбу лови. Рыба тут любую тряпку хватает, только брось...

— Ну уж нет...

Они долго шли по берегу, переходя обмелевшие в эту пору речушки, перелезая через плотные завалы корневищ. Потом углубились в чащу и снова вышли к берегу. Здесь озеро было не больше полукилометра в ширину. На другом берегу гладкой стометровой стеной поднималась скала.

Сизов остановился и долго смотрел на скалу, словно это был его родной дом, в котором он сто лет не бывал. Потом сказал глухо:

— Вот отсюда я его и столкнул.

— Кого?

— Сашу Ивакина.

— За которого сидишь?

— Я за себя сижу.

— Чего не поделили?

— Что? — не понял Сизов.

— Почем я знаю. Ну Мухомор! Силен мужик!..

Сизов молчал. Силен? Нет, он слаб. Слишком легко поддается чужому влиянию. Это еще в Саратове сказала ему та, что звалась женой. Молодая и красивая. А он был немолод, когда встретил ее. И полюбил, как только могут любить немолодые, никогда прежде не любившие. Он делал все, что она хотела, и вначале ей это нравилось. А потом надоело. «Нет в тебе гордости», — сказала ему. «Твоей хватит на обоих», — пошутил он. Да не вышла шутка. Нельзя, видеть, любить без оглядки. Сладок пряник, да приедается. «Хоть бы избил меня, что ли», — сказала она в другой раз. Он ужаснулся. Потом засмеялся, решив, что подтрунивает над ним. Но она была серьезна. Маялась не любя. Понял он это позднее, уже здесь, в тайге. А тогда был как слепой, тыкался туда-сюда, не зная, что еще для нее сделать. И дождался слов, от которых и сейчас при воспоминании холодом обдает сердце: «Я люблю другого. Уходи». Никого она не любила, просто сама не знала, чего хотела. Но и это он понял позднее. А в тот раз, закован и ничего не помня, собрался и уехал. Все равно куда, лишь бы подальше. И оказался в геологической партии. Вместе с Сашей Ивакиным, замечательным парнем, ставшим ему первым другом...

— А кто видел? — спросил Красюк.

— Кого?

— Ну тебя. Как ты его столкнул.

— Я видел.

— А свидетели?

— Я видел, — упрямо повторил Сизов.

— Не сам же ты на себя наговорил.

— Никто не наговаривал. Пришел, рассказал, как все было.

— Ну лопух! — изумился Красюк. — Лопух так лопух. Мно-го видел, но такого — впервые. Кто тебя за язык тянул? Ска-зал бы: сам упал.

— Кому?

— Кому, кому — прокурору.

— А что сказать себе?

Красюк злобно плюнул, взмахнул руками, даже повернулся кругом от возмущения и снова воззрился на Сизова.

— Ты что — дурак? Или сроду так? Тебе же срок припаяли за здорово живешь!

— Что срок? Человека-то нет. Друга нет.

— Тьфу ты, чокнутые эти ученые балбесы, совсем чокнутые. Ему-то все равно, а тебе жить.

— Разве я мог жить после этого?

— Не мог жить на воле, ломай хребет на лесоповале. Тут тебе помереть не дадут — начальство за тебя головой отвечает. Тут ты пронумерован, как ботинок...

— Тут я искупаю свою вину.

— Да вины-то твоей нету! — заорал Красюк, и крик его, метнувшись к тому берегу, отскочил от скалы звенящим эхом: «Ту-у!»

— Есть моя вина, — угрюмо сказал Красюк. — В той экспедиции я был за начальника. Он мой подчиненный. Но человек не мне чета. У него жена в Никше осталась, Татьяна, ребенка ждала.

— Ну дурак так дурак! — не мог успокоиться Красюк. — А, иди ты, — махнул он рукой. — Я купаться пошел.

Он размашисто пошagal обратно. Остановился в отдалении, оглянулся, крикнул брезгливо:

— А еще треплется — человека убил! Тоже мне!..

Сизов не отозвался. Стоял все там же, ничего не слыша, смотрел на темный срез обрыва, вспоминал. Было это прошлым летом, когда бродили они по этим горам вдвоем с Сашей, искали в обрывах выходы касситерита. Находился он тогда совсем близко от Саши, шагах в десяти. Услышал вскрик, вскинул голову, увидел словно в замедленном кино, как Саша, теряя равновесие, медленно клонился над обрывом. Кинулся к нему, но, вместо того чтобы схватить, неожиданно толкнул. Пальцы до сих пор помнили то соприкосновение с тугой Сашиной брезентухой. Как это получилось, Сизов не знал ни тогда, ни теперь. Закричал в ужасе и замер прислушиваясь. Уловил только, как что-то отозвалось снизу, то ли Сашин крик, то ли эхо. А вслед за тем донесся тяжелый всплеск. Не сразу донесся: высота тут немалая.

Сизов тогда чуть следом не прыгнул. Наклонился над краем и отпрянул: испугался высоты. Сбежал вниз на галечниковую отмель, самую близкую к серой стене, вертикально уходившей в воду, скинул телогрейку, сапоги и поплыл. Плавал под стеной, задыхаясь от озноба, кричал, звал. Тишина была немая, страшная. И вода была гладкая, мертвая. И ничего не плавало на поверхности, совсем ничего...

Сизов вернулся к костру только вечером, молчаливый, по-мрачневший. Не говоря ни слова, принялся жарить мясо.

— На гору, что ли, лазил? — спросил Красюк.

Сизов не ответил. Помолчав, заговорил о том, что надо как следует обжарить все мясо, иначе оно быстро испортится, и тогда снова придется голодать, поскольку дорога неблизкая.

— С утра пойдем?

— Погоди. Еще кое-что разыскать надо.

— Склад?

— И склад тоже.

— Ищи скорей. Соли хочется. Эта пресная свинина уже опротивела.

Сизов не стал говорить, что склад — высокий помост, укрепленный в развилке трех сосен, — он уже нашел, но никаких продуктов там не оказалось. Это могло означать только одно: человек, воспользовавшийся складом, был в крайне бедственном положении. Иначе бы он не тронул или бы возобновил запас. Так требует неписанный закон тайги.

— А как его выковырять-то? — спросил Красюк, когда оба они, навалив кучу хвороста, чтобы хватило на всю ночь, улеглись на свои ветки. Ветер порывами проходил над тайгой, и снова затихало все вокруг, рождая в душе какое-то смутное беспокойство.

— Что выковырять?

— Ну, золотишко. Ты ж говорил, что его тут много.

Сизов помолчал, вглядываясь в темневший, исчезающий в дымке дальний берег озера.

— Во-первых, я говорил: может быть. Это надо еще узнать.

— Так узнавай.

— Для этого нужна целая экспедиция. Нужно изучить месторождение, провести лабораторные анализы, собрать тонны промышленных проб. Нужна большая работа, Юра.

Он впервые назвал его так, по имени, и Красюк удивился было, но тут же приподнялся, озлобленный.

— Так чего ты мне голову дуришь!

— Это правда, Юра. Ты ждешь готовенького, но готовый продукт создается только общественными усилиями... Вот в этом суть всего эгоистического и преступного — жизнь за счет готового продукта, созданного обществом. — Он закинул руки за голову, смотрел в быстро темневшее небо. Говорил задумчиво и тихо, словно разговаривал сам с собой: — Они живут в мире, переполненном благами, и кажется им, что блага эти существуют сами по себе, независимо ни от кого. И потому считают себя вправе хватать все, что им хочется, ничего не давая взамен. Но общество потому и общество, что каждый его член не только потребитель, но и производитель, созидатель. Эгоисты же хотят только потреблять. Как крысы, они готовы жить объедками с большого общественного стола, лишь бы не работать, не производить, не отдавать...

Красюк слушал, накачивая себя злостью. Когда на суде почти то же самое говорил прокурор, он слушал, — прокурору так полагается, ему за это деньги платят. Но когда свой брат ээк начинает мораль читать... Красюк вдруг подумал, что Сизов хоть и ээк, но «своим братом» его никак не назовешь, другой он, совсем другой. Чужой. С этим не встанешь спина к спине, этот ради друга не пойдет на все, этому сначала надо знать, что за человек друг и заслуживает ли он защиты.

— Заткнись! — угрюмо сказал Красюк. — Мораль и в колонии надоела. — Он подумал, что пугать Сизова пока не стоит: еще сбежит. Пусть выводит из тайги, а там видно будет, что делать.

— А это не мораль, — все так же задумчиво сказал Сизов. — Это правда. Тебе вот золотишко покоя не дает, а по мне хоть бы его и вовсе не было. Касситерит — это олово и прежде всего олово. Но дело не только в касситерите. В этих горах и вообще в этом краю сказочные богатства. Уголь, железная руда, медь, — чего только нет. Немало здесь найдено, а что предстоит — дух захватывает... Ломоносов когда-то говорил: «Российское могущество будет прирастать Сибирью». Гениальное предвидение. Совсем немного пройдет времени, и приедут сюда люди...

— Ээки, — ехидно подсказал Красюк.

— Люди, — повторил Сизов. — И встанут большие города, пролягут железные дороги. В сопках встанут горно-обогатительные комбинаты, а на этом самом месте, вот тут, на берегу озера, будет построена набережная, и на ней, как на всех набережных мира, будут играть ребятишки. И люди будут приходить сюда любоваться озером...

Красюк слушал и дивился. Задремывал. Чудилось ему, что идет он по широкой набережной, а вокруг, за озером, впереди и сзади, вместо сопки, как терриконы, высятся горы из чистого золота, берн — не хочу. Он побежал к одной из таких гор, чтобы набить карманы дармовым золотишком, но тут откуда-то

вывернулся Сизов, погрозил пальцем, как нашкодившему ученику:

— А что ты сделал для общества?

Красюк кинулся к другой горе, но из-за горы вышел милиционер.

— А откуда ты пришел? — спросил милиционер.

— Оттуда. — Красюк махнул рукой куда-то в сторону, собравшись по привычке сыграть дурачка.

Милиционер посмотрел в ту сторону и вдруг заревел страшно, по-медвежьи.

Красюк вскочил с противной дрожью во всем теле. Ночь была темная, как вчера, — ни луны, ни звезд. Сизов суетился возле костра, валил в огонь охапки сучьев. А за черной стеной леса, совсем близко, как и вчера, свирепо ревел медведь, скрипел когтями, драл сухую кору.

— Повадился, — сказал Сизов. — Теперь не отстанет.

— Чего ему надо?

— Поди пойми. Может, нашего кабана учуял, а может, просто так хулиганит.

— Уходить надо.

— Не получится, если уж повадился. За нами пойдет.

— Чего ж делать-то?

— Одно остается — напугать.

Они кричали и хором и по отдельности, сердито и уверенно кричали, чтобы не выказать голосом страха: звери отлично понимают, когда их боятся. Но медведя эти крики не очень пугали. Пошумев в лесу, он, как и вчера, сам по себе затих, исчез, не показавшись на опушке.

— Чем его напугаешь?

— Какой-нибудь внезапностью. Утром подумаем. Спи пока.

— А если он снова?

— Не придет. Похулиганил — и довольно. Медведь норму знает.

Утром они осмотрели лес, нашли исцарапанную медведем сосну. Похоже, что медведь был громадный: до верхних царапин даже Красюк рукой не доставал.

— Чем его напугаешь, такого здорового?

— А как говорил гражданин Дубов? Нет человека, к которому нельзя было бы подобрать ключик.

— Так то человека.

— Попробуем применить это к медведю. Его ведь главное — ошеломить. Если догадается о засаде — не испугается. Неожиданность — вот что нужно. Скажем, только он начнет дерево царапать, а тут ему колом по башке...

— Вот ты и давай стереги его с этим колом...

— Погоди, кажется, придумал, — сказал Сизов, осматривая сосну. — Подсади-ка меня. И нож дай.

Он долез до первого сука и стал подрезать его сверху. Резал долго, старательно. Когда дорезал до середины, попросил кинуть веревку, привязал ее к концу ветки и спустился на землю.

— Что удумал? — спросил Красюк.

— Счас увидишь.

Он потянул за веревку и надломил сук так, что он расщелился вдоль.

— Теперь вот что сделаем: привяжем камень побольше, потянем его, захлестнем веревку вокруг ветки, проденем в расщепленное место, чтоб зажало, и обрежем конец.

— Ну и что?

— Если потянуть за надломленную ветку, конец веревки выскользнет и камень упадет.

— Ну и что? — снова спросил Красюк.

— Как только медведь начнет царапать сосну, мы потянем за ветку. Камень свалится медведю на голову, с ним случится «медвежья болезнь», он убежит и больше не вернется. Верное средство.

— Медвежья болезнь?

— Не слыхал? Другими словами, медведь наложит в штаны.

— Как бы нам не наложить. Хотел бы я знать, кто потянет за ветку?

— Если ты боишься, то я это сделаю. Привяжу к ветке веревку, отойду сколько можно и буду ждать.

— А если он тебя найдет?

— Думаешь, он нас возле костра найти не мог? Боялся. Хулиганы, они ведь все трусливые.

— Не нравится мне это.

— А ты всегда делаешь только то, что нравится?

— Давай хоть вместе затаимся.

Этого Сизов не ожидал. Что-то, видно, надломилось в Красюке, если заговорил о товариществе...

— Не надо, Юра, вдвоем затаиться труднее. Ты, как вчера, спи на своем месте...

Но Красюк в следующую ночь уснуть не мог. Полежал на ветках, запахнув от комаров голову телогрейкой и прислушиваясь. Тишина стояла плотная, и даже ветра, обычно шевелившегося в вершинах деревьев, теперь не было. Но тайга, как обычно, шуршала, стрекотала, вскрикивала различными голосами. Громче всех хохотал филин. И казалось Красюку, что филин хохочет над ним, запутавшимся в тайге, как и в жизни, напрасно мечтающим о богатой развеселой жизни. В этой ночной угрюмости леса, наедине с самим собой, ему вдруг стало совершенно ясно, что не будет у него богатства, потому что даже если и вынесет и продаст золото, то быстро спустит деньги, какие бы они ни были. Не умел он копить деньги, даже просто хранить не умел, это он знал за собой совершенно точно. И уж конечно, не будет веселья. Какое веселье, когда за спиной неотбытый срок? Да еще побег. Рано или поздно застукают — и опять пайка на лесоповале.

— Ничего! — со злостью сказал Красюк. Он встал и подсел к костру, подкинул веток для дыма. — Ничего. Хоть денек, да мой.

И снова мелькнула предательская мысль: до этого дня надо еще добратся. Он пожалел, что не расспросил о дороге на случай, если медведь все-таки найдет Сизова. Если это случится, куда идти, в какую хотя бы сторону? От этой мысли ему стало страшно. Темень крошечная, хохот этого проклятого филина и это одиночество у костра нагнали на него такую тоску, какой он не испытывал и в самые черные свои дни.

И тут он услышал резкое, как кашель, всхрипывание медведя.

Послышался скрежет когтей о кору, и вслед за тем страшный, берущий за душу рев резанул по ушам, пробрал, казалось, до самых печенок неприятной дрожью. Медведь словно бы перевел дух и снова принялся реветь. И вдруг он как-то странно икнул, будто ойкнул. И будто шороху прибавилось в тайге, и все стихло. Даже филин умолк от такого неожиданного поведения медведя.

Вскоре пришел Сизов, радостно посмеиваясь, принялся укладываться.

— Теперь можем спать спокойно. Шишку здоровую получил медведь, почешется.

Утром они осмотрели место. Под сосной валялся камень, обвязанный веревкой, а рядом «медвежьи следы» от внезапно случившегося с мишкой несварения желудка.

Красюк хохотал так, словно услышал донельзя оригинальный тюремный анекдот. Сказывались пережитые в одиночестве страхи. Сизов понимал причину этого неестественного смеха, но не мешал. С давних пор в нем укоренилось убеждение, что смех, если это не насмешка, действует благотворно. Смеясь, нельзя ни замышлять, ни делать злое.

Тихое было это утро, теплое и ласковое. Они сидели у костра, ели пережженную на огне кабанятину и посмеивались, вспоминая ночное приключение. Внезапный порыв ветра разметал костер, забросал поверхность озера листьями и ветками. Пошумев несколько минут, ветер так же внезапно пропал. Только озеро все ежилось, встревоженное, ходило мелкими частыми волнами.

Сизов встал, обеспокоенный прошелся по берегу, вглядываясь в тучи. Затянутое серой пеленой небо быстро темнело. Откуда-то из дальнего далека доносился низкий шорох, похожий на утробный гул.

— Уходить надо. К горе.

— Почему к горе? — подозрительно сощурился Красюк.

— Непогода идет.

— Подумаешь, дождик. Не размокнем.

— Бури бы не было. Застанет в лесу — пропадем.

Сизов подхватил мешок с камнями, кинул на плечо обжаренный, почти обугленный кабаньей окорок, приготовленный в дорогу, и, не оглядываясь, пошел по берегу...

Было уже за полдень, когда, совсем запыхавшиеся, мокрые от пота, они добежали до горы, полезли по каменистому склону. Ветер усиливался. Временами его порывы заставляли останавливаться, припадать к земле. Деревья скрипели, кряхтели по-стариковски. Кроны елей, лиственниц, сосен трепыхались так, словно их разом трясли десятки здоровенных медведей.

Склон впереди казался зеленым и ровным. Но Сизов не пошел на этот склон, полез в сторону по замшелым камням.

— Чего опять вниз? — забеспокоился Красюк.

— Кедровый стланик. Не пройдем.

Красюк не послушался, полез в низкий, по колено, кустарник и на первых же шагах застрял среди торчавших навстречу острых вершинок. Кинулся назад, зашпешил, чтоб не отстать.

— Торопись, Юра! Там пещерка есть, я ее заметил.

Позади слышался хрип, похожий на смех. Сизов хотел крикнуть сердито, что «зеленый прокурор» не обыватель с городской окраины и его блатными истериками не проймешь, что безволие во время здешней бури равносильно подписанию себе смертного приговора. Он оглянулся и увидел Красюка лежавшим на каменистом выступе. Побежал к нему и еще издали увидел темный кровоподтек у виска.

Испуганно оглядываясь на остервенелый лес, Сизов бросил свой узел с камнями и тяжелый окорок, принялся расталкивать Красюка. Отчаявшись привести в сознание, подхватил его под руки, рывками поволок в гору.

Пещерка была небольшая — как раз на двоих, но достаточно глубокая, чтобы лежать в ней, не высывая ни головы, ни ног. Сизов втиснул в нее ватное, непослушное тело Красюка и снова побежал вниз к угрожающе шумящему, свистящему, ревущему лесу. Пометался на опушке, надрал бересты, снова побежал в гору, подхватив по дороге свертки и мясо.

Красюк все еще не приходил в себя, лежал в той же позе, прислоненный спиной к стене. Сизов осмотрел его голову, потрогал обширный кровоподтек возле левого виска, набухший, тугой. Камень, о который, падая, ударился Красюк, по-видимому, не был острый, иначе были бы пробиты не только кожа, а возможно, и кость. И тогда... Сизов одернул себя, чтобы не думать о таком, приложил к ушибу бересту, поискал, чем бы привязать ее. Под руку попался узел с самородком. Он развязал его, машинально прикинул на руке бесформенный ком, снова прикинул и принялся рассматривать внимательнее. Усмехнулся, откинул самородок, стал обматывать голову. И тут Красюк пришел в себя. Оглядел усталым взглядом пещерку, Сизова, склонившегося над ним, темные лохматые тучи над горой. Сказал неожиданное:

— Гора-то тебя терпит... А кто с тобой сюда взбирается, пропадает. А?..

— Глупости болтаешь, — одернул его Сизов. — Просто по горам надо уметь ходить.

— А тот умел?

— Тот — другое дело...

— Чего это я?..

Красюк медленно поднял руку, пощупал повязку на голове и вдруг вскинулся.

— Где?! — закричал свирепо. — Золото где?

— Цело твое золото, — усмехнулся Сизов. — Вон валяется.

— Валяется, — успокаиваясь, сказал Красюк. Стащил с головы рубашку, снова завернул в нее самородок. И, вытянувшись, надолго замолк.

— Ты можешь сидеть? — спросил Сизов.

— Могу. Только ведь как у нас говаривали: лучше стоять, чем идти, лучше сидеть, чем стоять, лучше лежать, чем сидеть...

— Долго придется лежать, застынем. Садись спина к спине.

Они сидели, прижавшись спинами, и слушали рев ветра. Тайги уже не было видно, все скрывала вечерняя мгла.

Наутро буря бушевала еще сильнее. К полудню над сопками поднялась совсем черная туча, скрыла дали. Впереди этой

тучи катился белесый крутящийся вал. Молния наискось врезалась в этот вал, и он завихрился, заплясал еще быстрее, словно подстегнутый. Ударил гром, от которого задрожала гора. Снова вспыхнула долгая трепещущая молния. Едва она угасла, как из черной тучи змеей вынырнула другая молния, за ней третья, четвертая. Словно большие встревоженные птицы, взлетали над распадом обломанные ветки деревьев. Видно было, как огромная сосна, растущая на отшибе от леса, наклонилась до самой земли и вдруг приподнялась, грозя туче вырванными изломанными корневищами. Потом еще потемнело, и соседние сопки совсем исчезли из виду. Молнии ускорили свой адский танец, и грома ревели уже непрерывно, словно собравшиеся вместе тысячи медведей. И хлынул ливень. Поток воды ринулся с горы. Сначала они еще видели водяной вал, летевший по распадку, потом все закрыла водяная завеса, лившаяся с карниза над пещеркой.

— Ну ты молодец, Иваныч! Что бы мы делали без этой пещеры? — Красюк только теперь понял, каким лопухом он был, ругаясь с Мухомором, тянувшим его к этой горе.

— Пасть шайтана, — сказал Сизов. — Два солнца тайга купайся, комар пропади. Нам хорошо, птичкам плохо — кушай не моги. Два дня твоя сиди, спи...

— Чего это ты?

— Проводник так говорил. Застала нас буря вроде этой. Нет, пожалуй, эта посильней... Если бы не он — пропали бы.

— Слушай, — сказал Красюк, — а наври-ка ты что-нибудь про дороги да города. Все не так тошно будет.

— Я говорил правду.

— Ну хоть правду наври. Как там у тебя: набережная, дома на берегу озера...

— Школы, детские сады, спортплощадки. И конечно, заводы, дороги — автобусы будут ходить. И железная дорога придет — это непременно...

— А пожарная каланча будет? Люблю на пожарников глядеть.

— Будет, как не быть.

— А пивная?

— Будет.

— А тюрьма?

— Будет...

Он спохватился, толкнул Красюка плечом, чтоб не болтал, чего не надо. Но тот уже затрясся, захохотал, довольный. И Сизов тоже засмеялся. Просто так засмеялся, из солидарности. Он всегда радовался смеху, считая его помощником в любом деле, успокаивающим учителем, доктором, лечащим от любой хвори и в первую очередь от неверия, от хандры. Они смеялись, и в это время им казалось, что буря не рычит, а хохочет, не свирепствует, а лишь резвится.

Ветер стал ослабевать только к концу дня, но дождь хлестал всю ночь, и они всю ночь не спали, дрожали от пронизывающей холодной сырости.

К утру дождь перестал. Когда взошло солнце, они увидели, что натворила буря. Все вокруг было засыпано валежником, стволами рухнувших деревьев.

Они выбрались из пещерки, потянулись с удовольствием.

И сразу Сизов почувствовал то, что принимал за усталость, — ломоту во всем теле, тягучую болезненную истому.

— Как голова? — спросил он Красюка.

— А, пройдет.

Он не стал говорить о своем недомогании. Не тот человек. Он-то, поживший в колонии, хорошо знал: слабость расценивается такими людьми только как неспособность сопротивляться и будит не сочувствие, а озлобленное ожесточение.

По оклизымым осыпям они спустились к ручью и не увидели ручья. Перед ними бушевал поток желто-серой густой пульпы. Стволы деревьев, плотные валы бурелома на берегах — все было покрыто липкой грязью. Прошли к озеру, но и в озере вода напоминала кисель. Будь у них хоть какая-нибудь посуда, можно было бы набрать воды и дать отстояться. Но посуды не имелось, и пришлось пить эту воду, под которой, когда ее черпали руками, не видно было ладоней.

Сизов понимал, что положение, в каком они оказались, хоть ложись и помирай. Самое лучшее было бы отлежаться, отогреться у костра. Но оставаться не мог: боялся расхвораться. Да и собранные образцы торопили, гнали в дорогу. И он пошел, зашпешил, надеясь, что болезненная истома выйдет с потом.

— Сдурел, что ли? — бубнил за спиной Красюк. — Поскакал, как застоявшийся жеребец.

Сизов не отвечал, мутнеющим взглядом обводил сопки, выбирая склоны, на которых лес был пореже, и заставлял себя идти и идти.

На другой день на тайгу обрушилась жара. Солнце не грело, а жгло, словно стало в два раза горячее. И появились плотные тучи гнуса. Мошка попадала в горло, вызывала судорожный кашель.

Вечером, когда они развели костер на открытом берегу тихой, уже очистившейся от мути таежной речушки, Сизов понял, что дальше он не ходок. Лег на землю и забылся. Очнувшись лишь ночью, пощупал пихтовую подстилку под собой, удивился: когда успел веток наломать? Снова заснул. И показалось ему, будто едет на старой телеге по ухабистой дороге, — кидало то вверх, то вниз, умучивало. Потом почудился медведь: вышел из чащи, взвалил на спину и понес все быстрее да быстрее.

Опомнившись очередной раз, Сизов, увидел, что уже день, солнце жжет, висит над деревьями, покачивается. Опустил руку, почувствовал под пальцами лохмотья телогрейки, похожие на свалившуюся шерсть.

— Очухался? — спросил Красюк. Он присел, скинул Сизова в мягкий мох, словно мешок. — А я уж думал — очокурился. Плохо твое дело, Иваныч. Совсем без памяти...

Сизов нервно зашарил вокруг себя руками, привстал:

— Где?

— Чего? — удивился Красюк.

— Образцы где?

— Камни, что ли? Там остались.

— Принеси.

— Других насобираешь.

— Сам пойду. — Сизов встал покачиваясь.

— Связался я с тобой, — сказал Красюк. — Ладно уж, принесу.

Оставшись один, Сизов огляделся, стараясь угадать, где он теперь находится. Думал, что отлежится немного и пойдет искать свои образцы. Он не верил Красюку, думая, что тот попросту сбежал. Сбежал навстречу верной гибели? Тюремные блатные никогда не отличались здравым смыслом — это он знал очень даже хорошо.

Но Красюк вернулся. Бросил узел с образцами, сел возле Сизова, злой, черный от мошки, облепившей лицо. Сказал угрюмо:

— Я тебе не лошадь. Давай что-нибудь одно: или ты, или твои камни.

— Камни, — тотчас ответил Сизов.

Долго они лежали на мягкой моховой подушке, отдыхали.

— Пожалуй, я сам попробую, — сказал Сизов. Поднялся, прижал к груди свой большой узел и пошел к лесу. Красюк догнал его, подхватил под руку.

Так они и шли некоторое время. Потом Сизов почувствовал, что ноги у него сами собой подгибаются, словно в них не было твердых костей. Безднадежным взглядом он обвел окрестности, увидел в соседнем распадке полосу густой зелени и пошел туда, вниз. Выбравшись к речке, рухнул на берегу и закрыл глаза.

— Чего я за твоими камнями ходил? — сказал Красюк. — Покрутились да обратно сюда же и пришли.

Сизов ничего не ответил, лежал в немыслимой слабости, ни о чем не желая думать. И вдруг оживился от какой-то своей мысли, привстал на локте, внимательно поглядел на Красюка.

— Послушай, Юра, послушай меня внимательно. Не дойдем мы вдвоем, а один ты, может, выберешься. Ты здоровый, сил хватит. Я тебе скажу, как добраться до Никши, только дай слово, что выполнишь просьбу...

— Один?..

— Погоди, не перебивай. Ты вынесешь эти образцы и отдашь кому я скажу. Сделаешь?

— Сделать-то сделаю...

— Нет, ты не отказывайся. Пропадем мы тут оба. А один ты выберешься. Если все сделаешь и расскажешь, где оставил меня, то, может, еще и найдут...

— В такой тайге?..

— Скажешь, что образцы взяты у озера Долгого, в Оленьих горах. А это речка Светлая, километрах в десяти отсюда она попадает в озеро. Понял? Километрах в десяти...

Он откинулся на спину, полежал обессиленно и снова заговорил, не поднимая головы:

— Теперь слушай, как идти. Посмотри вверх по реке. Видишь сопку с голой вершиной? Поднимешься на нее, увидишь на востоке широкую долину. Там сопки отступают друг от друга. Запомни направление. Пойдешь, будешь держаться правой гряды сопки. И снова смотри на вершины. Найдешь черную гору. Да, да, черную, там угольные пласты выходят наружу, в осыпях хорошо видно. Гора эта небольшая, а за ней, рядом, другая — высокая. Если на нее взобраться, то можно увидеть до-

рогу. Это дорога на Никшу. Придешь в Никшу, разыщешь Татьяну Ивакину, жену Саши, друга моего...

— Который с горы упал?..

— Отдашь ей образцы. Она геолог, все поймет...

Чем дальше уходил Красюк, тем больше росло в нем раздражение. Ему не верилось, что удастся выбраться из тайги по таким приблизительным указаниям, камни оттягивали руки, и затея Сизова казалась ему все более бессмысленной. Перелезая через поваленное дерево, он оступился, упал, больно ударился коленом, зарычал от злости. Встал, подергал ногой, потер ушибленное место. При каждом движении колено отзывалось болезненной резью. И тут Красюк окончательно обозлился. На Сизова, упросившего тащить эти чертовы камни, на себя, ввязавшегося в идиотскую историю с геологией. Он швырнул узел с камнями под куст, прихрамывая, пошел по лесу.

— Нашел дурака, — ворчал он. — Тащи, как верблюды, да еще заявляйся в поселок, где верняком ждут мильтоны. Нашел дурака.

Он торопился, словно то, что оставил позади, могло догнать, потребовать ответа.

Долго шел не останавливаясь, рвал горстями надоевшую морoshку, ссыпал в рот вместе с листьями. Но от морoshки только больше хотелось есть. А тут еще болело колено. А тут еще мошка, комары, оводы и всякая прочая летающая сосущая мелочь стеной стояли на пути, не давали дышать. Казалось, упавши сейчас от усталости и отчаяния, и вся эта нечисть вмig высосет всего, оставив одну мумию с золотым самородком на груди, который потом найдет какой-нибудь случайный охотник, найдет и воспользуется на полную катушку.

И только он подумал об охотнике, как тут же и увидел его. Остановился в испуге, решив, что это ему привиделось, протер глаза, смахнув с лица слой мошки. Охотник все так же стоял под сосной и смотрел в его сторону. Это был невысокий нанаец, сухонький, с рыжеватой бородкой. Раскосые глаза на широком скуластом лице, словно клещи, впились в кусты, за которыми был Красюк. На всякий случай Красюк резко припал к земле, сразу по старой привычке, прикинув, что если отнять у охотника ружье, то можно не бояться ни медведей, ни глухотани, ни угрозы голодного конца. Выглянул из-за куста, увидел, что охотник медленно поднимает винтовку в его сторону. Красюк похолодел от простой и ясной мысли: его, согнувшегося за кустом, охотник принимает за зверя и сейчас всадит ему пулю.

— Э-ей, не стреляй! — кричал он, вскакивая во весь рост.

— Ты чего, хурды-мурды, как росомаха? — спросил охотник.

— Испугался.

— Медведь пугайся, лисица пугайся, человек человека не боись. Ты кто?

— Геолог я! — обрадованно кричал Красюк. Он решил пока потрещаться с охотником, заморочить ему голову, чтобы выбрать момент и забрать ружье, жратву и все остальное, что есть в торбе за его спиной.

— Геолог — другая людя.

— Говорю, геолог. — Он выхватил из-за пазухи сверток, торопливо развязал, показал самородок. — Видишь, золото нашел. Но это, как видно, еще больше обеспокоило охотника.

— Золото всякая людя находит.

— Чалдон недоверчивый, — тихо выругался Красюк. И вдруг представил, каким он сейчас стоит перед охотником — без ружья, без вещмешка, в изодранной телогрейке, с лицом, черным от кровоподтека, затянувшего висок и глаз, от грязи, от крови раздавленных комаров.

— Честное слово, геолог, — закричал он, — чего ты мне не веришь?! Мы тут руду ищем, касситерит, слышал? Тут знаешь какая земля?! Тут скоро дороги, города построят. Пивные будут. Понимаешь? Заблудились мы. Товарищ тут недалеко остался, а я дорожку ищу.

— Иди, кажи товарища.

— Прямо сейчас?

— Сейчас, сейчас.

— Давай хоть отдохнем.

— Ты отдыхай, а товарищ погибай?

Возразить было нечего. Красюк повернулся и пошел, стараясь идти по своему следу. Но скоро понял, что не уверен в дороге, и крикнул охотнику, идущему следом:

— Долгое озеро знаешь? Это в Оленьих горах.

— Знаешь, знаешь, — отозвалось за спиной. И Красюк понял, не оборачиваясь, что охотник ему по-прежнему не доверяет, идет поодаль.

— В озеро впадает речка Светлая.

— Знаешь, знаешь.

— В десяти километрах вверх по речке он и остался. Больной.

— Право давай, право. Сопка большой — дорога быстрый.

Красюк послушно свернул вправо, полез на сопку. Склон, казалось, не будет конца. Вершина была — вот она, рядом за кустами. Но, поднявшись к кустам, он увидел другой склон и другие кусты.

— Сопка два раза обмани, третий правду говори! — крикнул охотник, удивительной пронизательностью дикаря угадавший недоумение Красюка.

За первым выступом был другой, за другим — третий. Взобравшись наконец на вершину, Красюк увидел далеко уходящий пологий склон и сверкающее лезвие реки. На вершине охотник подошел ближе, и Красюк подумал — не кинуться ли теперь. Но решил пока не рисковать, сел на землю, отвалился спиной к тонкому стволу лиственницы. Охотник не садился. Прищурив и без того узкие глаза, внимательно осмотрел дали и показал куда-то вниз:

— Там твой товарищ?

Красюк ничего внизу не увидел, но согласно кивнул.

— Наша торопись, товарища выручай, — сказал охотник и пошел, покатился вниз, маленький, ловкий, юркий.

Через полчаса охотник вышел к реке, увидел Сизова, лежавшего навзничь на подстилке из пихтовых веток. Охотник присел над ним, потрогал лоб и почему-то почесал за ухом.

— Товарища, товарища!

— А? Кто это? — очнулся Сизов.

— Охотника я, Акима Чумбока.

— А, Чумбока, ну слава богу! — сказал Сизов тихо и успокоенно, словно узнал старого знакомого. — Плохо мне, товарищ Чумбока.

— Ничего, болезнь есть — человека нету, человека есть — болезнь нету, — произнес Чумбока загадочную фразу.

Он положил винтовку, развязал вещмешок, достал кожаный мешочек и отсыпал из него какой-то массы, похожей на табак, поднес Сизову к губам.

— Кушай пада. Трава кушай — болезнь боись, болезнь беги, приходи завтра.

Сизов принялся жевать и вдруг задумался, посмотрел вопросительно на охотника.

— Послушай, товарищ Чумбока, меня ты оставь, надо в тайге человека найти. Послал я его в Никшу, понимаешь? За помощью. А тайги он не знает, боюсь, заблудится. Найти его надо.

— Капитана — хороший человека, товарища — плохой человека, хитрая росомаха.

Он показал рукой в сторону, и Сизов, приподнявшись, увидел медленно приближавшегося Красюка. Долго пристально смотрел на него, словно не узнавая, и вдруг вскочил на подгибающиеся ноги, шатаясь, побежал навстречу.

— Где образцы? Образцы где? — закричал еще издали.

— Потерял. Сам еле живой.

— Потерял?! — Он крикнул это так громко, что эхо скакнуло по распадку. — Иди ищи! Сейчас же!..

— Ладно, — зло сказал Красюк. — Подумаешь, камни.

— Они наших жизней дороже. Это же олово, свинец. Это же... — Он зашелся в кашле, сухом и тягучем.

— Подумаешь, олово. Не золото же. Что им, ведра лудить?

Сизов махал руками и не мог ничего сказать — душил кашель.

— Свинец — пуля надо, — вмешался Чумбока. — Фашиста стреляй надо. Фашиста много — пуля надо много-много.

Кашель отпустил Сизова сразу, словно внутри его захлопнулась заслонка.

— Какая фашиста? — тихо спросил он, не замечая, что невольно подражает охотнику.

— Немецкая фашиста, злая людя, хуже росомаха, бомба бросай, города, стойбища гори.

— Что ты говоришь, Чумбока? Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Моя всегда поннмай. Ты много тайга гуляй, ничего не знай.

— Война, что ли? — испуганно спросил Сизов.

— Война, война, — обрадованно закивал Чумбока. — Фашиста много-много. Минска себе забрала, Смоленска себе забрала.

— Что ты говоришь такое? — Сизов почти шептал, боясь даже произносить названия городов, так далеко отстоявших от границы. — Ты знаешь, что такое Минск или Смоленск, знаешь, где они?

— Я ничего не знай. Охотники так говори, газета так говори.

— У тебя есть газета?

Чумбока полез в свой мешок, достал какие-то лохмотья.

Но Сизову и этого было довольно, расправив листок на камне, долго и пристально рассматривал полустертые строки. Потом медленно поднял тяжелый взгляд на Красюка.

— Там твои камни, — не дожидаясь вопроса, сказал Красюк. — В лесу валяются.

— Принеси! — угрожающе сказал Сизов. Он поднялся, покачнулся на ватных ногах, и Чумбока тут же подsunулся ему под руку, обхватил за спину, повел к веткам пихты.

— Принесу, куда они денутся, — сказал Красюк и пошел к лесу.

Вернувшись, он бросил на землю сверток с образцами и подсел к костру, который уже успел развести Чумбока, принялся подкладывать в огонь ветки пихты. Чумбока остановил его:

— Плохой дерев.

— Чем же пихта плоха? — с вызовом спросил Красюк.

— Она, как шаман, вредная, гори не моги, ругайся, стреляй угли. Тепла нет, пали кухлянка.

— А, делай сам!..

Красюк плюнул и отошел. Все-то у него не так получалось, ничего-то он не знал в тайге.

Дальнейшее Сизов помнил смутно. Был вечер, дымил костер, и Чумбока кормил его горячим мясом. Ночью его мучили кошмары, а потом он словно бы провалился в бездонную облегчающую пустоту.

Утром Сизову стало лучше. Он еще раз внимательно прочитал весь газетный листок и заторопился:

— Не можем мы тут сидеть, спешить надо. Стране олово нужно, мы сами нужны.

Красюк подумал, что сейчас Сизов скажет, что стране и золото тоже нужно, и приготовился ответить покрепче, чтоб не разевал рот на чужой самородок. Но Сизов про золото ничего не сказал, и Красюк успокоился.

— Куда иди, капитана? — спросил Чумбока.

Сизов сказал, что ему надо в Никшу. Чумбока ответил, что до Никши далеко и «капитана» не дойдет, что надо сначала пойти в зимовье, до которого «одно солнце» ходу. Сизов согласился, и Чумбока принялся укладывать собранные образцы руды в свой вещмешок.

Они шли медленно. Временами Сизову становилось совсем плохо, и Красюк вел его под руку, почти нес, а Чумбока снова отсыпал на ладонь своего зелья.

И еще ночь провели они возле костра. Лишь к следующему полудню вышли к небольшой избушке, сложенной из бревен лиственницы. Если бы не крошечные размеры, ее можно было бы назвать не избушкой, а настоящей избой. Дверь, сколоченная из притесанных друг к другу половинок еловых бревен, висела на крепких деревянных штырях. Из таких же половинок был наслан пол. Внутренние стены сверкали белизной, и Сизов сразу понял почему: при постройке они были ошкурены и хорошо просушены на солнце. У стены стояли высокие нары, устланные ветками березы, поверх которых лежал толстый слой сухого мха. Посередине стояли железная печка, стол и широкая скамья. Окно было маленькое — ладонью закрыть, но свету оно пропускало достаточно.

Все было в этой избушке, как того требовали неписанные законы тайги: на столе — чайник с водой, под потолком висела свернутая трубочкой береста, из которой торчала березовая лучина и виднелись завернутые в тряпочку спички. Снаружи избушки, у стены, стояла поленица мелко наколотых сухих дров. Все для того, чтобы измученный дорогой путник мог, не теряя времени, разжечь огонь, напиться чаю, обсушиться в дождь, обогреться в лютый мороз.

— Чей этот дворец? — удивился Сизов, оглядывая зимовье. Он знал — не нанайский, нанайцы таких добротных не строят.

— Капитана Ивана, — ответил Чумбока. — Жила тут, белку била, соболя, другая люда.

— Что ж он, в людей стрелял? — захохотал Красюк.

— Погоди, — остановил его Сизов. — Местные всех называют «людя» — зверей, птиц, деревьев, даже тучи...

— Ивана ушел немецкая фашиста стреляй. Хорошо стреляй Ивана, белка глаз попади.

Снова заняло у Сизова на душе. Бои под Смоленском! В это трудно, невозможно было поверить. Значит, рвутся к Москве? Но ведь собирались если уж воевать, то на чужой территории... Подумалось: газета старая, и, может, теперь война уж перекатилась на чужую территорию?.. Он вздохнул, понимая, что такое будет не скоро. Иначе было бы сразу. А если не скоро, то война потребует все — и эти леса, и угли, которые они нашли в прошлом году, и это олово...

Как ни стремился Сизов в дорогу, но понимал, что сейчас ему до Никши никак не добраться, надо отлежаться хоть немного, отойти от навалившейся свирепой простуды.

«Все проходит», — говорил древний мудрец. «Самый отъявленный лежебока рано или поздно поворачивается на другой бок». — Так говорил Саша Ивакин, друг и товарищ. И фортуна тоже рано или поздно поворачивается. Потому что постоянство несвойственно этому миру. Вот и они, измаявшиеся в тайге, добрались-таки до тихой обители — этой Чумбоковой избушки, пили настоящий крепкий чай, приготовленный Чумбокой, ели вкусное посоленное мясо, лежали на постели из мягкого мха, выстеленного все тем же Чумбокой, и наслаждались жизнью. И, как это часто бывает с людьми, благополучно перешагнувшими ловушку судьбы, жаждали бесед, общения, шуток. Исполненные благодарности лесному божеству — широколищему Чумбоке, они добродушно подшучивали над ним. Так подобранный на улице щенок, обогретый и накормленный, заигрывает со спасшим его человеком, кусает и тыкает, прыгает, всячески показывает, что он готов на любую игру.

— Скажи, Чумбока, ты не шаман? — спросил Красюк, отвалившись от стола. — Больно хорошо тайгу знаешь.

— Глаза есть — гляди, сама все знай, — ответил Чумбока.

— Я вот тоже сколько в тайге живу, — он чуть не сказал «в колонии», — а так леса не знаю.

— Ветер тайга летай, прилетай, улетай — ничего не знай. Белка тайга ходи, смотри нада, кушай нада — все знай.

Сизов рассмеялся, такой житейской мудростью повеяло от слов

Чумбоки. «А может, Чумбока еще и проницательней? — подумалось. — Может, это он специально для Красюка сказал, живущего как перекасти-поле?»

— Ворона — глупый людя? — спросил Чумбока, решив, видимо, что объяснил недостаточно. — Ворона — хитрый людя. Весь тайга носами гляди, зря летай нету, хорошо тайгу знай.

— А шамана ты боишься?

— Зачем боись? Вся шамана — хитрая людя, росомаха они. Он помолчал, попыхивая своей трубкой.

— Раньше я сильно боись шамана. Маленько шамана плутай, маленько обмани, моя больше не боись шамана.

— Украл, что ли? — спросил Красюк.

— Украл, украл, — обрадованно закивал Чумбока, — много, много солнца назад. Лежало на земле много-много снега. Тот год я привел своя фанза жена Марушка. Моя ходи река, рыба лови, леда дырка делай. Потом ложись леда рядом дырка, слушай, что рыба говори. А вода — буль-буль-буль. Моя понимай: вода рыбой говори. А потом рыба прыгай леда и шибко, шибко бегай. Моя пугайся, бросай все, беги фанза, говори жена Марушка: «Рыба глупый сделай, земля и леда жить хочет. Что делать будем — ой-ой-ой!» Марушка кричи: «Бегай стойбище, зови Зульку шаманить». Моя бегай шамана. Шамана ходи бубнами леда, говори: «Рыба глупый болей. Табу, табу этой рыба. Кушай не могли, сам глупый станешь. Гляди: луна пойдти туча, рыба опять назад вода ходи. Камлать надо место, снимать табу». Марушка проси: «Сколько плати камлать?» Шамана отвечай: «Медведь одна, олешка одна, выдра одна, рука соболей».

Чумбока растопырил пальцы, показывая пять.

— Ну и Зулька! — восхитился Красюк. — Почисти нашего Оси с киевского Подола.

— Марушка говори: «Ой-ой-ой! Мы люди бедный, где бери столько?» Проси Зулька-шамана: «Когда камлать начини?» — «Ночь луна ходи туча, — камлать начини». Сидим ночь, луна уходи туча, боимся гляди из фанзы. Луна вернись и свети шибко много. Наша гляди на леда: шамана вместо камлать клади на ша рыба нарты, собака корми. Моя злись, как медведь берлога. Моя скачи фанза, прыгай сохатым тальник, кричи сердитый медведь. Шаман пугайся, бросай нарты и бубен, бегай леда: «Шатун! Шатун!» Шаман беги, я сам шамани...

Они посмеялись, но уже вразной, устало. И снова пришли, навалились на Сизова тревожные думы о войне. Сказал Красюку:

— Киев тоже, наверно, бомбят.

Тот никак не отозвался. Лежал рядом на нарах и молчал.

— Кто-нибудь остался в Киеве-то?

— Мама, — односложно ответил Красюк.

Чумбока заполз в угол нар и сразу же тихонько захрапел, удивив таким умением. Сизов посмотрел в сумрачное окошечко, накрылся с головой оленьей шкурой, предположенной предусмотрительным Чумбокой, и тоже попытался уснуть. Но сон долго не шел, думалось о войне, которая все поворачивала по-иному. Теперь как награду, как сладчайшую амнистию воспринял бы он право пойти с винтовкой в атаку и умереть в бою.

Проснулся Сизов от непонятного стука за стеной. По телу растекалась бесконечная слабость. Это обрадовало его: слабость — начало выздоровления. Открыл глаза, увидел солнечный свет за окном. Пересилив себя, поднялся, толкнул тяжелую дверь. Свету было так много, что он зажмурился. Солнце, только приподнявшееся над дальней сопкой, жгло полуденным зноем. Сизов подумал, что день будет нестерпимо жаркий, если уже с утра так палит. И тут снова что-то стукнуло за углом. Он шагнул с порожка, увидел Красюка, бодрого и веселого, кидающего полешки в ближайшую лиственницу.

— Ты что делаешь? — крикнул Сизов.

— В городки играю, — невозмутимо ответил Красюк.

— Для того ли дрова заготовлены?

— Так их много. Хоть месяц тут живи — нам хватит.

— А другим?

— Что мне до других?

— Подбери! — угрожающе сказал Сизов. И сдержал себя, принялся разъяснять: — Еще и заготовить надо, что вчера сожгли, а ты разбрасываешь.

— Больно надо, — усмехнулся Красюк. — Не для того уходил с лесоповала, чтобы здесь выламываться.

— Кто-то же ради тебя выламывался.

— А я не буду.

— Шатуном хочешь жить?

— А что, медведя-шатуна все боятся.

— Боятся? Он пухнет с голоду, кидается на любую падаль и первый попадает под пулю первого же охотника.

— Ладно, не каркай. Подумал бы, что пожрать.

— Тайга кормит только добрых людей.

— На добрых воду возят, — сказал он беззлобно. И наклонился, поднял несколько полешек, положил в поленицу. — Ты как хочешь, а я пойду чалдона будить.

— Спит Чумбока? — удивился Сизов.

Это было непохоже на таежного жителя, чтобы проспал восход, и Сизов шагнул было к избушке, обеспокоенный, — здоров ли нанаец. Но тут из зимовья послышался восторженный вопль Красюка.

— Гляди, что нашел! — кричал Красюк, выкидывая из дверей связки шкурок. — С этой прибылью куда хошь поезжай!

Сизов наклонился, разгреб руками мягкую грудку мехов. Были здесь шкурки горноста, колонка, белки, лисицы, с полдюжины черных соболей.

— Где взял? — спросил он.

— В чулане висели. Как думаешь, что за это дадут?

— Петлю.

— Чего?

— Петлю, говорю! — закричал Сизов. — Так по-собачьи жить, сам повесишься!

Он сгреб меха и понес их в зимовье.

— Куда? — заорал Красюк. — Я нашел, мои шкуры!

Сизов бросил меха, схватил топор, стоявший у порога.

— Назад! — не помня себя, закричал он. — Если ты шатун, так я сейчас раскрою тебе череп, и совесть моя будет чиста.

Красюк попятился, растерявшийся от такой невиданной решимости тихого Мухомора.

— Ты чего?

— Они не мои и не твои, эти шкуры, понял? Нельзя жить зверем среди людей, нельзя! Если хочешь, чтобы тебе помогали, будь человеком. Человеком будь, а не скотом!..

Красюк неожиданно отскочил в сторону, обежал Сизова, захлопнул за собой дверь зимовья, крикнул изнутри:

— А вот сейчас я ружьишко возьму. Поглядим, кто кого.

Это было так неожиданно, что Сизов на мгновение растерялся. А в следующий миг он вздрогнул от того, что резко распахнулась дверь. Красюк был без ружья, и весь его вид говорил об испуге, а не о решимости.

— Ушел! — с придыхом произнес он. — Чалдон ушел!

— Ну и что?

— Милицию приведет.

Он засуетился, кинулся в зимовье, выскочил, засовывая под телогрейку свой драгоценный сверток.

— Давно ушел, выдать, еще ночью. У, хитрая сволочь! Прошамана голову морочил. Сложил вещицы, будто спит, а сам ушел. Драпать надо, драпать, пока не поздно!..

Сизов молчал, ошеломленный. Слишком много навалилось на него в этот утренний час, слишком разным выставился перед ним Красюк за короткое время. Он стоял неподвижно, забыв, что еще держит топор, и пытался понять непостижимо быструю трансформацию этого человека. Как в нем все сразу уживается — ребячья игра, отсутствие элементарной благодарности, слепая жадность, беспредельное себялюбие и такая же беспредельная ненависть, готовность убить? Сколько еще в тюрьме ни приглядывался Сизов к блатным, не мог понять их. Что ими движет, чего хотят? А теперь, в этот неожиданный миг, он вдруг понял: ничто ими не движет, они беспомощны, они рабы злобы, которая сидит в них, рабы самовлюбленности и жадности, даже собственной психической недоразвитости. Они рабы и потому трусы.

Мимолетным воспоминанием вдруг прошел перед ним и прошлогодний разговор с другом Сашкой, когда они то же самое говорили о фашистах, сильных перед слабыми, ничтожных перед сильными. И очень опасных своей бесчеловечной, мстительной, трусливой жестокостью.

А Красюк все метался. Выволок шкуру оленя, под которой Сизов спал ночь, бросил на нее вчерашнее недоеденное мясо, стал заворачивать.

— Ты чего? Собирайся. Накроют ведь.

Сизов молчал, стоял опустошенный, оглушенный, растерянный.

— Ты как хошь, а я дураком не буду.

Он подхватил сверток, кинул сожаляющий взгляд на связку шкурок, над которыми все так же, с топором в руке, стоял Сизов, и нырнул в чашу.

Сизов подобрал шкурки, отнес их в чуланчик, развесил. Когда снова вышел на порог, увидел Чумбоку, согнувшегося под тяжестью ноши. Нес он подстреленную косулю.

— Вот, — сказал Чумбока, сбросив косулю у порога и приветливо улыбаясь. — Кушай нада. Кушай нету — сила нету.

— Красюк в тайгу ушел, — сказал Сизов. — Побоялся, что ты пошел милицию звать. Он из уголовников, Красюк-то, всего боится.

— Людя бонсь — сам себя бонсь, — подытожил Чумбока.

— Найди ты этого дураля. Пропадет в тайге.

Чумбока ничего больше не сказал, ничего не спросил, подхватил свое ружьишко и все так же неторопливо пошагал в лес.

Сизов вошел в избушку и упал на нары, чувствуя, что нет сил даже пошевелиться, не то чтобы встать и подогреть чай.

Страх гнал Красюка в глубину распадка. Почему-то казалось, что только там, где гуще таежная непролазь, надежней можно укрыться от милицейского глаза. Думалось, что милиционеры ползут повыше, чтобы высмотреть его сверху. И он боялся выходить на вершины, где реже росли сосны и где человек был бы виден отовсюду.

В распадке было сумрачно и тихо. Плотно перепутавшиеся сучья цеплялись за ноги, рвали и без того изодранную телогрейку. Он задыхался, пробираясь через буреломы, припадал к ручьям, бегущим в низинах, тыкался лицом в воду, жадно пил и студил лицо. И снова вскакивал, бежал дальше. Злобное отчаяние держало за горло. Он жалел, что не ушел еще ночью, когда Чумбока спал и когда можно было захватить его ружьишко, жалел, что поверил этому Мухомуру Иванычу и потерял столько времени, слушая его сказки о будущих дорогах и городах. И еще о чем-то жалел, неясном, давнем, слезно-горьком, от чего жизнь его пошла наперекосяк. Сейчас он готов был убить кого угодно, кто так или иначе толкался в жизни рядом с ним, потому что каждый, как ему казалось, хоть немножко, да виноват в несчастях, свалившихся на него. Хотелось есть, хотелось разжечь костер, упасть в мягкий мох и забыться. Но он боялся остановиться, боялся, что огонь заметят, что этот проклятый чалдон за километры учует запах дыма. И Красюк бежал, бежал и бежал.

Когда сумерки серой пеленой затянули небо, он с разбегу влетел в густой кустарник и вдруг почувствовал, что кто-то его схватил сзади. Дернулся, услышал треск обломившегося сучка. Обрадовался было, поняв, в чем дело, но тут же вскрикнул от боли: острый шип, проткнув телогрейку, вонзился в бок. Он дернулся, потер бок, почувствовал липкую мокроту крови. Осторожно выбрался из кустарника и вдруг увидел прямо перед собой узкую длинную морду с клыками, торчавшими книзу. Холод дрожью прошел от затылка к пяткам. В следующий миг морда исчезла, и кто-то большой и гибкий метнулся в сумрачной чаще, и послышался сдавленный крик, словно тут, совсем рядом, кто-то кого-то душил. Красюк рванулся в сторону и отпрянул: прямо на него сверху вниз, распластавшись в воздухе, летело что-то глазастое, мохнатое, похожее на черта, каким он себе его представлял по страшным сказкам, до которых эки были большие охотники.

И тогда он закричал в истеричном испуге, как кричал только в детстве во сне, когда чудились страшилища. И вдруг услы-

шал голос, от которого новая волна холодной дрожи прошла по спине:

— Чего кричи? Чего зверя пугай?

До него не сразу дошло, что это Чумбока, таким неожиданным и непонятным было его появление. Успокоился, только когда увидел охотника одного, с ружьем за спиной. Но еще огляделся и прислушался, прежде чем решился отозваться:

— Это ты, чалдон? Черт-те что тут летает да прыгает.

— Зачем черт, нету черта. Дикая кошка кабарга охотись. Белка-летяга прыгай. Каждый людя кушай хоти...

— Ты куда утром ходил? — перебил его Красюк.

— Тайга ходи, косулю стреляй, кушай нада.

Красюк поверил. Почему-то поверил сразу и удивился самому себе, своим страхам. И расхохотался громко, истерично. Когда насмеялся вдоволь, спросил, утирая слезы:

— Давай костер раскладывать?

— Зачем костер? — сказал Чумбока. — Избушка иди.

— Где она, избушка? Далеко же.

— Зачем далеко? Сопка поднимись, сопка гляди, избушка находи.

Он показал на вершину соседней сопки и, ничего больше не сказав, пошел поперек распадка к пологому склону. Снова охваченный недоверием, Красюк подождал немного и пошел следом на приличном расстоянии, настороженно поглядывая по сторонам. Поднявшись на вершину, увидел внизу знакомый изгиб речки, полянку между лесом и речкой и притиснувшееся к опушке зимовье, возле которого дымил костерок. И поразился, как недалеко ушел за целый день беготни по тайге.

Сизов очнулся только под вечер, когда солнце уже склонялось к сопкам. Стояло полное безветрие и странная для тайги тишина. Он постоял на пороге, прислушиваясь к этой тишине. Вдруг словно дрожь прошла по лесу: при полном безветрии деревья внезапно зашумели и так же внезапно затихли. Было во всем этом что-то непонятное, тревожащее. Он снова вошел в избушку, лег на нары, устав от этих нескольких своих шагов. Полежал, собрался с силами, вышел, принялся разжигать костерок, чтобы повесить чайник.

Вечером вернулся Чумбока. За ним следом шагал Красюк со своим нелепым узлом.

— Тайга сильно плачет, — сказал Чумбока, сразу же подсев к костру. — Моя пугайся. Иди надо, прыгай косулей, скачи белкой.

— Что случилось? — удивился Сизов. Идти, а тем более скакать белкой ему сейчас очень не хотелось.

— Слухай, слухай, лес кричи, беда иди.

Сизов прислушался. Стояла глухая тишина.

— Не идти же на ночь глядя?

Чумбока ничего не ответил, встал и пошел укладывать свой вещмешок.

Ночью Сизов проснулся от смутной безотчетной тревоги. Встал, вышел из избушки. Увидел Чумбоку, сидя дремавшего возле костра. В лесу необычно громко кричали филины, ревели изюб-

ры. Тихо, чтобы не побеспокоить Чумбоку, он вернулся обратно, осторожно притворив за собой дверь, лег и отчего-то долго не мог заснуть.

Утро вставало тихое, солнечное, и тревога, беспокоившая Сизова ночью, улетучилась. Только Чумбока все метался возле зимовья, что-то подправлял, что-то доделывал.

— Гляди, капитана, гнус, комар пропади, — сказал он.

— Ну и хорошо, — улыбнулся Сизов. Болезнь, видать, отходила, чувствовал он себя лучше.

— Тайга хитри. Моя боися. Надо беги сободем.

— Раз надо, значит, надо, — согласился Сизов. Не первый год общался он с местными охотниками и знал: если они что говорят, слушай и исполняй. Иначе пожалеешь, спохватишься, и дай бог, если не слишком поздно.

Красюк был непривычно тих после вчерашнего, смотрел из-под бровей то ли стыдливо, то ли злобно — не поймешь. Только один раз сказал угрюмо:

— Сдрейфил чалдон.

Сизов никак не отозвался, и Красюк больше не лез со своими замечаниями, не мешал.

Они собрались быстро, перекусили на дороге, напились чаю и пошли по распадку вниз, где еще лежали хвосты белого тумана. Лес время от времени начинал шуметь, словно трепетал перед неведомой опасностью. И тогда Чумбока поглядывал на небо и торопил:

— Ходи шибко, прыгай сохатым. Моя боись.

— Чего ты боишься-то? — спросил его Сизов.

— Либо лес ломайся, либо огонь ходи. Надо беги, вода иди.

За день прошли немного. К вечеру вошли в сырой лес, где пахло папоротниками, потной корой, влажными мхами. Здесь решили переждать ночь. Выбрали площадку, свободную от подлеска, разожгли костер.

Ночью шумел ветер, и, как вчера, лес был полон тревожных голосов. Утро пришло тихое, солнечное, но Чумбока все беспокоился, суетился, торопил в дорогу.

— Шибко, шибко надо, моя боись.

Утром спустились в низину, пошли по кочковатой равнине, заросшей высокой травой, редкими кедрами и соснами. Коричневые птички пищухи, как всегда, бегали по стволам, в кронах кедров суетились корошки, пеночки-теньковки. В синем чистом небе кружился короткохвостый орел-гусятник. Чумбока проследил за орлом, высмотрел блестящее пятнышко озерца и стайку казарок на нем.

— Тута сиди жди, — сказал он, снимая свой вещмешок и отставляя винтовку. Но не сел, стоял и оглядывался внимательно.

— Гляди-ка?! — удивленно закричал Красюк, показывая в сторону.

По равнине, то исчезая за кустами, то выскакивая на открытое место, бежал лось, а на рогах у него пушистыми комочками сидели три белки.

— Капитана! — глянув на лося, испуганно закричал Чумбока. — Твоя шибко, шибко беги, копай яма. Ближе тайга ходи огонь.

Он первым побежал вниз, в сторону озерца. В редколесье на

моховом болоте остановился, стал торопливо рвать мох, сваливая его кучкой. Сизов и Красюк ринулись следом, тоже принялись рвать мох.

— Надо спешить, спешить! — кричал Чумбока. — Быстро копай моха. Моя быстро боится.

Подо мхом была мокрая коричневая земля, вся пронизанная нитями корней. Они рвали их, черпали ладонями землю, откидывали. Скоро под ногами захлюпала жижа, но копать стало не легче, а даже и труднее: земля вытекала из рук, и в ладонях оставалось совсем немного.

Вдруг Сизов выпрямился резко, будто его ударили, и побежал к тому месту, где они недавно сидели.

— Капитана! — завопил Чумбока.

Сизов не оглядывался, не отвечал. Добежав, схватил вещмешок, в котором были собранные образцы.

— Какой глупый людя! — ругался Чумбока. — Твоя нету — ничего нету.

Поминутно взглядывая на небо, он сооружал раму из жердей. По небу уже тянулись хвосты дыма. Неподалеку с невиданной скоростью промчалась медведь, но Чумбока даже не посмотрел ему вслед, торопился.

Дым все плотнее затягивал болото, першило в горле. Но солнце жгло по-прежнему. По лицам стекал пот, и не было времени остановиться, вытереть его.

В восточной стороне взметнулся над лесом длинный огненный язык, слизнул орла. На западе небо чернело грозowymi тучами, но было ясно, что дождь не успеет и огонь пройдет через болото раньше. Было страшно от мысли, что этот огонь придется пропустить через себя.

Чумбока переплел сделанную раму сырыми ветками, поставил ее наклонно на подпору над черной водянистой ямой, принялся заваливать раму мокрым мхом.

Огонь обтекал болото с обеих сторон, всплескивался над листьями, давился сухостоем, прятался за дегтярную завесу дыма и снова выныривал из нее красными языками. Вот он окружил группу кочек на краю болота, заплясал вокруг, пережевывая сухую траву. Было видно, как на кочку выползла гадюка, свернулась спиралью, вскинулась вверх, упала в огонь и заметалась, забила в конвульсиях.

Тайга плакала, ревела, гудела. По стволам сосен и кедровых янтарными струйками стекала смола, и огонь молниями взлетал по ней к высоким кронам. Было интересно и жутко смотреть на все это.

Нервно и суетливо они продолжали выкидывать руками болотную жижу из вырытой ямы, и только Чумбока теперь оставался спокойным. Казалось, его совсем не интересовали ползущие по болоту языки пламени. Он неотрывно смотрел на восток, где темной стеной стоял в дыму высокий лес и откуда доносился глухой гул.

— Травы горят — нету, леса горят — беда, — сказал Чумбока. И, подхватив охапку мокрого мха, показал, как надо закрывать им лицо.

— Ложися, ложися! — закричал он и первый плюхнулся в болотную жижу, уткнув лицо в моховую подушку. Но тут же

приподнялся, посмотрел, так ли все сделано, как надо. И еще глянул на лес, помедлил секунду. Когда в многоголосом трескучем гуле пламя выплеснулось к опушке, он снова лег и выбил ногой подпору, удерживавшую навес.

Воздух был горячим и тяжелым. Сизову показалось, что вот сейчас этот плотный воздух сорвет мох с навеса, и тогда не выдержать инквизиторской пытки огнем. Он слышал, как сверху падали горячие головни. Жгло спину, и вода снизу становилась горячей. Едкий смолистый дым забивал легкие, душил кашлем. Но ничего не оставалось, как терпеть и ждать, ждать и терпеть.

— Твоя гляди не моги, — бубнил Чумбока. — Глаза жарко не люби. Слепой ходи домой не моги. Пропадай нету...

Когда отпустила жара и стало легче дышать, они выглянули из-под навеса. В отдалении увидели пылающие факелами огромные кедры. Слышно было, как от сильного жара лопались деревья и всхлипывали, словно живые. По земле катились, удаляясь, змееподобные валы огня, языки пламени сновали по земле, подбирая все, что осталось несгоревшего.

Они выбрались из-под навеса мокрые, измазанные грязью, задыхающиеся от едкого дыма и гари. Вид леса был ужасен. Вместо деревьев торчали из черной земли черные высокие колья.

Сизов шагнул к Чумбоке, чтобы обнять его, поблагодарить. И остановился, услышав детский плач: «Уа-а! Уа-а!» В ужасе бросился на этот плач, перепрыгивая через еще не умеревшие языки пламени. На берегу дымящегося ручья увидел двух обгоревших зайцев. Они терли черными лапами глаза и совсем по-детски всхлипывали. Время от времени высоко подпрыгивали, падали на бок, дергались и снова подпрыгивали.

— Совсем глаза пропади, — сказал Чумбока. Он постоял, посмотрел и, вздохнув, пошел собирать брошенные в грязь вещи.

Сопки, еще утром бывшие неописуемо красивыми, теперь словно бы съежились, возвышались черными похудевшими куполами. Еще утром они прикрывали одна другую, сливаясь в общее зеленое море, теперь же стояли отчужденно, и даль была открыта взору, задымленная, черная даль.

Весь этот день пробирался они по остывающей гари. Лишь к вечеру, перейдя широкое каменистое русло мелководной без дождя речушки, оказались в зеленом лесу, не задетом черным крылом пожара. Сизов теперь чувствовал себя куда лучше, чем накануне: пожар, как видно, основательно прогrel его.

И еще «четыре солнца», как говорил Чумбока, шли они по тайге. Лишь в середине пятого дня, поднявшись на сопку, увидели в открытом безлесном распадке россыпь домов поселка Никша.

— Все-таки пойдешь? — спросил Красюк.

— Надо, Юра.

— Так ведь возьмут.

— Я сам приду.

— Ну уж нет, я не полезу.

— Подумай. Я схожу, отдам образцы, а ты подумай.

— Уйдешь?

— Вернусь, вместе додумывать будем. Дума-то у нас не-
легкая.

— Я тебе не верю!

— Ну, Юра, — улынулся Сизов. — Как я могу не прийти?
Ты же обещал поделиться.

— Не верю.

— А ты поверь. Легче, когда веришь-то.

— Ну давай, — отрешенно сказал Красюк. — До вечера по-
жду.

Чумбока стоял безучастный, то ли не понимал, о чем речь,
то ли делал вид, что не понимает.

По мере того как приближались крайние дома поселка, Сизо-
ва все больше охватывали волнение и непонятная тревога.
Редкие прохожие с интересом посматривали на него и на шагав-
шего рядом Чумбоку, но всеобщего внимания, чего больше всего
опасался Сизов, не было. Что из того, что черны и оборваны,
люди ведь из тайги пришли. Если сами пришли, значит, все в
порядке, бывает хуже.

Татьяна, вдова Саша Ивакина, жила в двухквартирном до-
мике, четвертом от коновязи — шершавого, изгрызенного ло-
шадьми бревна, лежавшего на низких стойках чуть ли не по-
середине улицы. К этой коновязи когда-то они, возвращаясь из
экспедиций, привязывали лошадей и шли к нему, к Саше, пить
чай, отмываться и отогреваться. Каждый раз Сизов отнекивался,
и каждый раз Саша настаивал, уводил его к себе домой. Жалел
одинокого и бездомного.

У коновязи Сизов попрощался с Чумбокой.

— Куда потом иди? — Чумбока смотрел внимательно, словно
все знал про него и теперь интересовался только тем, как и
что он ответит.

— Потом вернусь к Красюку, попробую разъяснить ему, как
жить дальше. А потом надо к властям явиться.

— Разъясни, разъясни, — закивал Чумбока. — Медведь тай-
га живи, сохатый тайга живи. Человек один тайга совсем про-
пади.

Он поддернул плечом, поправляя ремень винтовки, и, не огля-
дываясь, пошел по пустынной улице вдоль редкого ряда домов.

Сизов машинально тронул шелушившееся занозами бревно и
отдернул руку, словно прикоснулся к горячему. Это мимолет-
ное касание как ударило — всколыхнуло боль воспоминаний. Он
попытался представить, как встретит его Татьяна, но ничего не
представилось: то ли воображения не хватило, то ли мысль
сама уходила от этих слишком тревожных картин. Если бы мог
что-то сделать для Татьяны, для маленького Саша Ивакина, он
давно бы уже сделал... И вдруг пришло в голову, что тайной
пружиной, толкнувшей его на побег вместе с Красюком, было не
одно только желание взглянуть на гору, с которой упал Саша,
не простое намерение отыскать Сашину мечту — касситерит, а
именно то, что он делает теперь, — принести руду Татьяне и
тем хоть чуточку смягчить свою вину перед ней.

Медленно или ему только казалось, что медленно, прошел Си-
зов мимо первого за коновязью дома, мимо второго. Возле треть-

его остановился и отдышался, словно шел с грузом в гору. Из окошка испуганно таращились на него мальчик и девочка. Боясь, что они позовут к окну кого-то из взрослых, Сизов быстро прошел к следующему крыльцу, вытер ноги о кирпичи, положенные у порога, поднялся по чисто вымытым ступеням, взялся за скобку и... замер. На широком перильце возле стены поблескивал небольшой кусочек касситерита. Сизов взял его, повертел перед глазами. Камешек был точно таким, какие нес он в своем свертке. Мысли завертелись в суматошном танце. Подумалось вдруг, что это он сам обронил. Но как он мог обронить, когда еще не входил?

Со смятением в душе Сизов открыл дверь, вошел в небольшие сенцы, увидел хозяйственный ящик, ведра с водой, накрытые фанерками, рукомойник. Все было знакомо, словно он только вчера заходил сюда.

И вдруг ему почудилось, что за ним подсматривают. Нервно оглянувшись, увидел глаза, высвеченные пробившимся в оконце косым лучом солнца. Озноб прошел по спине, так эти глаза были неожиданны в сумраке сеней. Не вдруг понял, что это фотография и что изображен на ней Саша Ивакин, непривычно печальный. Сизов вспомнил, как Татьяна фотографировала их перед выходом в тот роковой маршрут, фотографировала долго, одну за другой меняя кассеты с пластинками в ящичке — «Фотоко-ре». Присмотревшись, он увидел на стене и другие фотографии, увидел и себя, согнувшегося под тяжестью мешка, улыбавшегося, и подивился тому, что Татьяна не выбросила эти портреты виновника гибели ее мужа.

Со страхом и тревогой Сизов постучал. Но дверь, ведущая в квартиру, была обита войлоком, и стука не получилось. Тогда он вошел без стука. И сразу услышал детский плач. Выглянула Татьяна, растрепанная, в распахнутом халатике, какой Сизов ее никогда и не видел, поглядела на него, не узнавая, и снова скрылась, зашептала кому-то:

— Вставай, там кто-то пришел.

Такого Сизов не ожидал. Чего угодно, только не этого. Чтобы Татьяна, единственная женщина, на которую он молился, так скоро забыла мужа?! Хотел повернуться и уйти, да ноги не слушались. В глубине квартиры кто-то кашлянул, хрипло, спр-сонья, и зашлепал босыми ногами по чисто вымытому полу. Сизов оторопело смотрел на вышедшего к нему человека и ничего не понимал. Ему вдруг подумалось, что это ссн. Бывало так у него, сколько раз бывало: снилось несусветное, страшное, он знал, что это всего лишь сон, старался проснуться и не мог.

— Валентин? — осторожно спросил человек голосом Саши Ивакина. Повернулся, крикнул обрадованно: — Таня! Так это же Валентин!

Сизов обессиленно сел на что-то стоявшее у порога.

— Как же это? — бормотал он. — Как же?..

— Чего стоишь, проходи.

— Саша?

— Саша, Саша! Да проходи в комнату. Хотя нет, сначала мыться, переодеваться, как полагается.

— Но я ведь...

— Знаю, все знаю. Подробности потом.

Только тут до Сизова как следует дошло: точно, Саша Ивакин, живой и здоровый. Это было его неизменным правилом: первое, что должен сделать человек, вернувшийся из тайги, — помыться и переодеться. После этого он может поздороваться.

Сизов мылся во дворе, раздевшись до пояса, и все поглядывал на Сашу, поливавшего ему прямо из ведра. Он словно бы вырос за это время, а может, только похудел и потому вытянулся. Все те же темные глаза в глубоких глазницах, все тот же мягкий взгляд. Все так же чисто выбритое лицо. Только шрам новый, большой беловатый, перекинувшийся со лба на скулу.

— Как же ты?

— Мойся знай. Потом поговорим.

Он вынес Сизову пару нижнего белья, тонкий свитерок, свой праздничный костюм. С интересом повертел в руках вдрызг разбитые чуни, потрогал пальцем стершийся до корда автомобильный протектор на подошве и вдруг, размахнувшись, забросил их за забор.

— Казенное имущество-то, — сказал Сизов.

— Ничего, отчитаемся.

Когда Сизов оделся, Саша осмотрел его со всех сторон, взял за руку, как маленького, повел в дом. Там уже был накрыт стол, шкворчала яичница на сковороде, грудой лежали в миске куски мяса, стояли соленья, варенья, всякая таежная снедь.

— Гляди, Таня, вот наш Валентин, — сказал Саша, подтолкнув Сизова к приодетой жене.

Таня наклонила голову и покраснела. И Сизов понял почему: чувствовала себя неловко за те горькие слова, которые наговорила ему полгода назад на суде.

— Извините меня, Валентин Иванович, — сказала она, не поднимая глаз. — Но ведь вы сами...

— Чтобы ничего грустного! — весело воскликнул Саша.

— К сожалению, про войну не забудешь, — сказал Сизов.

Саша посуровел в один миг, потемнел, словно в нем вдруг выключили лампочку.

— Война! — повторил он. — Что ж война? — И оживился: — Война как раз того и хочет, чтобы мы разучились улыбаться, перестали верить в будущее.

Он указал на стол, сел первый, налил рюмки. И вдруг спросил сердито:

— Никак не пойму, почему ты из колонии бежал?

— Сначала медведь. А потом, потом...

Он засуетился, приволок из сеней сверток, развязал. Матово поблескивавшие обломки горной породы, измельчавшие в дороге, рассыпались по столу.

— На озере был? — спросил Ивакин. И, протянув руку назад, словно фокусник, вынул из-за спины, положил на стол точно такой же кусок касситерита.

Они смотрели то на камни, то друг на друга и молчали.

— Рассказывай, — потребовал Сизов.

— Когда я оступился на краю обрыва и упал...

— Это я тебя толкнул...

— Нет. Я уже падал. Ты просто не смог ни за что ухватить-

ся. Коснулся пальцами, а ухватить не успел. Это я хорошо помню.

Таня побледнела, встала из-за стола и ушла в другую комнату.

— Ну? — спросил Сизов. — Как же ты? Ведь я слышал, как ты упал в воду. Плавал там, искал тебя.

— Это, должно быть, камень. А я упал на кусты, что там, посередине, на стене растут. Помнишь зеленую полоску? Кусты удержали, откинули меня к стене. А там уступчик в полметра. — Он потрогал шрам на лице. — Вот память. Сколько пролежал без сознания — не знаю. Очнулся, позвал тебя, а там только ветер в щели: «У-уу!»

Сизов ударил себя кулаком по лбу:

— Чувствовал — что-то не так. Ведь чувствовал, а ушел. Вину свою поволок как юродивый: нате глядите, казните!..

— Когда доел, что в карманах было, решил выбираться. Скала хоть и гладкая, а не совсем. Стал спускаться. Думал: если упаду, так в воду. И сорвался-таки. Как выплыл, сам не знаю. А потом чуть богу душу не отдал. Время-то было позднее, снег уже лежал. Вот и схватила меня горячка. Хорошо, склад оставили, а то бы... — Он помолчал. — Зимой слаб был, да и как по снегам выберешься? Весной едва с голоду не помер. Охотник спас. Иван. Приволок в свою избушку, выходил. Он мне и указал руду. Я его в Никшу отправил, чтоб Татьяне сказать — жив, мол. А сам шурф заложил...

— Иван, говоришь?

— Да. Пермитин. Я тебя с ним познакомлю. Удивительный человек.

— На фронт ушел Иван, — сказал Сизов.

— Откуда ты знаешь?

— Знаю. А зимовье сгорело. Лесной пожар.

Они выпили налитые до краев да так и не тронутые рюмки, пожевали огурцы, думая о том, что тесны дороги даже в тайге.

— И я буду на фронт проситься, — сказал Сизов. — Может, и не пустят — не заслужил, а проситься буду. В любой огонь. Чтоб вину искупить.

— Какую вину?

— На мне срок.

— Нету срока... Я пришел, а мне говорят, в тюрьме ты. Сам на себя наклепал. Ну и пошел по инстанциям. Добился, чтобы пересмотрели твое дело. Поехал к тебе, а ты... бежал. Почему ты бежал?!

— Медведь конвоира задрал. Сначала бежал со страху, а потом так уж вышло... Подумал: хоть взгляну на Сашину гору... последний раз. Да и дело хотелось до конца довести, найти месторождение. В память о тебе. В другой-то раз, думал, не удастся. Меня и так уж в колонию вызывали, куда-то пересылать собирались...

— Это я за тобой приехал. А ты как раз...

— Ты? Ах да, конечно, ну-ну...

За стеной заплакал ребенок, и они замолчали.

— Тебе надо срочно заявиться в колонию, — шепотом сказал Ивакин.

— Да, да. Если освободят, на фронт подамся,

— Не выйдет с фронтом-то. Пойдем к Оленьим горам. Есть распоряжение об экспедиции. И есть для тебя место.

— Но ведь война!

— Думаешь, я не просился? А мне знаешь что сказали? Война, сказали, дело временное, а освоение этого края — на века... Да и для войны металл нужен.

И снова они долго молчали.

— Где касситерит-то нашел? — спросил Сизов.

— Там же, возле озера.

— Ага. Значит, это я в твой шурф попал. Думал, охотничья яма, а это шурф...

Проговорили, не заметили, как уже и вечер прошел, и ночь перевалила за половину. Только на рассвете Сизов спохватился, вспомнил о Красюке. Вскинулся, заторопился одеваться.

— Дурак дураком в тайге-то, пропадет, — объяснял он свою спешку.

Висела белесая утренняя дымка, когда они вдвоем вышли из дома. На поляну, где должен был ждать Красюк, поспели только к восходу солнца. По отсутствию костра поняли, что Красюк ушел отсюда еще вечером.

— Не поверил, что вернешься, — сказал Ивакин.

Сизов промолчал. Мелькнула нехорошая мысль: неужели из-за самородка? Неужели потому ушел, что не хотел делиться?

Они походили вокруг, покричали. Тайга была как омут — душила звуки.

В эти места осень приходит рано. Неожиданно ночью выпадает снег, приглаживает колдобины дорог. К полудню снег тает, но следующей ночью вновь ударяет мороз, и если не снегом, то студеным инеем покрывает жухлую полеглую траву.

В один из таких морозных рассветов от крайних домов таежного поселка Никша одна за другой отделились восемь тяжело нагруженных лошадей. Восемь человек шагали рядом, вели их в поводу. Растянувшаяся процессия долго шла по заболоченному лугу, лошади дергались, поминутно оступаясь на кочках, поднимая из травы сонных куропаток.

Над лугом стоял морозный туман, скрывал дали. Когда впереди показалась лесная опушка, люди увидели что-то большое и темное, выдвинувшееся из леса.

— Медведь?!

Шагавший впереди проводник Аким Чумбока остановился, сказал спокойно:

— Я знаю эта людя.

Темное пятно приблизилось, и все увидели, что это человек. Он шел навстречу, согнутый, странно и страшно взлохмаченный, в своей изодранной до последней возможности одежде. Человек подождал, когда небольшой караван подойдет ближе, спросил хрипло, с нездоровым придыхом:

— На Никшу выйду?

— Заплутал, что ль? — спросил кто-то.

— Совсем заплутал, — отрешенно сказал человек, пристально глядясь в Чумбоку.

— Моя твоя знает...

— Где Иваныч? — перебил его человек.

Он отступил с тропы, давая дорогу лошадям. И вдруг судорожно дернулся, услышав тихий удивленный возглас:

— Юра? Красюк?!

Они стояли друг против друга и молчали. Но вот Красюк начал горбиться, словно спина не держала его, и вдруг упал на колени.

— Ив-ваныч!! — по-медвежьи проревел он. — Валентин Иваныч! По-помилосердствуй! Конец, видно, мне...

— Ну, Юра! — растерянно проговорил Сизов, пытаясь поднять его. Оглянулся: люди стояли вокруг, молча глядели на них. — Вставай. Есть, поди, хочешь.

Он торопливо развязал мешок, достал то, что попало под руку из приготовленного в дорогу — кусок пирога с капустой, отстегнул флягу с еще не остывшим крепким чаем.

Красюк жадно жевал пирог и смотрел на Сизова незнакомыми жалостливыми глазами.

— Я ведь к тебе... шел, — сказал он, торопливо глотая куски пирога, и слова его с трудом можно было разобрать. — Обозлился прошлый раз... Думал, все, продал кореш... Ушел, на себя понадеялся... — Он вдруг вскинул потеплевшие глаза, спросил: — А что, война кончилась?

— Нет, Юра, не кончилась. Только начинается война-то. — Сизов помедлил, словно раздумывая, говорить или нет. — Плохо дело-то, Юра. На днях немцы... Киев заняли...

— Брось трепаться, — засмеялся Красюк и от смеха закашлялся. — Не может такого быть.

— Заняли, Юра,

— У меня ж там мама...

Он перестал есть и молча, с надеждой смотрел на Сизова.

— Как же так? А чего же наши?

— Драка идет, Юра, о какой и не думали. До конца, на- смерть. Тысячами люди гибнут.

Красюк долго молчал, думал. Потом полез за пазуху.

— На, — сказал он, подавая самородок. — Тебе верю. Пускай на это хоть пушку сделают.

Подошел Ивакин, взял самородок, поцарапал ногтем, прикинул на руке вес и, ничего не сказав, вернул Сизову, отошел.

— Ты вот что, Юра, — сказал Сизов, подавая самородок Красюку. — Сам его отнеси.

— Куда?

— В поселок. Придешь в милицию, расскажешь...

— Они же мне... на полную катушку.

— Авось и не на полную. Сам ведь придешь. Скажешь, бежал от медведя, а потом заблудился.

— Пошли вместе, Иваныч? — тихо попросил Красюк.

— Нет, Юра. Получится, что я тебя поймал и привел. А ты должен сам, понимаешь? Совсем иначе будет: пришел сам. И самородок сдашь. Все-таки зачтется.

— На войну буду проситься, — сказал Красюк.

— Я тоже просился. А мне говорят: тут твой фронт, Стране металл нужен.

— Пока ты его добудешь, война кончится.

— После войны металл тоже потребуется. И вообще речь идет об освоении всего этого края.

— Ага, железные дороги в тайге, города, набережные...

— И пивные, — усмехнулся Сизов.

— Ага. Помню, мечтали. У озера. Но я на войну буду проситься.

Он сунул самородок куда-то в глубину своих лохмотьев, торопливо сжевал остатки пирога, запил большими глотками чая, отдал Сизову флягу и, не попрощавшись, пошел по тропе. Туман таял, вдали серыми расплывчатыми пятнами уже просматривались дома Никши.

— Что ты ему голову морочишь? — услышал Сизов голос Ивакина. — Разве это золото? В этом камне больше меди да олова. Кто-то плавил да выбросил, а он подобрал.

— Не в золоте дело. Человск на дорогу выходит, — тихо сказал Сизов. — Знаешь, я задержусь на денек. Потом догоню.

— Боишься, сбежит?

— Не боюсь. Но поддержать человека надо. Попробую выяснить, нельзя ли его к нам забрать. На войну едва ли пустят, а в экспедицию могут. А? Под нашу ответственность. Здоров мужик-то, пригодится...

Сизый редющий туман застилал дали. Во всей этой белизне было единственное ясно выделявшееся пятно — согнутая фигура Красюка, упрямо и размеренно шагнувшего по тропе к поселку.

Василий ГОЛОВACHEB

ОБОРОТЕНЬ

Фантастическая повесть

ПРИШЕСТВИЕ

Батиевский сбросил скорость, и танк сразу перестал трястись и раскачиваться. Дорога пересекала полуразрушенный временем моренный вал — след древнего ледника. У бортов танка проплывали выпиравшие из-под слоя маслянисто-коричневой почвы каменные останцы и валуны, поросшие красивыми радужными перьями. Даль-

ше дорога ныряла в узкую долину, петляла между плоскими увалами и скрывалась в клыкастой стене горной гряды.

День угасал. Яркая голубизна неба потускнела, на западе оно было еще свежее, чистое, будто умытое дождем, а на востоке клубилась сине-фиолетовая мгла, рождающая далекий глухой рокот: особенностью погоды на Юлии были шквальные ночные грозы с ураганными ветрами и смерчами.

— Не успеем, — сказал нервно Шубин. — Через час стемнеет и...

— Танк выдержит. — Батиевский снова увеличил скорость. — На всякий случай проверь груз, что надо — закрепи.

Через час стемнело. Первый порыв ветра взвихрил песок на гребне холма и бросил на броню машины. Гремело уже отовсюду, грохот волнами перекачивался по всему небосводу, хотя обычных для земных гроз молний не было — шла сухая и темная юлианская гроза.

— Груз я проверил, — сказал Шубин, останавливаясь за креслом Батиевского. — Давай наденем скафандры, все спокойней.

— Надевай. Я сообщил на базу, Молчанов тебе привет передает, говорит, чтобы не рисковал, а то ты отчаянный.

— Ну уж и отчаянный, — усмехнулся Шубин, заметно успокаиваясь. — Что будем делать, Витя? Двигаться в этой теснине рискованно, а искать пристанища поздно, да и нигде.

— Ничего, пробьемся.

Грохот, вой и гул грозы достигли такой силы, что Батиевский приглушил громкость внешних звукоприемников. Один раз он попытался выехать на крутой берег, надеясь с помощью локаторов поискать поблизости мало-мальски пригодное убежище, но напор ветра был так силен, что едва не опрокинул пятисоттонную машину, и Батиевский решил больше не рисковать. Глубина русла высохшей реки была пока достаточной, чтобы ураган проносился над танком, не задевая его антенн, и, хотя они давно уже потеряли дорогу, Батиевского это не беспокоило, потому что ложе бывшей реки должно было привести их к горной гряде, а там им был не страшен никакой ураган.

— Может, лучше... — начал потерявший былую уверенность Шубин и не договорил.

За одним из поворотов дорогу преградила неясно видимая черная масса, вершина которой уходила на неведомую высоту. Лучи прожекторов уперлись в ее подножие, высветив бугристую, в складках и наростах, поверхность скалы.

Батиевский резко затормозил.

— Там вход, — закричал вдруг Шубин. — Витя, давай туда, видишь?

Батиевский и сам заметил в только что бывшей сплошной стене широкое отверстие, в которое, пожалуй, прошел бы и танк. Но ведь отверстия до этого не было... Или он так невнимателен?

— Ну что же ты? — орал обрадованный Шубин. — Здесь и переждем. Давай вперед, дырка такая, что и планетарный разведчик пролезет, не то что наш «Мастифф».

— Не нравится мне эта скала, — сквозь зубы проговорил

Батиевский. — Что-то раньше я ее в этом районе не замечал.

— Так дорога-то где проходит, немудрено, что не видел.

— А высота? Ты посмотри, где ее верхушка? Километра два, не меньше! Такая махина и с дороги должна быть видна. И цвет черный... Где ты у местных скал видел такой цвет?

Недоумевающий Шубин не нашелся, что ответить, и с минуту они молча смотрели на феноменальную глыбу, перегородившую сухое русло. Ветер здесь неистовствовал вовсю, засыпая русло песком и каменным крошечком, и танк иногда качало с боку на бок, когда ветер срывался по касательной с отполированной им спины берегового вала и набрасывался на земную машину со слепой яростью раненого зверя.

— Не поеду я туда, — решил наконец Батиевский. — Что-то здесь не так... Не знаю что, но не так.

Шубин пожал плечами.

— Мне казалось, ты не веришь в предрассудки.

— В предрассудки не верю, — рассердился Батиевский, — и в случайно появляющиеся в нужный момент убежища тоже. Дальше не поедем, подождем до утра здесь. Ложись отдыхай, ничего не случится...

И в это мгновение громада черной скалы впереди вдруг стала крениться в сторону танка.

— Витя! — успел крикнуть Шубин.

На танк со всех сторон навалилась тьма.

* * *

Быстролет мягко опустился на холм, и пятеро археонавтов молча выпрыгнули из кабины один за другим, невольно выстраиваясь плечом к плечу.

— Бьюсь об заклад, как говорили в старину, что храм этот появился только вчера, — сказал светловолосый гигант с открытым веселым лицом. — Дня два назад мы с Ришардом пролетали недалеко отсюда, над Диким лесом, и ничего не заметили.

— Ваша невнимательность, Юра, не аргумент, — спокойно сказал Ранги. — Хотя я тоже не понимаю, как это спутники пропустили столь крупную постройку. Ведь на фотоснимках видны даже трехметровые лизуны, поедающие друг другу хвосты, а здесь целый храм высотой чуть ли не в полкилометра.

То, о чем они говорили, — древний храм, след затерявшейся в веках цивилизации, — высился перед ними гордо и величаво. Собственно, храмом эту колоссальную постройку назвали уже люди, аборигенам она могла служить чем угодно — от тюрьмы до театра; археонавтические экспедиции на Гийсе только начинали свою работу, и люди не открыли пока ни одной тайны планеты.

— Ранги, сообщи в Центр, что мы нашли храм, — сказал наконец начальник группы Шустов, разглядывая строение изпод прищуренных век. — Из всего того, что мы уже нашли, он наименее разрушен. Тут какая-то загадка... Идем в пробную вылазку, пусть пришлют интравизоры, щупы и автопаты.

Негр Ранги нырнул обратно в кабину быстролета, а осталь-

ные с радостными возгласами устремились с холма к ближайшим колоннам храма, многие из которых были повалены и полускрыты многовековой пылью.

— Держаться в пределах прямой видимости, — приказал всем Шустов, внезапно проваливаясь в какую-то колдобину. — Юра, не спеши к славе, ты не на соревнованиях.

— Слушаюсь, командир! — шутливо гаркнул светловолосый и тут же с укоризной добавил: — Разве я когда-нибудь не выполнял инструкций? И разве планета по безопасности не соответствует индексу Д-ноль?

— Соответствует-то она соответствует, — проворчал Шустов, — да не нравятся мне храмы, растущие как грибы.

Они медленно прошли гигантскую уцелевшую колоннаду, миновали заваленный обломками обвалившейся стены проход, равный по величине жерлу хорошего вулкана, и вошли в холодную тень коридора.

— Жутковато, — подал голос четвертый археонавт, включая фонарь. — Смотрите, а пыли здесь вроде и нет.

Луч света выхватил из темноты странный пол коридора — черный, в ямках и бороздах, словно изъеденный коррозией, — и такие же складчатые стены.

— Зачем здесь коридор? — негромко спросил Шустов. — Подождите-ка... — Он быстро прошел вперед и посветил за угол коридора.

Ранги передал известие о находке храма диспетчеру Центра, захлопнул фонарь кабины и, посвистывая, пошел вниз, разглядывая рыжие фестоны пыли на портике храма и с уважением прикидывая его размеры. Как видно, обитатели Гийса были весьма неплохими строителями и зодчими. Сколько же труда надо было вложить в постройку таких колоссов?!

У храма уже никого не было, археонавты, очевидно, вошли внутрь. Ранги постоял у колоннады, вслушиваясь в долетающие из храма звуки, но голосов друзей не услышал. «Странно все-таки, — подумал он, останавливаясь. — Что-то мне мешает... какая-то подсознательная мысль... будто я что-то забыл... или упустил из виду...»

Он поднял голову и еще раз внимательно оглядел оранжевые песчаные холмы, поросшие на макушках гийасским саксаулом, желтое небо в клочкастых белых облаках, тяжелую громаду храма, ощутимо придавившую землю. Ничего...

— Юра! Властислав! — позвал Ранги, посмеиваясь в душе над своими страхами.

— Р-р-ра... слав-лав-ав, — ответило эхо.

И тут Ранги наконец понял, что его смущало. Храм это или не храм, не суть важно, но к нему должны подходить дороги, и неплохие дороги. Строили-то в местах, удаленных от горных выработок. Где же эти дороги? Не по воздуху же перевозили многотонные гранитные блоки?..

Ранги сделал шаг назад и внезапно почувствовал, что падает в бездну...

Лабовиц повел стволом карабина и плавно нажал спуск.

— Дан-н-н, — ответил карабин, и змееногий габролов свалился с дерева и остался лежать, издали выделяясь на сером фоне травы яркой пятнистой окраской.

— Ловко, — прищелкнул языком Свиридов. — Километра полтора?

— Один с небольшим, ближе он не подпустил бы. Беги скорей, через полчаса он очнется, и ты не успеешь со своей биоксолизацией. Я бы не хотел стрелять в него еще раз.

— Ему же не больно, снотворное действует мгновенно.

— Все равно.

— Охотник! — фыркнул Свиридов, передвинул сумку с приборами на живот и рысцой побегал в распадок, стараясь не терять из виду дерево с гнездами габрисов. Издали оно напоминало новогоднюю елку, украшенную бриллиантовыми шарами.

Лабовиц лег на спину, придвинув к ноге карабин, заложил руки за голову и стал смотреть в легкое летнее небо: на планете Быстрой оно было удивительного густо-синего цвета.

Через двадцать минут вернулся Свиридов и привел с собой невысокого быстроглазого человечка, одетого в вязаную безрукавку и белые шорты. В одной руке он держал камеру для объемной видеосъемки, в другой ремни левитанта.

— Эрнест Гиро, — представился он, наклоня голову.

— Турист, — отдуваясь, сказал Свиридов. — Вчера с Земли, на «Римане».

— Очень приятно, — привстал Лабовиц, называя себя. — Вам повезло, насколько я берусь судить? Ведь пассажирского сообщения с Быстрой еще нет, а «Риман» — корабль аварийно-спасательной службы?

— Может быть, и повезло, — кивнул Гиро. — Хотя... в общем... я член команды «Римана»... из аварийно-спасательной службы.

Свиридов с удивлением уставился на робкого с виду человека.

— Никогда бы не подумал... извините.

Лабовиц, в свою очередь, тоже с любопытством разглядывал нового знакомого, пытаясь увидеть в нем те качества, которые соответствовали, по его мнению, аварийщику-спасателю. С виду неловок, неуклюж, но ведь в деле он должен быть иным?

— Вам нравится Быстрая? — спросил Лабовиц после недолгого молчания.

— Красивая планета, — ответил Гиро несколько туманно. — Решил отдохнуть, полетать над лесами... Знаете, здесь леса почти как на Земле.

— А вот он не любит летать, — проворчал Свиридов, возясь с сумкой. — И я из-за него вынужден бегать галопом по всем местным буеракам.

Гиро поднял вопросительный взгляд.

— Местная живность не любит летунов, прячется, — пояснил Лабовиц, — вот и приходится обходиться без левитантов.

Ничего, пешком ходить полезно. А по какому случаю «Риман» причалил к Быстрой? Что-то случилось?

— По-моему, нет, — пожал плечами Гиро. — Обычное патрулирование. Разве прибытие аварийно-спасательного баззера всегда связывается с неприятностями?

Лабовиц улыбнулся. Разговор начинал ему нравиться, как и этот мягкий, по всей видимости, человек.

— Катастрофы вы считаете просто неприятностями?

— Катастрофы случаются редко, разного рода аварии чуть чаще, а неприятности почти каждый день.

— Например?

— Если отказывает техника, взрыв генератора, например, — это неприятность, если портится погода на не контролируемых метеослужбой планетах, наводнение и пожары тоже неприятности. Ну и грозы, ураганы и прочее...

— Невидимый фронт, — пробормотал Лабовиц.

— Фронт?..

— Слово из лексикона двадцатого века, обозначающее линию встречи двух воюющих сторон. Недавно я читал историю мировых войн...

— Занятие, достойное охотника, — насмешливо обронил Свиридов, вытирая рукавом пот со лба.

— ...и это обогатило меня некоторым военным знанием, — продолжал хладнокровно Лабовиц. — Хотя охотоведу оно и необязательно. Да вы присядьте, жарко сегодня.

Гиро покосился на карабин у ноги Лабовица и, сложив левитант, аккуратно сел на траву.

— Это был самец, — сказал Свиридов, с треском захлопывая футляр какого-то прибора из своего спецснаряжения. — Теперь нужна самка.

— А чем вы занимаетесь, если не секрет? — вежливо спросил Гиро.

— Биоксолизацией.

— Мой товарищ — эколог, — пояснил Лабовиц. — Он изучает стереотипы поведения животных на этой планете...

— Будет тебе, — хмуро сказал Свиридов.

— Я всаживаю в животное иглу со снотворным, — невозмутимо продолжал охотник, — а он запихивает в него тьму разного рода передатчиков. Вот и все.

— Интересно, — серьезно сказал Гиро.

Лабовиц засмеялся, легко вскочил на ноги и потянулся сильным телом.

— Хорошо... хотя и жарковато. Исккупаться бы сейчас. Ну, что, пошли, эколог?

Свиридов молча встал.

— А я видел с высоты неподалеку озеро, — сказал Гиро. — Километра три отсюда. Если хотите, покажу и сам с удовольствием искупаюсь.

— Озеро? — удивился Лабовиц. — В округе на десятки километров нет ни одного озера...

Гиро вежливо улыбнулся, не желая возражать.

— Охотник, — съязвил Свиридов, отыгрываясь. — Тебе к карабину нужен еще телескоп. Ведите нас, Эрнест, докажете этому неверующему, что у него слабоваты и зрение и память.

Гиро посмотрел на светило, сориентировался и пошел напрямик через негустой перистый кустарник в сторону базового лагеря экологической экспедиции. Сбитый с толку Лабовиц и повеселевший Свиридов тронулись следом.

Через четверть часа они вышли на край небольшой долины, окаймленной со всех сторон сосновым — по виду — лесом, и остановились. Перед ними во всей своей хрустальной красе оказалось большое голубое озеро.

— Диво дивное! — завопил Свиридов и первым бросился на берег, раздеваясь на ходу.

— Странно, — задумчиво сказал Лабовиц, покусывая травинку. — Могу поклясться, что раньше этого озера здесь не было.

Гиро перевел внимательный взгляд с озера на лицо охотника, словно взвешивая его слова, и снова посмотрел на озеро, в волны которого с уханьем бросился Свиридов.

— Знаете, — сказал он медленно. — Мне оно тоже не очень нравится.

— Дело не в этом... мертвое оно какое-то. На Быстрой мало озер, и все, какие есть, поросли всякой растительной мелочью. Здесь же вода чистоты необыкновенной, да и птиц не видно...

— Ну что же вы? — кричал им Свиридов, поднимая тучи брызг. — Вода великолепная, теплая, абсолютно дистиллированная...

Гиро вдруг стал надевать левитант и сунул в руки Лабовицу фотоаппарат.

— Держите. Вам не кажется, что озеро меняет цвет? Я верну вашего товарища, а вы пока сфотографируйте всю эту картину.

Он подпрыгнул и, как пущенный из пращи камень, выписал аккуратную траекторию к ныряющей голове Свиридова. И не успел он зависнуть в воздухе, как воды озера совершенно бесшумно встали вокруг него стеной.

Реакция у Лабовица была отменной, и он упал прежде, чем метнувшийся к нему голубой рукав «озера» успел его коснуться. Дважды прогремел карабин, и наступила тишина. Последнее, что увидел Лабовиц, уплывающее в небо гигантское бурое яйцо, все в складках и бороздах, похожее на земной грецкий орех.

ВЫЗОВ

Тревожный гудок экстренного вызова застал Грехова в столовой базы аварийного патруля, куда он зашел после разговора с начальником базы. Вызов был личным, без индекса патрульной тревоги, поэтому Грехов мог бы сначала узнать причину вызова, потом поест и лишь после этой великой постоянной обязанности явиться по вызову. Но дисциплина и исполнительность были для него не только словами, но и основой взаимоотношений с подчиненными и начальниками, к тому же Грехов знал, что такое прибыть вовремя, в его работе это было решающим фактором успеха, поэтому он не колебался. С сожалением взглянув на уставленный едой стол, Грехов быстро прошел к кабине, где находилась система мгновенного перемещения в пространстве — таймфаг, набрал шифр и перенесся в секториат Управления аварийно-спасательной службы (УАСС),

находившийся на орбитальной станции «Снег-три». Станция эта располагалась над Плутоном на высоте восьмисот километров.

Появившись в приемной камере таймфага секториата, Грехов машинально отметил время прибытия — было девять часов по среднесолнечному времени. Узнав у дежурного адрес вызова, коротким коридором прошел до пронзающего лифта и уже через минуту входил в кабинет руководителя третьего сектора УАСС Торанца.

Кубическое помещение кабинета было погружено в полутьму, озаряемую всполохами видеоселектора. Два видеомы (объемы цветной видеопередачи, заменившие телевизионные экраны) показывали пейзажи знакомых планет солнечной системы, третий отражал чей-то пустой кабинет. Сидевший у селектора Торанц, длиннолицый, длинноносый, весь словно вытянутый в длину, нажал клавишу, и последний видеом угас.

— Проходите, — покосился он на вошедшего, — выбирайте свободное кресло.

Грехов огляделся, коротко поздоровался с присутствующими, успев заметить среди них Вигдора — начальника отдела коммуникационной службы, и Смольского — начальника отдела безопасности пассажирских сообщений, и сел.

— Попрошу внимания, — сказал Торанц, хотя в кабинете и без того было тихо. Голос его был глуховат и невыразителен, но Грехов почувствовал смутную тревогу. Вызов к руководителю сектора сам по себе не означал ничего особенного, оперативная работа контролировалась в основном самими начальниками отделов, но в том, что, кроме Грехова, были вызваны руководители других отделов, крылось что-то тревожное.

Торанц повозился и выключил работающие видеомы. Вспыхнул белый свет. Грехов встретился глазами с Вигдором, и они одновременно подмигнули друг другу.

— Итак, — продолжал Торанц, — здесь все руководители отделов сектора. Случилось следующее. Как вы уже все знаете, в течение прошедшей недели на зэт-границе второго, соседнего с нашим сектора произошел ряд непонятных исчезновений людей. В первом случае это система гаммы Единорога, вторая планета системы Юлия. Во время грузового пробега в условиях ночной грозы исчез тяжелый танк-лаборатория типа «Мастифф» с двумя членами экипажа. Тихо... Вопросы потом. Во втором случае без вести пропала группа археонавтов на Гийсе, третьей планете системы альфы Единорога. В обоих случаях причин исчезновения установить не удалось. Спецгруппы наших товарищей, а это специалисты высокой квалификации, не обнаружили в местах исчезновений никаких следов.

— То есть совсем никаких? — спросил негромко Смольский.

— То есть совсем.

По комнате прошло легкое движение.

— Но это еще не все. Не далее как сегодня утром пришло сообщение от дельты Орфея, как видите это уже наш сектор, — планета внутреннего пояса Быстрая. По счастью, единственный свидетель происшествия, некто Герман Лабовиц, успел перед смертью (по комнате снова прошло движение) сфотографировать виновника, как мы теперь полагаем, всех исчезновений. Двух мнений здесь быть не может: мы столкнулись с прояв-

лениями неизвестной и, весьма вероятно, разумной жизни. Посмотрите снимки.

Торанц положил руку на панель селектора, и стенной видеом воспроизвел перед ними один за другим витейры — цветные объемные голографические снимки: сначала удивительное синее озеро с купающимся в нем человеком, потом это же озеро, сворачивающееся в полупрозрачный кокон, и, наконец, гигантское, судя по визирным меткам, черное сморщенное яйцо. Форма конечного продукта трансформации «озера» — яйцо размером с километр! — ничего не говорила присутствующим.

Торанц из-под насупленных бровей оглядел людей и выключил аппарат.

— Налюбовались? Ну и каковы же ваши мнения?

— Мнениями делиться, по-моему, рано, — раздался сзади Грехова знакомый голос. Он оглянулся и встретил прозрачно-спокойный взгляд Диего Вирта.

— Возникает вопрос другого плана. Созвездие Единорога бедно звездами и планетами, как, впрочем, и система Орфея. Ни на одной из планет обеих систем нет неизвестных и тем более разумных форм жизни; открыты эти планеты давно и исхожены экспедициями вдоль и поперек...

— Неизвестная форма жизни необязательно должна быть планетарной, — сухо сказал Торанц. — В том, что исчезновение хотя бы последних двух человек не случайное явление, вы убедились. Здесь, как я уже сказал, двух мнений быть не может. Другое дело: кто совершил нападение — неизвестное науке животное или же разумные существа на управляемой ими машине? Для определенности руководство УАСС предложило дать этой машине... или существу название — сверхоборотень. Ибо превратиться в озеро так, чтобы оно было до сенсорных реакций неотличимо от настоящего озера, может только супер-подражатель.

Тонко пропел сигнал вызова. Торанц включил дежурную линию связи, и видеом отразил серо-фиолетовую пустыню, фиолетовое небо и двух человек в одинаковых белых комбинезонах и белых унтах, стоящих под прозрачным куполом станции связи.

— Корабль готов, — сказал один из них. — Предполагаемое количество пассажиров?

— Около пятидесяти человек. Через два-три часа жди людей по своему ТФ-каналу. Экипаж предупрежден?

Человек как-то странно всхлипнул, то ли кашлянул, то ли засмеялся.

— Что ты имеешь в виду?

— Сам слушай все, но каждый раз скупись, брат, на слова. Недаром рот один у нас, а уха два, — ответил Торанц пословицей.

Снова тот же всхлип.

— С этим все нормально, не беспокойся. Жду гостей.

Человек махнул рукой, и Торанц вырубил связь.

— Так... — Он мельком посмотрел на часы и нахмурился. — Вопросы есть?

— Я понял так, что все три случая произошли в разных звездных системах? — нарушил молчание Вигдор.

— Именно в разных, вот что настораживает! Ведь если предположение наше верно и все три похищения совершены одной... одним... не знаешь, как и сказать, словом, пусть будет — одним сверхоборотнем, несмотря на то, что расстояния между посещенными им системами невелики — от четырех до одиннадцати световых лет, — факт передвижения сверхоборотня в пространстве со скоростью наших трансгалактических кораблей имеет просто колоссальное значение! Если сверхоборотень — порождение агрессивной цивилизации (хотя я сам в это не верю), опасность настолько велика, что недооценка ее граничит с преступлением. Мы уже на собственном опыте знаем, на опыте земной цивилизации, что выход в космос может совершить и цивилизация, не решившая на своей планете всех социальных противоречий. Отсюда и выводы... В связи с появлением сверхоборотня на сегодня назначен Совет Ствола УАСС, но ситуация столь тревожна, что требует немедленных действий. Считайте, что вы уже начали операцию. В распоряжение поисковых групп, несмотря на огромные, связанные с широким пространственным поиском сверхоборотня, энергетические потери, передаются два баззера А-класса «Ильмус» и «Риман». Руководителем операции назначается начальник отдела коммуникационной службы Вигдор. Основная нагрузка, естественно, ляжет на спецотдел Грехова, но всем остальным начальникам отделов необходимо подготовить оперативные группы по четыре-пять человек из самых опытных спасателей. Группы должны быть укомплектованы аппаратурой коммуникации и готовы к вылету в течение суток, сбор на Титане у резервного ТФ-приемника. Все. Вигдору, Грехову, Вирту остаться, остальные свободны.

Кабинет почти опустел, оставшихся вместе с названными начальниками отделов и представителями ИВК оказалось всего семь человек.

— Продолжим, — сказал Торанц, хмуря косматые брови. — Времени до обидного мало. Начать вам придется с оповещения населения поселков, станций и лагерей экспедиций в тревожной зоне Галактики, особенно там, где уже есть ТФ-станции, об опасности свободных поисков и выходов вообще. Пусть свернут на время все исследования, туристские туры и тому подобное. Эта часть операции должна пройти в строжайшей тайне. Объявить по всеобщей информсети о появлении сверхоборотня, об опасности прямых контактов с ним мы не можем по той простой причине, что это вызовет обратный эффект: десятки, если не сотни, юнцов, молодых сорвиголов тотчас же устремятся на поиски сверхоборотня и не только раскроют неведомому врагу наши планы и сорвут операцию, но и подставят себя под удар, защиты от которого мы не знаем. Помните о Большом радиовсплеске — гигантской вспышке на Солнце, случившейся лет сорок назад? Тогда в поток мощного корпускулярного излучения попали многие сооружения меркурианской и венерианской зон, об опасности лучевой волны было передано по глобальному видеовещанию, и в результате тысячи смельчаков кто на чем мог ринулись к Солнцу спасать пострадавших, тут же попадая в такое же положение.

— Порыв их понятен, — после некоторого молчания сказал Диего Вирт. — Но допустить подобное в нашем случае, конеч-

но, нельзя. Хотя, честно говоря, я не верю, что тайна о появлении сверхоборотня просуществует столько, сколько нам надо. Слухи имеют обыкновение просачиваться даже сквозь вакуум и, что самое интересное, со скоростью ТФ-передачи.

Торанц сморщился, словно откусил лимон.

— Мы допускаем и это, но именно поэтому и нет времени на подготовку и обсуждение гипотез о сверхоборотне. Все таймфазовые станции в тревожной зоне мы, конечно, поставим под контроль, остальное будет зависеть от вас, как ни тривиально подобное заявление. На ваш отдел, Габриэль, ложится основная тяжесть операции, ибо она проходит по вашему профилю, профилю работы спецотдела. В специалистах какого рода вы нуждаетесь, по вашему мнению?

— Пока ни в каких, — подумав, сказал Грехов. — Для начального этапа операции, мне кажется, нужны люди с универсальной подготовкой, как коммуникаторской, так и технической, в отделе таких вполне хватает. В дальнейшем, возможно, понадобятся консультанты ИВК по экзобиологии, ксенопсихологии, истории и специалисты в разных областях науки и техники. Вот, пожалуй, и все.

— Наши мнения совпадают. — Торанц выпростался из своего кресла, седой, угрюмый, и заходил по кабинету. — Консультанты от ИВК перед вами, знакомьтесь. Талгревенн, ксенопсихолог-универсалист.

Сидевший напротив Грехова мужчина наклонил голову.

— Сергиенко, экзобиолог.

Широкоплечий здоровяк с веселыми голубыми глазами встал и слегка поклонился в сторону Вигдора. Грехова и Вирта он знал давно.

— Нагорин, врач-универсалист.

Крупнолицый, с коротким ежиком волос, врач-универсалист чем-то напомнил Грехову Сташевского, и у того на миг защемило сердце. Сташевского не было рядом уже четыре года...

— Отводы или самоотводы есть? — Торанц остановился вполоборота, вслушиваясь в зуммер вызова. Потом подбежал к пульту и сердито отключил сигнал.

— Какие могут быть отводы? — тихо проговорил Вигдор.

— Прекрасно. В таком случае все свободны. Нет, вы, Керр, задержитесь на минуту.

Грехов вышел первым, дождал широкоплечего, мускулистого, скупого в движениях Диего Вирта и пошел рядом.

— Ты не рад, что будем работать вместе? Я не ожидал, соскучился. Но задание не из легких. Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что...

— Там гибнут люди! — отозвался Диего, обнимая миниатюрного Грехова за плечи. — Вот это по-настоящему страшно! Если ты к себе в отдел, то я с тобой: пока ты будешь отдавать распоряжения, я встречу с Анной. Кстати, как поживает Полина? Где она сейчас?

— Готовится к экспедиции на «Клинке солнца». Дальняя разведка в глубину Лебеда.

— Надолго?

Грехов замедлил шаг.

— Может быть, год... Может быть, больше.

ПОИСК

Несколько дней баззеры УАСС «Ильмус» и «Риман» резали пространство в кубе со стороной в полсотни световых лет. Все немногочисленные планеты этой бедной звездами области космоса были ими обследованы тщательно и придирчиво, но чуда не произошло: разумных существ, которым приписывали создание сверхоборотней, ни на одной из планет, а также и вне планетных систем, не оказалось. То ли сверхоборотень пришел сюда издалека, то ли маскировался столь успешно, что земная техника не могла его обнаружить, то ли гипотеза о самом сверхоборотне оказалась несостоятельной. О последнем не говорили вслух, но многие склонялись именно в пользу этого мнения.

А на шестой день похода сверхоборотень объявился у беты Зайца, в стороне от направления поисков.

Иглокол Грехова (на жаргоне спасателей) заканчивал патрулирование системы небольшой зеленой звезды, имеющей лишь кодовый номер, когда прозвучал сигнал срочного вызова и появившийся в видеоме Вигдор коротко сказал:

— Всем немедленно на баззер!

Грехов переглянулся с пилотом иглокола, и тот молча привел в действие автоматику возвращения.

Через несколько минут они уже выводили свой иглокол из фокуса приемной антенны баззера, пронзив немногим более двух световых лет. Отворачивая иглокол по сигналу финиш-робота, Грехов залюбовался многолепестковым телом корабля, излучавшим ровный оранжевый свет.

Баззеры создавались как аварийно-спасательные корабли и корабли сверхдальней разведки, они сами могли создавать «мнимые» коридоры — основу мгновенной таймфазовой (ТФ) связи, но в то время как система стационарной ТФ-связи имела и передатчик и приемник, разнесенные на необходимые расстояния, и все время поддерживала открытые каналы между ними, баззеры создавали векторные коридоры, по которым и передвигались они сами и корабли малой разведки — иглоколы в пределах десятка парсеков. А поскольку для поддержания векторного коридора требовалось энергии в сотни раз больше, чем для двухстороннего, баззеры были мощными кораблями. Раствор многосложного тела «Ильмуса» достигал четырех километров. «Риман» был в два раза крупнее.

Один за другим вынырнули из ниоткуда иглоколы других групп: мелькнули и пропали беззвучные вспышки инверсионных переходов. «Ильмус» втянул все аппараты в причальный диск и погасил сияние.

В командном зале Грехову стала известна причина срочного свертывания поисков. Сверхоборотень снова показал свои «зубы», причем буквально под носом у поисковых групп. Объявился он у беты Зайца, звезды, известной землянам под названием Арнеб. Эта небольшая звезда спектрального класса О имела семью из четырех планет. Одна из них, покрытая карликовыми лесами, пользовалась славой курорта и заповедника. Именно на ней сверхоборотень и показал еще раз свои возможности.

Он опустился вблизи северного полюса. Когда и как он там появился, никто не видел: ни отдыхающие, ни многочисленные планетарные службы, ни метеопосты, ни астрономические станции. Факт тот, что проник он на планету абсолютно незамеченным и изобразил нечто вроде разбитого космического корабля, который и обнаружила семья Стенсена. Первым его увидел двенадцатилетний сын Стенсена и рассказал отцу. Вдвоем они смело пошли на штурм древней межзвездной развалины, и... миссис Стенсен видела все со стороны и успела сделать несколько снимков «корабля», а также поймала тот момент, когда он внезапно схлопнулся в чудовищное черное яйцо... Ее нашли возле бысролета, пораженную неизвестным видом лучистой энергии. В сознание она так и не пришла.

— Как же узнали, что именно сын первым заметил сверхоборотня? — спросил хмурый Сергиенко.

— Диктофон, — коротко ответил Вигдор. — Миссис Стенсен была профессиональным корреспондентом и успела записать несколько фраз. Конечно, случай этот уникален.

— Здесь многое непонятно, — проговорил Диего Вирт. — Во-первых, сверхоборотень допустил явную ошибку, не подождав, пока третий свидетель его «открытия» войдет в него. Во-вторых, стартуя, он вдруг оставляет такие следы, как голограф с его изображением и диктофон, что является для него прямой уткой информации. Все это указывает либо на то, что сверхоборотень — всего лишь автомат, действующий по своей, непонятной нам пока программе, либо на недостаточно высокий уровень развития существ, создавших сверхоборотня, если они сами находятся на борту.

— Может быть, и так, — сказал Грехов задумчиво, — но у меня создалось впечатление, что сверхоборотня кто-то спугнул. Отсюда и его ошибки.

— Допустим, я согласен, могли и спугнуть. Но ведь и на Быстрой и у дельты Орфея произошло то же самое? Третий человек, не попавший в «апартаменты» сверхоборотня, успел сделать витейры, которые дошли до нас. Тоже спугнули?

— Это можно проверить. — Вигдор повернулся к командному пульту. — Я дам запросы на Быструю и на Арнеб III, какие события происходили там во время похищений. — Он набрал шифр и отдал приказание инженерам связи корабля. Потом повернулся к присутствующим.

— Продолжим. У кого есть предложения, рабочие гипотезы? Ведь сверхоборотень действует рядом с нами, а мы его не видим и не знаем, что он предпримет в следующую минуту.

— Непонятно также, почему именно человек заинтересовал его, — сказал сосредоточенный Нагорин. — Именно человек? Ведь недалеко, в нескольких парсеках, есть система, населенная народом идзоров... И ни одной попытки вступить в контакт, ничего похожего на научное исследование...

— Мы избаловались, — усмехнулся Талгревенн. — Все нам доступно, мы кажемся себе могучими и непобедимыми, Галактику считаем собственным двором, и в результате появляется сверхоборотень и на своем языке поясняет нам: нет, братцы, космос — это не увеличенная до бесконечности Земля, это иное качество, и населен он, может быть, такими существами,

логика жизни которых принципиально отличается от человеческой. А может, причина похищений, наоборот, столь банальна, что наш увлеченный высокими материями ум просто пропустил готовое объяснение.

— Например, людей ловят для приготовления особого деликатеса, — предложил Танич, помаргивая светлыми ресницами. Беленький, круглый несолидный, он казался случайно затесавшимся в ряды спасателей, между тем он имел за плечами десятилетний стаж командира группы и был первым помощником Грехова. — Контакт, так сказать, чисто гастрономический.

Многие в зале улыбнулись, но то были невеселые улыбки.

— Разве мы спотыкаемся первый раз? — негромко сказал Сергиенко, поглядев на Грехова. — Вспомните Тартар...

«Я помню Тартар, — подумал Грехов. — Там остался Сташевский... и многие другие... Я помню страх и боль, я дважды воскресал после Тартара... Но если там мы споткнулись о собственное незнание, что оправдывало нас социально, то теперь мы не имеем права спотыкаться, ибо никто и ничто нас не оправдает, пока гибнут люди...»

— Все мы помним Тартар... — Вигдор рассеянно пригладил прядь русских волос на лбу. — Если у вас нет предложений, то у меня есть. Пока «Риман» обследует Арнеб III, у нас есть шанс опередить сверхооборотня.

— Как?! — вырвалось сразу у нескольких человек в зале.

— Первое появление сверхооборотня предполагается у гаммы Единорога, потом альфы Единорога, потом дельты Орфея и, наконец, беты Зайца... Так? А теперь соедините эти системы линей, получится...

— Прямая!

— Да, идеальная прямая, вектор, идущий откуда-то из внегалактического пространства. И если это не случайное совпадение, то следующее появление сверхооборотня следует ожидать у...

— ...тэты Зайца, — закончил Диего Вирт, сделав в уме быстрый расчет.

— У тэты Зайца, — согласился Вигдор. — Конкус, красный карлик с единственной геоподобной планетой. Теперь давайте обсудим план действий...

«Задача все больше усложняется, — думал Грехов. — Предстоит блокировать целую планету! Хватит ли двух наших баззеров? Что, если предположение Керра не отражает истины? Кто же он, сверхооборотень? Пришелец из глубины Метагалактики, случайный гость? Или хозяин?!»

«Ильмус» плавно изменил ориентацию в пространстве и замер перед прыжком, пока автоматы рассчитывали тончайшие процессы таймфагового режима.

ОЖИДАНИЕ

Невидимой и неслышимой тенью иглокол скользнул над сплошной серой волной тумана и окунулся в него целиком, и Грехову показалось, что он одновременно и ослеп и оглох.

Но лишь в первое мгновение. Нечеткие силуэты закружились вокруг корабля, словно он стоял здесь вечно, и неожиданно сильные трубные звуки неведомой жизни заставили забиться сердце сильнее.

Утро в этом мире без конца и без начала уже наступило, серое и безотрадное, но рассеять туманный слой, плотный, как желе, было не в силах. Иглокол оказался в белесом нигде без неба и земли, лишь видеом спутника-сторожа, сброшенного перед посадкой, показывал над сплошным морем тумана изломанную дугу горного хребта, словно плавающего в воздухе невесомой громадой.

Грехов представил, как на планету сейчас со всех сторон садятся иглоколы десанта, унял поднявшееся было волнение и отстегнул себя от кресла. В ходовой рубке, кроме него, располагались еще одиннадцать членов группы и пилот, поэтому рубка представляла собой зрелище странное и не радующее глаз, особенно для пилота Саши Леха. Но если бы можно было в иглокол запихнуть еще с десятков спасателей, Грехов сделал бы это не задумываясь, так как иглоколы садились на планету на расстоянии в пятьсот километров друг от друга и двенадцати человек для контроля гигантского квадрата суши в двести пятьдесят тысяч квадратных километров было слишком мало. Даже сотни человек было мало. Экспедиции не хватало ни людей, ни иглоколов, и баззер «Риман», высадив свои отряды асов, умчался к Земле за помощью.

— Сначала небольшой инструктаж, — сказал Грехов негромко. — Особенно для руководителей групп. Вот карта нашего квадрата. — Он включил проектор, и видеом воспроизвел перед ними трехцветную объемную карту района патрулирования. — Группа Шёбранна: район от западного склона хребта до Черного озера.

Рубиновые линии отчеркнули на карте район группы.

— Группа Лихолетова: район патрулирования — от Черного озера до реки Воскрешения. Группа Дейва: от реки Воскрешения до цепи морен Форта Надежды. Дальше иду я. Особенно внимательным надо быть тебе, Алексей.

Рыжий Лихолетов кивнул.

— У тебя там туристский кемпинг, и хотя люди предупреждены... — Грехов поморщился и запнулся, тонкое, живое лицо его стало неприветливым и хмурым. — Но риск остался, причем риск смертельный. Конкретных примет сверхоборотень не имеет, поэтому о любых, пусть самых неожиданных, ассоциациях немедленно сообщайте на баззер. Главное — упредить сверхоборотня, найти его до того, пока он успеет поймать очередную жертву. Хочу предупредить также: знаю, стрелять вы умеете, так вот — стрелять только в случае прямой угрозы жизни. Понятно?

— Понятно, — сказал скучающий Шёбранн.

— А теперь экипировка.

Грехов кивнул Леху, и тот вскрыл в полу рубки люк багажного отсека.

— Левитанты — летательные аппараты индивидуального пользования.

Лех, спустившись вниз, протянул из-под пола связку квад-

ратных решеток гравитационных эмиттеров с ремнями крест-накрест.

— Экзоскелетные пленки.

Лех достал ворох коричневых пленочных костюмов, увеличивающих силу человеческих мышц.

— Рации и оружие.

Рации представляли собой дырчатые шлемы с наушниками; оружие — деформаторы, блестящие цилиндры с рукоятями.

— Вылет через полчаса. Сейчас всем полная медицинская профилактика, без исключений. Еще раз спрашиваю: всем все понятно?

— Ясней ясного, — сказал Шёбранн, играя отлично развитыми бицепсами. — Одно непонятно, зачем нам экзоскелетоны?

У Грехова сузились и расширились крылья тонкого носа и глаза на мгновение вспыхнули темным зловещим блеском. Насколько секунд он молчал, потом неожиданно усмехнулся.

— Зачем? Подойдите ко мне.

Шёбранн недоумевающе пожал плечами и протиснулся между креслами к пульта управления. Он был на две головы выше и чуть ли не вдвое шире миниатюрного начальника отдела, и Грехов снова усмехнулся в душе, зная, насколько обманчив его мальчишеский вид.

— Вот моя рука, согните свою в локте... так. Возьмите мою, упор в ладонь, а теперь попытайтесь пережать мою руку вниз.

Шёбранн откровенно улыбнулся, оглядываясь на оживившихся асов, которые придвинулись ближе, ожидая необычного состязания. Забара и Лех, знавшие силу командира, переглянулись.

— Давайте, давайте, — кивнул Грехов, — начинайте.

Шёбранн осторожно нажал, боясь сломать хрупкую по сравнению с его рукой руку Грехова. Тот даже не пошевелился. Тогда он нажал сильнее — никакого результата! Покраснев от досады, он напряг мышцы в полную силу — рука Грехова, да и он сам казались отлитыми из металла.

— Все? — спокойно спросил начальник отдела, будто вовсе не он сопротивлялся мощному натиску соперника. Потом медленно оттеснил руку Шёбранна влево и дожал, опрокидывая его на пол. — Теперь понятно, зачем экзоскелетон?

Красный и злой Шёбранн вскочил с пола, растирая запястье правой руки.

— Вы, наверное, заранее надели на себя экзопленку.

Грехов покачал головой.

— Обыкновенный рабочий костюм. Кстати, вы молодец, — добавил он, — многие могут похвалиться тем, что выстояли против меня минуту. Ну а усилители мышц нам очень могут пригодиться, потому что никто не знает, во что и в кого может превратиться сверхооборотень. Забара и вы, Шёбранн, оставайтесь. Группу Шёбранна поведете вы, Ивадари, пожалуй, так будет лучше. Он пойдет со мной.

Ходовая рубка постепенно опустела, груда снаряжения на полу растаяла. Грехов подождал, пока закроется люк, и посмотрел в лицо Шёбранну.

— Мне не нравится ваша несдержанность. В деле, которое нам предстоит, слишком много неизвестности, поэтому я не

имею права рисковать, посылая вас старшим патрульной группы.

Шёбранн побледнел, но смолчал.

— Я мог бы вообще устранить вас от операции, — продолжал Грехов холодно, — но за вас поручился Диего Вирт, а я ему верю.

Шёбранн опустил голову, и уши его вспыхнули. Грехов отвернулся, покосился на Леха и щелкнул пальцами, переводя взгляд на пульт. Пилот кивнул, поняв, что нужна связь с баззером.

— Пойдете со мной. Все, что я говорил на инструктаже, вы обязаны выполнять без лишних слов. И мой вам совет: не надо щеголять своим послужным списком и делать вид, что вам сам черт не брат. Это не принято даже среди молодых. Вы меня поняли?

Шёбранн поиграл желваками и отвернулся.

— Отлично. Подгоняйте снаряжение, сейчас выходим.

— Баззер на связи, — сказал Лех от пульта.

Проводив первые группы, Грехов послал краткий отчет на баззер.

— Хорошо, — сказал в ответ Вигдор, отводя мрачноватые глаза. — Связь со мной держи лишь в случае крайней необходимости: кто знает, на что еще способен сверхоборотень, может, он пеленгует и таймфаговые передачи.

— А как у Диего?

Вигдор усмехнулся.

— Он тоже про тебя спрашивал. Ничего нового, все идет по плану, взяли под контроль свой квадрат. Кстати, ты там особенно не рвись в бой, мне нужны лишь сведения о появлении сверхоборотня, а не лихие погони со стрельбой. Как это говорили раньше: вперед не суйся, сзади не оставайся, в середине не толкайся...

— Но инструкцию знай, — закончил Грехов. — Ну инструкцию я знаю. Лучше скажи, ученые могут наконец определить, что такое сверхоборотень? Трудно бороться с неизвестным врагом. У тебя ведь куча представителей ИВК: Сергиенко, Талгренн, этот... как его... Нагорин. Они-то почему не подключаются?

— Они давно подключились, но информации, ты сам знаешь, кот наплакал. Кстати, откуда тебя знает Сергиенко? Он тут мне все уши прожужжал, распевая тебе дифирамбы.

— По Тартару.

Вигдор кивнул и перевел разговор на другую тему. Об участии Грехова в конфликтной ситуации контакта на планете Тартар он был осведомлен достаточно хорошо.

— Вот что, Габриэль, — медленно сказал Вигдор, оглядываясь в глубь темного зала. — Не хотел я тебе говорить до конца операции... но не могу молчать... «Клинок солнца» не вышел на финиш в Лебеде.

Грехов привстал, вглядываясь в резко очерченное лицо Вигдора, потом сел и качнул головой.

— Сроки?..

— Все контрольные сроки прошли. Причин не знает никто, и это не обязательно означает гибель трансгала. Но событие достаточно тревожное, а тут еще сверхоборотень!..

Грехов пошевелил губами.

— Ты думаешь — сверхоборотень?..

— Едва ли. Во-первых, расстояние от Конкуса до гаммы Лебедя слишком велико, а во-вторых, сверхоборотню трансгал не по зубам. Понимаешь, нельзя повернуть назад колесо операции, иначе я бы тебя освободил.

Посидев несколько секунд, Грехов протянул руку и выключил связь. Видео подернулся туманом и угас.

Сидевший рядом Забара с сочувствием поглядывал на него, но молчал. И Шёбранн молчал, и инженер-пилот иглокола Саша Лех. Все они знали, что на исчезнувшем корабле находилась жена Грехова, Полина.

— Собирайтесь, — проговорил наконец Грехов. — Вот и наша минута пришла — уходить и прощаться без слов... — Он оборвал себя и встал. Лицо его было уже бесстрастным, только чуть бледнее обычного.

Они уходили последними.

Туман у корабля все еще не рассеивался: то ли иглокол сел в болотистой низине, то ли это было особенностью местной природы. Обходя круглое тело корабля, Грехов спугнул стайку каких-то молчаливых существ и, вспомнив описание фауны Конкуса, подумал, что это, вероятно, чоксы — экзотические летающие лягушки планеты.

Проверив снаряжение, все трое выскочили из туманного одеяла под серебристым шариком телезонда и направили полет в сторону моренной гряды под названием Форт Надежды, там была граница подконтрольного группе района.

Всем участникам операции пришлось выучить с помощью гипнопеда планетографию своего участка, поэтому в рельефе проплывающей под ним местности Грехов разбирался хорошо. Над рекой Воскрешения, угадываемой по плеску волн, он уверенно повернул на юго-восток, навстречу встающему светилу.

Снизившись до метра над сплошным листовым покровом сельвы, Грехов оглянулся, но разглядеть место посадки иглокола уже не смог: сзади до горизонта простиралась слоистая пелена серого тумана, смыкающегося с такой же однообразной серой стеной небосклона. Все на этой планете казалось каким-то серым или бесцветным, то ли из-за эффекта освещения, то ли в действительности мир Конкуса имел серую окраску.

Грехов подумал, что в известном смысле ему повезло — группе достался самый трудный участок, но тут же пришла мысль, что везение — фактор, не зависящий от начальных условий, и еще неизвестно, что следует считать везением.

Экзоскелетный костюм увеличивал массивность и объем человеческой фигуры, но все же двести километров до Форта Надежды они преодолели за три четверти часа. Отсюда и следовало начинать патрульное барражирование вдоль полосы обитаемой Земли, в центре которой находилась станция мгновенного таймфагового сообщения.

С воздуха моренный вал, источенный эрозией, действительно напоминал полуразрушенные каменные постройки, вернее — многокилометровую каменную стену с бойницами и башнями, и Грехов снова пережил ощущение встречи с памятником древней цивилизации. Но на смену ему пришло сожаление: Конкус был необитаем миллионы лет до появления на нем человека,

никакая цивилизация не могла оставить здесь свой след.

У одной из «башен» они спланировали на почву, и Грехов проверил связь с остальными группами. Все складывалось нормально: асы начали патрулирование, ничего подозрительного за это время не наблюдалось.

— Пойдем и мы, — сказал Грехов, оглядывая напарников. То, что они молчали, ему понравилось, а мгновенная, заметная только опытному глазу реакция Шёбранна на звуки иной жизни говорила о его гостовности к действию, и это тоже было ему по душе. Забару же Грехов знал давно и был спокоен за него.

— Впереди пойду я и... Шёбранн. Ты, Игорь, пойдешь страхующим. Следи не столько за обстановкой, сколько за нами. Держись метрах в ста, не отставай.

— Есть, — пожал круглыми плечами борца Забара, оставаясь спокойным.

— Добро. Поначалу, я думаю, осмотрим ТФ-станцию и ее окрестности. Потом поселок биологов. Ну, вперед.

Грехов полого поднялся в воздух, сориентировался и направил полет к небольшому озеру ржавой воды.

СХВАТКА

ТФ-комплекс открылся совершенно неожиданно. Грехов даже засомневался сначала: по его расчетам, они должны были долететь до станции минут через десять. Но за стеной странных пузырчатых растений, в котловине, открылся вид на территорию станции ТФ-связи: голубая искусственная платформа с жилыми коттеджами, эллингом для прогулочных аппаратов, техническим центром.

Грехов еще раз посмотрел на часы, пожал плечами и опустился почти к границе платформы, жестом давая понять Забаре, что он должен остаться здесь.

— Пройдемся пешком. Посмотрим эллинг, камеры, генераторы.

— Вид у нас несколько необычный, — с усмешкой сказал Шёбранн, ощупывая жесткую пленку экзоскелетона. — Что о нас здесь подумают?

— Это нас не должно заботить. Здесь все предупреждены. Пошли.

Они вступили на слабо флюоресцирующую голубую поверхность платформы и, с любопытством рассматривая оборудование комплекса, не спеша двинулись в глубь городка для прибывающих гостей.

На улицах царили чистота и тишина. Никого из людей они не встречали, все вокруг словно вымерло. Только едва ощущаемая подошвами ног дрожь говорила, что недалеко расположен мощный энергетический узел.

В молчании они обошли четырехкилометровую платформу кругом. Грехов без труда запомнил местонахождение сооружений центра, убедился в безопасности стоявших в эллинге быстролетов. По всей видимости, сверхоборотень на платформе не появлялся, все сооружения, аппараты и здания были настоящими, не скопированными. И все же видимое отсутствие на площадях станции людей, просто случайных встречных, дей-

ствовало на нервы, и Грехов впервые почувствовал тревогу. Опасности не было видно никакой, но ведь и появление сверхоборотня всегда оставалось незамеченным до тех пор, пока не проявлялся истинный его характер. Могучая техника землян не годилась пока для распознавания сверхоборотня, и нужна была, может быть, единственно интуиция тренированного человека, реагирующего на малейшую тень опасности, чтобы сделать правильный вывод.

Спасатели остановились у решетки силовых отражателей, окружающей купола передающей и принимающей камер. Неясная тревога в душе росла, хотя Грехов не заметил ни малейшего повода к этому ощущению, кроме разве что странного отсутствия человеческого движения. Должен же здесь кто-нибудь находиться? Хотя бы из обслуживающего персонала. Или, сводя риск до минимума, люди решили совсем не выходить на платформу?

Микродинамик в ухе Грехова пискнул, и послышался голос Шёбранны, не слышимый никем, кроме того, кому предназначался:

— Может быть, зайдем к кому-нибудь в гости? Очень уж безлюдно, аж в тоску вгоняет.

— В принципе можно, — согласился Грехов, подумав. Предложения аса отвечали и его мыслям. Стоило убедиться хотя бы в том, что они здесь неодинок.

Но не успели они отойти от решетки, как эхо донесло до них тяжелые шаркающие шаги. Переглянувшись, они чуть ли не бегом обогнули купол одной из камер и увидели спину уходящего от них человека. Догонять его не стали, но Грехов сначала с недоумением, а потом с тревогой взгляделся в фигуру пешехода. Было в ней что-то странное: шаркающая походка, движения рук, перекося плеч... Грехов оглянулся на Шёбранна и увидел в его глазах понимание. И ужас. И понял сам.

— Не психуй, — сказал он быстро. — Поднимись над платформой, повыше, но медленно, и вызови баззер. Или передай Забаре. Я отвлеку...

— А не поздно? Ведь если это...

— Иди, время.

— А если они не...

— Я тебя сейчас ударю. Пошел!

Шёбранн мотнул головой, расширенными глазами впился в Грехова и, включив левитант, стал медленно подниматься в воздух, не отрывая взгляда от изменившегося, побелевшего лица командира группы.

И в это время странный пешеход остановился и обернулся. Грехов сдержал восклицание, поборол желание броситься вслед за товарищем и двинулся к незнакомцу. Тот, обратив к нему слепое, безгубое, серое лицо, молча ждал. Теперь отчетливо было видно, что это не человек.

Грехов остановился в нескольких шагах от него, мозг работал ясно и четко, страх прошел.

— Я землянин, — сказал он негромко. — А вы?

Серый незнакомец не шевельнулся.

Тишина вокруг стояла такая, что Грехову показалось, будто он оглох.

— Кто вы? — повторил он громче.

Незнакомец внезапно непонятным образом оказался совсем рядом, и тяжкий удар отбросил Грехова в сторону. Движения серого существа были так стремительны, что он не успел вовремя среагировать. На ногах, однако, удержался — помог экзоскелетон. «Вот тебе и контакт!» — усмехнулся он про себя, отступая на шаг — для обдумывания ситуации. Но серый дьявол не дал ему времени на обдумывание. Он снова неувовимо быстро шагнул вперед, рука его дернулась вместе с плечевым суставом. Грехов уклонился от нового удара, перехватил длинную серую руку, завел ее за себя и вбок, одновременно делая поворот вправо. Незнакомец переломился в поясе, и тогда Грехов рубанул его сверху по безобразно толстой шее, вкладывая в удар всю свою силу и мощь экзоскелетона.

В следующее мгновение кто-то огромный швырнул его вверх, как волан для бадминтона. От секундной перегрузки он потерял сознание; придя в себя, понял, что есть шанс вырваться из объятий сверхоборотня, и дал левитанту полную тягу, еще раз на миг теряя сознание от рывка.

Сквозь окружившие его звуки конкусского вечера донесся тихий отчетливый свист, и с высоты нескольких сотен метров, куда унес его левитант, Грехов увидел, как синяя поверхность платформы вдруг исказилась, строения ТФ-комплекса на ней поплыли, потеряли четкую форму. Платформа задрала вверх края, скачком изменив цвет на черный, и на улетающего со всей скоростью, на которую был способен левитант, спасателя надвинулось нечто, напоминающее гигантское черное яйцо, обросшее редким белым пухом.

Удар отбросил Грехова в сторону, и, прочертив дугу, он упал в заросли пузырчатого кустарника. Перевернувшись на спину, быстро достал деформатор, но выстрелить уже не успел. Что-то сверкнуло в днище уносящегося яйца, и Грехову все стало безразлично. «Уйдет...» — вяло подумал он, роняя оружие.

С тихим хлопком черное пятно сверхоборотня исчезло, словно он сделался прозрачным. А еще через некоторое время яркий белый свет упал с небес на ложбину, выжигая тени, и огромное дисковидное тело закрыло небосвод. Баззер «Ильмус» опоздал всего на полминуты.

В долине, которую только что занимал сверхоборотень, начался легкий переполох. Бежали куда-то люди, кто-то громко давал распоряжения, а над Греховым склонилось два лица: недоверчиво-испуганное Шёбранна и озабоченное Диего Вирта.

— Ничего, все в порядке, — хотел сказать Грехов, но сознание почему-то ускользало, и он с удивлением прислушался к своему телу, все еще не веря, что оно отказывается повиноваться...

НА ГРАНИ ПРОВАЛА

Сознание к Грехову вернулось только спустя двое суток.

Баззер совершал челночный поиск по трассе тэта Зайца — кси Голубого Колодца. Сверхоборотень ушел куда-то в этот

район, ушел не один: как теперь знали люди — передвигались сверхоборотни группой в девять-десять особей. На Конкусе они появились сразу в девяти районах, и, если бы не принятые меры, произошло бы массовое похищение людей. Но, несмотря на все ухищрения, тщательную подготовку операции и техническую оснащенность отрядов, сверхоборотни ушли все до единого. Локаторы баззеров поймали их в околопланетном пространстве не сразу и почти тут же потеряли, успев только засечь примерное направление движения. Группа сверхоборотней ушла к оранжевому карлику кси Голубого Колодца, и это подтверждало гипотезу Вигдора — двигались они по прямой.

В медцентре баззера было тихо, но откуда-то до слуха долетали неразборчивые фразы, обрывки слов. Грехов сначала отнес это к слуховой галлюцинации после его неожиданной болезни, потом прислушался и понял, что слышит голоса из динамика в углу комнаты. Мысленно приказав автомату увеличить громкость, он разобрал голос Вигдора, заинтересовался и включил видеопрограмму.

Стена напротив кровати «провалилась» в командный зал баззера, и Грехов увидел нескольких человек в креслах, среди которых были Торанц, Джаваир — руководитель второго сектора УАСС, Диего Вирт и Нагорин. Остальные были незнакомы. Вигдор стоял, облокотившись на изящную раму комбайна ТФ-связи, и словно рассуждал вслух:

— Мне кажется, появление сверхоборотней не следует считать вторжением и посягательством на права человека, хотя, конечно, выглядит это именно так. Двигутся они прямолинейно, я не понимаю, в чем тут дело, почему они так несвободны в выборе направления. Об этом можно только гадать. Появление их так же загадочно: если обратить вектор их движения вспять, то он упрется в абсолютно свободное межгалактическое пространство.

— Главное сейчас не в их загадочности, — сказал невозмутимый Джаваир, щуря узкие черные глаза. — Главное, что сверхоборотни постепенно проходят бедные звездами и населенными планетами окраины Галактики и скоро вонзятся в недра спирального рукава. А там, вы знаете, десятки аванпостов и поселений человечества. Это новые потери и жертвы... Дальше пойдут планеты, населенные существами иных цивилизаций, а за них мы тоже в ответе.

— Говорите конкретно, — глуховатым голосом произнес Торанц. — Что можно сделать со сверхоборотнем и какие средства может выделить Земля на эту операцию?

— Любые, — раздался высокий, с металлическими нотами, голос из затемненного угла зала.

Человек встал, и Грехов узнал Банглина, заместителя председателя ВКС — Высшего Координационного Совета Земли.

— Любые. Но это вовсе не значит, что достижение контакта со сверхоборотнем возможно лишь с помощью оружия. Последнее условие налагает на всех вас дополнительную ответственность: не только и не столько за установление контакта, сколько за жизнь людей, которые и не подозревают о существовании сверхоборотней. Прав Джаваир, не время сейчас решать, разумен сверхоборотень или неразумен. Действуют они

не совсем чисто, но ведь и мы действуем не лучшим образом, далеко не лучшим. Необходимо как можно скорее выработать стратегию дальнейшего поведения, учитывая прошлые ошибки, а они, к сожалению, были.

Банглин вернулся в кресло, помолчал и спросил:

— Почему же все-таки все девять оборотней ушли от нас? Столько усилий — и впустую! И еще это странное происшествие с группой Грехова... Кстати, почему начальник отдела лично участвовал в операции? Не хватает специалистов?

Вигдор нахмурился.

— Специалистов такого класса действительно мало, хотя я тоже не одобряю его решения. Что касается срыва операции... Сверхоборотни взлетели до того, как мы узнали, где и в каком образе они прячутся. Мне кажется, они получили централизованный сигнал от одного из своих приятелей на орбите. Этот десятый сверхоборотень мог заметить что-то подозрительное из космоса. А вот с Греховым действительно произошел странный случай. Объяснить его мы пока не можем.

— Не из-за действий ли этой группы все остальные сверхоборотни встревожились и ушли?

— Нет, — уверенно возразил Вигдор. — Габриэль Грехов действовал абсолютно правильно и сделал все, что мог. Большого на его месте никто из нас сделать бы не сумел, этот вывод анализаторов, а они, как известно, не ошибаются.

— Понимаю. — Банглин погрузился в размышления. — Так что, по-вашему, представляет собой этот серый властелин сверхоборотни?

— Есть целых три гипотезы на этот счет, — вступил в разговор Нагорин. — И все три, — он неожиданно усмехнулся, — одинаково уязвимы. Первая: серый человек — название условно — существо, захваченное сверхоборотнем на его пути. Вторая: это «человек для контакта», созданный самим сверхоборотнем для переговоров с людьми. («Они не знают еще, как действовал этот серый демон, — догадался Грехов, — иначе не было бы этой гипотезы. «Человек для контакта»... Хорош был контакт — драка!..») И третья гипотеза: серый человек — хозяин гигантской машины, которую мы называем сверхоборотнем.

— Любопытно, — сказал заинтересованный Банглин. — Ну а вы сами к какой склоняетесь?

Грехов почувствовал головокружение и некоторое время отдыхал, не прислушиваясь к беседе. Ответ Нагорина он пропустил, но затем говорил Сергиенко, хорошо известный Грехову по Тартару. За три года, истекшие с того времени, он совершенно не изменился.

— Мы знаем, — сказал Сергиенко, — что сверхоборотни путешествуют группой. Мы знаем, что они могут превращаться в любые материальные тела, вплоть до, казалось бы, невозможного — в озеро. Размеры их колеблются от сотен метров до одного километра — в своем естественном виде черного яйца. Скорость их передвижения в космосе лишь немногим уступает скорости наших кораблей в таймфаговых коридорах, хотя расчеты эти неточны: мы считаем скорость сверхоборотней по их появлениям у звезд, а ведь они, наверное, не сразу начина-

ют охоту, определенное время тратится на подготовку. Таким образом, скорость их огромна, что указывает на их энергетическую независимость. В сущности, мнение мое и моих коллег таково: сверхоборотень — аппарат, управляемый разумными существами. На мой взгляд, происшествие с Греховым подтверждает его достаточно основательно.

— И все же что-то здесь не так, — задумчиво сказал Торанц. — До сих пор поведение сверхоборотней было так прямолинейно, что разумным его не назовешь.

Грехову не суждено было выслушать всех участников разговора и решение научного совета. В комнату вошел врач и, не смотря на слабый протест, выключил видеом.

* * *

Через три дня баззер прибыл в систему кси Голубого Колодца — странное название для созвездия, состоящего из десятка желтых, оранжевых и красных звезд.

Грехов к тому времени был уже почти в форме. Разряд неизвестного излучения, которым окатил его сверхоборотень, оказался слабым и не затронул основных нервных центров.

Оранжевый карлик кси Голубого Колодца не имел официального названия, только регистрационный номер, но зато владел обширной планетной системой в двенадцать планет и два пояса астероидов. Все планеты были похожи на древний Плутон — ледяные, безатмосферные, голые и безжизненные. Лишь ближайшая к звезде обладала атмосферой и хилой растительностью. Поселений землян здесь не было, только вблизи экватора некогда разведчики, причем разведчики другой цивилизации, орилоухской, оставили автоматическую станцию-маяк, для тех, чья фантазия когда-нибудь заставит их посетить эту систему.

«Ильмус» вышел на мегаметровую орбиту вокруг планеты и выслал во все области системы иглоколы и автоматические зонды. Сверхоборотни должны были пройти мимо, обследуя планеты на предмет нахождения на них существ, и стоило попытаться обнаружить их в этот момент. Хотя эта точка зрения была уязвимой с тех позиций, что целей владельцев сверхоборотней никто знать не мог, плюс к этому неизбежная разница в психологии этих существ и психологии землян, в строе их логик и аппаратов восприятия мира.

«Задерживаться они не станут, наверное, — думал Грехов, покидая медцентр. — Уйдут, не обнаружив того, что ищут. Конечно, на всем предполагаемом пути их следования люди предупреждены и готовы к встрече, но ведь ничто не мешает им изменить маршрут...»

Он остался на баззере вместе с Вигдором. Группой пока руководил Забара. Диего Вирт ушел со своими к самой отдаленной планете и, уходя, пожелал Грехову скорейшего выздоровления («А то вид у тебя, — как он выразился, — словно ты решил испугать сверхоборотней своим скелетом»).

— Будет тебе, — грустно ответил Грехов.

В полутемном зале мерцали видеомы, связывающие баззер со всеми иглоколами. Банглин переговаривался с Ненароко-

вым. Сергиенко работал с координатором корабля, надев на голову шлем мыслеобщения. Один Вигдор медленно ходил вдоль вогнутой стены главного видеомая и поглядывал на окна оперативных видеомая, показывающих одну и ту же картину: темный шар планеты и черно-звездное поле космоса. Если приглядеться, шары планет были разными, это значило, что иглоколы заняли места каждый возле «своей» планеты.

Подойдя к Грехову, Вигдор остановился.

— Выздоровел?

— Вполне. Но ты же знаешь врачей...

Габриэль выбрал кресло и уселся.

— Ожидание, боюсь, будет долгим. — Вигдор посмотрел на часы. Подождав немного, сел рядом и продолжал: — Извини, ничего нового о Полине сообщить не могу.

— Я понимаю...

— «Одиноким охотник», посланный в поиск «Клинка солнца», до сих пор молчит.

— Они найдутся, Керр, я почему-то уверен в этом.

— Добро. — Вигдор внимательно всмотрелся в спокойные черные глаза Грехова и встал. — Отдыхай, мне ты нужен здоровым и уверенным. Чует мое сердце, что и в этот раз операция сорвется.

Он махнул рукой и отошел.

— Типун тебе на язык, — пробормотал Грехов ему вслед, оставаясь сидеть. Напоминание о пропавшем без вести корабле больно задело сердце.

«Прости, Эль, — сказала тогда Полина. — Я очень нужна одному мальчику. Ты сильнее его, ты подождешь... и поймешь, я уверена. Не ищи меня несколько дней, я приду...»

Этим мальчиком был Володя Орлов, спасатель из группы Шелгунова, который умер на операционном столе Марсопорта. После катастрофы на Титане его шивали по частям, но спасти не смогли. Была одна надежда — любовь. Он тоже любил Полину, безнадежно и сильно. Полина должна была убедить его, что и она его любит. Нельзя представить, что это была за пытка для Полины, если она любила его, Габриэля. Но она была врачом-психоаналитиком и иначе поступить не могла. Правда, и ему было тяжело, но кто знает об этом? Только сама Полина... А Володя Орлов умер... Скорее всего он не поверил ей...

Полина... Неизвестность хуже беды — это твои слова. Впрочем, это к делу не относится. Приказано отдыхать и быть здоровым и уверенным...

Грехов тяжело встал и побрел в медотсек.

* * *

Трое суток дежурили земные корабли в системе кси Голубого Колодца. Мощные локаторы баззеров прощупывали межпланетное пространство с точностью до метра. Казалось, ни одно тело не могло проскочить сквозь этот заслон незамеченным. И все же сверхоборотни появились совершенно неожиданно и в самом центре системы. То ли они пользовались иным способом передвижения в пространстве, то ли методы их контроля и маскировки превосходили возможности локаторов.

Вигдор сыграл тревогу, и через несколько минут все иглоколы повернули к третьей планете звезды, возле которой хищной стаей кружились десять тел.

— Мне почему-то в последнее время кажется, что мы поспешили с выводами, — нарушил молчание Сергиенко. — Это семья, семья животных пространства.

— Почему? — резко спросил Банглин.

— Потому что любое разумное существо способно к обобщениям и давно бы поняло, что за ним следят, его ищут. Во всяком случае, оно изменило бы направление движения. Сверхоборотни же сломя голову мчатся по прямой. Мне кажется, что открытие их — великая и трагическая случайность. Их «счастье», что на пути то и дело попадают звезды с населенными планетами. Измени они чуть-чуть угол вхождения в Галактику, и пронзили бы ее, почти не встретив звезд.

— Но, может быть, это все-таки автоматические устройства, действующие по программе? — пробормотал Банглин.

Вигдор включил главный видеом баззера, и все присутствующие в зале оказались в черной пустоте над пепельно-серебристым серпом планеты. Изображение передавалось с иглокола, шедшего малой маневровой скоростью, поэтому серп постепенно утончался и скоро исчез совсем.

— Где же они? — спросил Сергиенко, разыскивая взглядом сверхоборотней.

— Евгений, дай контуры на видеом, — попросил Вигдор.

Ненароков подключил локаторное зрение в командный зал, и все сразу увидели впереди иглокола мерцающее зеленоватое пятно. Это шла группа сверхоборотней. Выделились и остальные иглоколы, ранее невидимые. Они появились рубиновыми черточками по разные стороны тесной группки сверхоборотней.

Из-за горба планеты выскочило оранжевое светило, и видимость ухудшилась. Земные корабли снова затерялись в ночи пространства.

— Сближайтесь, — подал команду Вигдор. — Будьте внимательны. Все наблюдают объект?

— Первый...

— Второй...

— Восьмой, наблюдаю.

— Расстояние?

— Первый, пять мегаметров.

— Второй, семь...

— Восьмой, одиннадцать.

Вигдор быстро оглянулся.

— Всем аварийно по креслам!

Грехов прыгнул в кресло вслед за остальными и вдавил рукой педаль защитной автоматики. Рядом стоящее кресло застонало от могучего тела Сергиенко.

— Баззеру — готовность к ТФ-режиму номер один!

— Опасно, — коротко отозвался Ненароков. — Иглоколы слишком близко.

— Сделай все, что можешь. Вирт, слышишь меня? Бери командование на себя. В полумегаметре от их группы включайте разгонное поле, одновременно форсируя тормозящее фокусом к сверхоборотням.

— Понял, — донесся спокойный голос Диего.

— Разгоните генераторы к дьяволу, но дайте нужную плотность поля!

— Попробуем.

Теперь группа сверхоборотней была видна хорошо — десять круглых зеленых пятен, убегающих в тень планеты.

«Однако размеры их блока не уступают размерам баззера, — подумал Грехов. — Энергиями они владеют под стать нам...»

— Они должны как-то общаться, — негромко сказал Банглин.

Ненароков услышал и тут же ответил:

— На всех диапазонах тишина. Я слушаю их со времени обнаружения — и ничего...

— Странно. Связь между ними должна быть.

Внезапно что-то изменилось. Впереди иглоколов встало мгновенное туманное облако, расплзлось в стороны волокнами и образовало струящийся зонт, охватывающий когорту сверхоборотней. Навстречу ему от других иглоколов протянулся второй такой зонт, и группа оказалась в силовой ловушке. А спустя секунду синяя молния прошла пространство в том месте, люди невольно закрыли глаза, и этого мгновения оказалось достаточно, чтобы сверхоборотни исчезли.

ПРИМАНКА

Еще сутки дежурил «Ильмус» в системе оранжевого карлика кси Голубого Колодца. Сверхоборотни больше не появлялись. Станным образом вырвавшись из ловушки, они снова ушли в космос, и на этот раз вероятность их последующего обнаружения падала почти до нуля. Как сказал Сергиенко:

— Не будут же они вечно идти по прямой! Еще предстоит объяснить, почему они шли прямолинейно, никуда не сворачивая, так долго.

— А может быть, это дрейф? — пробормотал Джаваир.

— Дрейф со скоростью выше световой? Дрейф с избирательными остановками? Станный дрейф...

Грехов встретил Диего Вирта и шепнул ему:

— С оборотнем надо бороться его же оружием...

По случайности в зале в этот миг повисла тишина, и его шепот услышали многие.

— Каким же? — спросил Банглин, упираясь в аса пронзительными желтыми глазами.

Грехов с некоторой долей досады пожал плечами:

— Оружие сверхоборотня — способность к сверхподражанию. Почему бы и нам не скопировать что-либо для приманки? Облик самого сверхоборотня, например. Может, увидев его, они подойдут «познакомиться». Или... ну, не знаю, что еще.

— Это мысль, — произнес Торанц.

— Вот и проанализируйте эту мысль. — Банглин резко обернулся к руководителю первого сектора. — Только не слишком долго. Если все же допустить, что сверхоборотни и дальше будут идти по прямой, а, кстати, ничего другого нам не остается, — что у них на пути следующее?

— Гамма Суинберна, — ответил Вигдор. — Сто пять парсе-

ков. Предел для прямого хода наших кораблей. Если они будут двигаться с прежней скоростью, то появятся там дней через семь-девять.

— Семь дней, — повторил Банглин. — Что ж, видимо, придется давать сигнал опасности по всей Спирали. Уверенности в том, что они не свернут с пути, у нас нет, и надо успеть подготовиться к встрече с ними во всех системах.

— Может быть, не стоит торопиться с сигналом? — пробормотал Торанц, не глядя на заместителя председателя ВКС. Неудачи с захватом сверхоборотня ложились прежде всего на службу УАСС, и было горько осознавать себя виноватым, хотя, в общем-то, винить в неудачах было некого. В истории расселения человечества в Галактике подобных инцидентов не было, и учиться приходилось на своих собственных ошибках.

— Нет, — глухо сказал Банглин, — если бы мы рисковали с вами только своей репутацией...

* * *

Баззер медленно опускался в глубокую воронку планеты — именно такой представлялась она с высоты в сорок километров. До сплошного голубого облачного покрова оставалось совсем немного, когда корабль перестал двигаться и замер.

Около часа он висел неподвижно, не выдавая признаков жизни. Потом скачком прыгнул вверх, прочь от планеты. На его месте остался черный ребристый шар диаметром около двухсот метров. Шар подождал ровно столько, сколько понадобилось баззеру для перехода на другую орбиту, затем вдруг словно взорвался, превращаясь в бурое непрозрачное облако, отчетливо видимое в разреженном воздухе стратосферы...

Грехов наблюдал эту картину с поверхности планеты, опустившись на иглоколе задолго до появления шара. Шар, конечно, загадочным не был, представлял он собой генератор силового поля и в данный момент превращался в копию сверхоборотня.

Бурое облако достигло полутора километров в поперечнике и застыло.

Грехов, один из немногих видевший сверхоборотня вблизи, отметил большое сходство копии с оригиналом. Лишь цвет копии, как показалось асу, не соответствовал цвету настоящего оборотня, ведь он видел последнего черным.

— Ну все, — вздохнул Грехов и посмотрел на невозмутимую физиономию Диего Вирта. Между иглоколами была включена постоянная связь, и асы могли разговаривать друг с другом, словно находясь рядом.

Всего на поверхности планеты, многим напоминавшей Конкус, ожидали своей работы четыре иглокола, оснащенные дополнительным энергетическим оборудованием. По мысли руководителей операции, они должны были взлететь, как только группа оборотней подойдет к ловушке, и, включив концентраторы гравиполя, как бы «вморозить» всю группу в сверхплотное силовое поле, чтобы не дать ей уйти.

Эксперимент был опасен, и экипажи иглоколов состояли всего из трех человек: пилота и двух спасателей. Грехов пошел

в паре с Забарой. Пилотом на его корабле был Саша Лех, добродушный и мягкий на вид великан.

— Будем ждать, — сказал Вирт в ответ на вздох Грехова. — Видимо, это наш последний шанс. Пока что в этой игре пять-ноль в пользу сверхоборотней, а?

— Предупреждение дано по всем системам, — возразил Танич, появляясь в соседнем видеоме. — Где-нибудь эти оборотни найдут себе конец.

— Дело не в том, что они будут истреблены; мне, кстати, такой конец противен. Прежде чем уничтожать кого-либо, надо хотя бы попытаться понять его, а наши неудачи говорят о многом: о нашей беспомощности, традиционном подходе к решению задач поиска оборотней, несовершенстве логического аппарата... ну и так далее. Тот, кто назвал этих существ сверхоборотнями, смотрел в корень. Такой суперподражатель может предстать кем угодно, и поймать его чрезвычайно трудно, если не совсем невозможно.

— Что ты этим хочешь сказать? — удивился Танич. — Не веришь в успех операции, так и скажи.

— Я и сам не знаю, чего хочу, — подумав, сказал Диего Вирт. — Зато я знаю, что я могу.

— Что ты можешь, покажут наши успехи, — пробормотал Грехов. — А вот неудачи показывают, чего мы стоим...

Диего иронически приподнял бровь.

— Устами младенца... а в общем-то ты прав. Время покажет, что мы можем и чего стоим.

На этом их короткий разговор и закончился. Танич пожелал осмотреть окрестности в месте посадки, Диего Вирт пошел спать, сославшись на «отсутствие стимулов к активной жизни».

Командиром четвертого иглокола был сам Вигдор, упрямивший Торанца принять руководство всей операцией на себя. Еще на баззере Грехов слышал разговор начальника сектора с Банглиным.

— Почему вы посылаете на планету начальников отделов? — резко спросил Банглин.

— Потому что они лучшие оперативные работники, — сухо ответил Торанц. — Я не могу рисковать успехом дела, посылая на самый важный участок менее опытных людей.

Самые опытные... Габриэль с тоской посмотрел на фиолетово-синий ландшафт, окружавший корабль. Вдруг остро захотелось увидеть Полину, взглянуть в ее теплые карие глаза, ощутить травяной запах волос, почувствовать нежность и ласку маленьких рук... Чувство одиночества охватило его неожиданно и сильно, как никогда раньше, и было это, вероятно, признаком усталости, а может быть, результатом долгих размышлений и самоанализа.

«Что-то тоскливо мне в последнее время», — подумал он, мысленно включая корабельный музфон. Как нарочно, первая запись оказалась грустной миниатюрой известного ансамбля «Василиск», и Грехов даже головой покачал, настолько мелодия соотвечествовала его настроению...

День прошел. Под голубыми облаками, рассеивающими ровный синий свет, он наступал и уходил незаметно, похожий на долгий мучительный рассвет: солнце сквозь облака не просве-

чивало, и заметных колебаний светимости смена дня и ночи не вызывала.

Ночь тоже прошла спокойно, Грехов отметил это с некоторой долей сожаления — душа жаждала действия. Танич выходил из своего иглокола, но, побродив с час в сумеречном фиолетовом лесу, вернулся разочарованный и недовольный.

К десяти часам по корабельному времени, когда Забара любопытства ради вышел из корабля, а Грехов собрался позаниматься с вычислителем иглокола, внезапный сигнал общего внимания заставил его пересечь в командирское кресло.

В ходовую рубку прибежал растерянный Лех и кинул взгляд на пульт, где горел сигнал экстренной связи и чей-то энергичный и даже веселый голос повторял:

— Экипажам всех иглоколов срочно вернуться на баззер! Тревога по форме «ноль»! Экипажам всех иглоколов...

Видеом экстренной связи мерцал тусклым золотом и напоминал речное дно, просвечивающее солнечным днем сквозь толщу воды.

— Форма «ноль» — это же вооруженное столкновение! — сказал Лех, быстро усаживаясь в кресло и выжидательно поглядывая на командира. — Неужели напал оборотень?!

В соседних видеобазах появились встревоженное лицо Танича и недоумевающее Диего Вирта.

— Ты что-нибудь понимаешь? — спросил Вирт. — Я слышу только вызов, но видеосвязи нет...

Грехов вместо ответа включил системы дальновидения, и главный видеом иглокола отразил фиолетовый бархат неба и косо плывущий над планетой многокилометровый «цветок» баззера.

— «Ильмус»... — пробормотал Лех. — А где же имитация сверхоборотня? Неужели мы проморгали появление настоящего?

— Нас должны были предупредить в первую очередь, — возразил Танич.

— Ну а если не успели?

Появился Вигдор, бледный и словно помятый.

— Чего ждете? Особого приглашения?

— Станный вызов, — отозвался Диего Вирт. — Видеосвязи нет, но голос слышен, не узнаю чей. Слушайте, братцы! — Диего встретился взглядом с Греховым. — А что, если это...

— Сверхоборотень! — закончил тот. — Конечно, это не баззер, это оборотень. Но где тогда настоящий «Ильмус», хотел бы я знать? Почему он молчит?

— Готовили ловушку для сверхоборотней, а они сделали ловушку для нас, — хохотнул Диего. — Не лишено остроумия.

— Забара вернулся? — спросил Грехов через плечо у Леха.

— Я здесь. — Забара в рубке поспешно снимал скафандр.

— Отлично, — кивнул Грехов и усмехнулся. — Остроумно, говоришь? Примитив, никакого остроумия. Вот что, ребята, я не знаю, где сейчас баззер, но стоит попытаться захватить хотя бы этого оборотня. Время не ждет, кто «за»? Я стартую, Саша, старт!

Лех беспрекословно нырнул головой в шлем мыслеуправления.

— Куда?! — крикнул Вигдор, но иглокол Грехова уже скользнул в небо белой молнией и пропал в облаках.

— Григ, старт! — приказал Диего Вирт своему пилоту, демонстрируя отличную реакцию.

Вигдор запоздал на секунду, потом махнул рукой:

— Вперед!

Вместе с ним стартовал и Танич.

Баззер, настоящий баззер «Ильмус» не отзывался на запросы, и Вигдор мимоходом подумал, что сверхоборотни затеяли игру по своим правилам, игру, из которой люди могут и не выйти живыми. Если баззер не придет на помощь... Где же он?

«Ильмус» в это время отражал атаки разделившейся группы оборотней, удивившей его от планеты.

ЕСТЬ НАДЕЖДА

Иглокол Грехова опередил остальные корабли на полминуты. Он был уже в нескольких сотнях метров от мнимого баззера, как вдруг его подхватила мягкая, но властная сила и понесла прямо на центральный диск.

— Держись! — рявкнул Лех, не заботясь о субординации.

Они невольно сжались в креслах. Тоненько запел фиксатор защитного поля рубки, спасающего людей от перегрузок.

Диск надвинулся вплотную, но в последнее мгновение в нем образовалась щель, в которую и ухнул иглокол, как в пропасть.

Именно в этот момент возле лжебаззера выросли с разных сторон иглоколы Вигдора, Танича и Вирта, разом затормозились и включили капсулирующие гравитационные генераторы. Гигантский цветок мнимого корабля тут же сломался, все его ажурные конструкции поплыли, укорачиваясь, и спустя несколько секунд в космосе мчались два белесых бугристых шара, окруженных сполохами борющихся силовых полей. Один из сверхоборотней почти сразу вырвался и мгновенно растворился в пустоте, другой почернел, словно обуглился, пытался резкими движениями вырваться из цепких силовых сетей земных кораблей, но что-то, видимо, мешало ему набрать нужную скорость, сковывало движения. Вел он себя странно: то замирал на месте, распухая в размерах, то сжимался до предела, испуская яркий зеленый свет.

— Грехов дает! — тихо сказал Диего Вирт, сжав зубы и кивая в сторону метавшегося оборотня. В рубках иглоколов, несмотря на титаническую схватку, стояла тишина, и разговаривать можно было свободно.

— Надолго нас не хватит, — тонким голосом отозвался Танич. — Ну и силища же у этого черного мешка!..

— Сближайтесь! — прохрипел Вигдор. — Легче будет держать...

Всей борьбой, невидимой, но жестокой, руководили автоматы, но люди были напряжены так, будто это они наносили миллиардоваттные удары шпагами силовых полей и отражали такие же ощутимые выпады противника.

Схватка продолжалась еще некоторое время. Второй раз оборотень испустил тонкие, пронзительно яркие лучики света, пока

Вигдор не догадался, что это вторичный эффект направленной ТФ-передачи: оборотень слал призывы о помощи.

— Сейчас будет туго, — сказал Вигдор, — он зовет своих.

— Где же баззер? — Вирт возился с передатчиком и бросал яростные взгляды на пустой объем экрана.

Сверхооборотень делал отчаянные попытки вырваться из объятий силовых полей, которыми его окружили иглоколы, но мощности его противодействия не хватало, не хватало, быть может, самой малости, к тому же «проглоченный» иглокол Грехова отнимал у него свободу маневра, и он метался и менял форму, словно огромный жук, запутавшийся в паутине.

Внезапно Вигдору показалось, что звезды тронулись с небес и ринулись к кораблям, словно брошенные горстью.

— Один... четыре... семь... — насчитал пилот шепотом.

— Внимание! — объявил Вигдор. — Держитесь плотнее, идут остальные!

Но сверхооборотни не успели прийти на помощь своему собрату. Потому что всего в полусотне километров от сплетенного клубка борющихся гиганта оборотня и земных кораблей (с невиданной точностью!) возникло вдруг сияющее тело баззера, и по характерной лучистой короне, окутавшей его, Вигдор понял, что баззер выстрелил по хищно приближающейся стае струями жестких излучений. Все семь сверхооборотней разом окутались зеленоватым облаком, а когда облако растаяло — космос был пуст.

Баззер величественно приблизился к замершему последнему сверхооборотню, тот рванулся было в сторону, но переливчатая пелена, похожая на мыльный пузырь, окутала его со всех сторон и повлекла к главной силовой антенне «Ильмуса».

В видеомах иглоколов возник командный зал баззера, тревожные лица дежурных инженеров Сергиенко и Торанца, сосредоточенное Банглина.

— Там у него иглокол Грехова... внутри, — устало сказал Вигдор. — Если можно, посмотрите побыстрее, пожалуйста.

— Можно, я попытаюсь проникнуть внутрь оборотня? — спросил быстро Диего Вирт.

Банглин поджал губы.

— Вряд ли это возможно... сейчас, по крайней мере.

— И все же...

— Если возникнет такая необходимость, мы вас пригласим. — И Банглин дал понять, что разговор окончен. — Возвращайтесь на корабль. Все.

Диего Вирт нахмурился, по его мнению, следовало немедленно что-то предпринять для освобождения иглокола Грехова из «плена» сверхооборотня. Но Торанц опередил его:

— Мы сейчас хозяева положения, — сказал он, понимая чувства аса. — Военные действия закончились, но мы все равно диктуем свою волю... этим... в сверхооборотне. Те, кто им командует, управляет, должны это понимать, и иглокол Грехова их единственный шанс ультимативного контакта.

— Обмен? — догадался Вигдор. — Они нам иглокол, мы им свободу?

— Нечто вроде этого.

В этот момент в мегаметре от земных кораблей выросло ис-

текающее белым пламенем тело второго баззера. «Риман» опоздал к схватке всего на полчаса.

В динамиках пробились возбужденные голоса прибывших, а в видеомах иглоколов мелькнуло вдруг лицо Полины Греховой. Вигдор тупо удивился: она-то здесь почему? Но потом понял: пропавший «Клинок солнца» наконец объявился, и «Риман» привез Полину с Земли. Живую и невредимую. А сам Грехов...

— Черт! — в сердцах произнес обычно сдержанный Диего Вирт. Он тоже увидел Полину. — Что мы ей скажем?

— Габриэль? — тихо спросила она, упираясь требовательными, пронзительно черными глазами в Вигдора. Тот проглотил ком в горле и тяжело покачал головой.

— Понимаешь...

— Где он? Диего, почему вы молчите? Что с ним?!

Диего Вирт яростно почесал щеку и крикнул. Вигдор встретил взгляд Полины, отвернулся и растерянно пожал плечами.

— Не знаю, Полина... я не знаю... Ведь и тебя долго не было, а он тревожился... и все мы...

* * *

Месяц спустя сверхоборотни появились в созвездии Ориона, но предпринять что-либо не сумели: люди были предупреждены и вооружены знанием, которое дал им захват одного из них. Как и прежде, сверхоборотни двигались по прямой — объяснить этот факт удовлетворительно так никто и не смог, — и, как и прежде, пытались «пассивно» охотиться на людей.

На заседании Центрального Ствола УАСС, состоявшемся на лунной базе, Торанц докладывал о результатах операции «Оборотень».

— Таким образом, сверхоборотень, — говорил он, — пока полностью или почти полностью загадочен для нас. На равных продолжают существовать три гипотезы. Первая: сверхоборотень представляет собой звездолет. Вторая: сверхоборотень — живое существо с огромной, можно даже сказать, с машинной памятью. Третья: это автомат для сбора информации, запущенный некогда разумными существами. Многие экзобиологи, участвовавшие в изучении пойманного сверхоборотня, убеждены в том, что он животное со способностью к мимикрии, фантоматическому преобразованию «космического» масштаба. Конечно, месяц изучения сверхоборотня не может дать многого, но уже сейчас известно, что жизнедеятельность земных и всех известных инопланетных организмов по всем параметрам отличается от жизнедеятельности оборотней. Ученый-универсалист Талгренвенн, занимающийся проблемой оборотней, сказал даже, что подобные чудовища вообще не имеют права на существование, ибо некоторые показанные оборотнем эффекты опровергают третье начало термодинамики. Я закончил.

По залу пробежал легкий шумок.

Следующим выступал заместитель председателя Высшего Координационного Совета Земли Банглин.

— Возможно, — звучным голосом начал он, — мы столкнулись с жизнью, которая когда-то в процессе эволюции перешла в открытый космос, но странным образом не переступила грань, отделяющую инстинкт от разума, животную интуицию от ин-

теллекта. Возможно, оборотень действительно автомат, запущенный когда-то и кем-то, о ком мы можем только гадать. Более вероятна гипотеза, в которой сверхоборотень предстает перед нами звездолетом, управляемым негуманоидным разумом. Единственное, что пока известно точно, он имеет устройства, способные усваивать не только приобретенную человеком информацию, но и наследственную непосредственно из клеток мозга!

Банглин переждал шум и продолжал:

— Открытие устройств произошло при весьма трагических обстоятельствах: первая же попытка освободить захваченный оборотнем иглокол Грехова закончилась плачевно: погибли пилот второго иглокола и помощник командира патруля. При их обследовании оказалось, что вся информация в их мозгу стерта! Клетки мозга разрушены!

Каким образом считывается информация, мы не знаем, но этот факт проверен последующими экспериментами. Таким образом, информация добывается оборотнями практически мгновенно и без тех колоссальных затрат сил, энергии и времени на усвоение знаний, которые тратит человек на протяжении всей жизни.

Если они живые существа, что тоже вероятно (не будем скапываться в схоластические споры о разнице живого и неживого), то именно этот факт мог и не позволить сверхоборотням подняться над уровнем животного сознания — легкость приобретения любой информации. Человек, как вы понимаете, оказался для оборотня вдвойне лакомым куском: знания его обширны и касаются всех граней жизни многих иных существ космоса. Ну а если оборотни автоматические устройства...

— Если бы попытка изловить их снова закончилась неудачей, — сказал Вигдор на ухо Диего, — то вся информация о наших приготовлениях, логическом строе и способах охоты была бы ими впитана и понята. И тогда уж окончательно был бы решен вопрос контакта с ними, только с помощью оружия. Иначе каждая встреча с ними будет заканчиваться трагически. И все же как изобретателен космос!..

Диего Вирт согласно кивнул.

— К сожалению, общение с оборотнем возможно пока в прямом смысле только через его «желудок», — говорил Банглин. — Я знаю, звучит это неправдоподобно, но это так. Самое плохое, что мы столкнулись со столь диковинной жизнью совершенно неподготовленными и при таких обстоятельствах, которые не оставляют места долгому размышлению. Но все же стоит поразмыслить над тем, как, не уничтожая сверхоборотней, которые могут встретить в Галактике других разумных, обезопасить этих неведомых нам братьев? Уничтожить автоматический аппарат, или животное, или управляемый механизм, пусть даже чрезвычайно опасные для человека, но обладающие такими поразительными свойствами, не попытавшись прежде отыскать какие-то пути взаимопонимания, мне кажется недопустимым...

— А пока мы будем пытаться, оборотни будут продолжать охоту? — не выдержал кто-то из сидящих в зале.

— Наверное, будут. Однако контакт с ними чрезвычайно ва-

жен. Многие ученые склоняются к тому, что сверхоборотень — древнейшая форма жизни в космосе, реликт невообразимо далеких эпох...

— Неубедительно, — прозвучал тот же голос. — Вопрос стоит так: или мы, или они. Ведь действенных форм защиты от них нет?

— Разрешите, я отвечу? — поднялся с места Вигдор.

Зал собраний Ствола УАСС поднимался амфитеатром, поэтому его видели все присутствующие, в большинстве своем начальники отделов и групп.

Банглин слегка нахмурился, на миг задержал взгляд на фигуре руководителя отдела и согласно кивнул.

Вигдор несколько мгновений смотрел в пол, потом сдвинул пальцами усталые глаза — отдыхать ему за месяц так и не пришлось ни разу — и выпрямился.

— Когда-то в девятнадцатом и двадцатом веках люди, наши с вами предки, истребили почти всех хищных животных на Земле. Некоторые редкие виды животных исчезли совсем, безвозвратно. О нарушении экологического баланса Земли я уже не говорю, стоит ли напоминать и о том, что каждый вид животных уникален? Кроме всего прочего, это истребление не украсило цивилизационную деятельность человека, как не украсило ее покорение «дикого запада» Америки с уничтожением и порабощением коренных жителей, варварское истребление лесов, загрязнение водоемов, атмосферы и многое другое. Сейчас мы столкнулись с редчайшим явлением в космосе, со сверхоборотнем — либо «одичавшим» автоматом, либо формой жизни, способной к супермикрии, обладающей способностью к перемещению в межзвездном пространстве, владеющей, кроме всего этого, неизвестным видом лучистой энергии! Кстати, вы знаете, что представляет собой оболочка сверхоборотня? Это одна колоссальная сверхмногоатомная молекула! Гравихимики устроили в связи с этим открытием торжественные похороны прежней теории и уже строят новую! Это же невероятная удача, открывающая простор для изучения и познания жизни во вселенском масштабе!

Да, это хищная форма жизни. Но имеется одно маленькое соображение: нападения оборотней на человека так часты не потому, что они ищут встреч с нами, а потому, что мы нарастающими темпами исследуем и обживаем Галактику. Сверхоборотней всего десять. Несколько выстрелов — а я знаю, любителей пострелять и в наше время немало среди нас, — и сверхоборотни исчезнут. А вы, все здесь сидящие, хорошо представляете, какие последствия несет уничтожение их рода. Последствия, мне кажется, необратимые, ибо стоит поразмыслить и над тем, в борьбе с какими врагами обрели такую защиту сверхоборотни!..

Не поднимая головы, Вигдор сошел с возвышения и сел рядом с Диего. Зал молчал...

— Куда теперь? — спросил Вигдор Диего, останавливаясь у входа в зал таймфага.

— В медцентр на Камчатке, там врачи сейчас решают судьбу

Габриэля. Потом... потом к себе в отдел, ведь дежурства мои никто не отменял. А тебе пора отдохнуть, выглядишь ты неважно.

— Торанц дал всем официальное разрешение на неделю отдыха.

— Тем более. Оборотень теперь в надежных руках на марсианском полигоне. Кстати, ты в своей грандиозной речи говорил о сверхоборотнях как о живых существах. Ты что же, всерьез думаешь, что они — космические левиафаны?

Вигдор вздохнул, поглядел на часы перед входом в зал.

— А ты?

Диего улыбнулся.

— Не знаю, не думал об этом. Не хитри. Я же вижу, у тебя есть собственная гипотеза.

— Ты прав, есть. Но... понимаешь, — Вигдор снова вздохнул, — она настолько бредова и проста, что я сам пугаюсь: вдруг я прав?! Мне кажется, что сверхоборотень не звездолет, не автомат и не животное космоса, а спора какого-то суперсущества! Спора, а не само существо, понимаешь? Отсюда наши неудачи с контактом. Представляешь, если она когда-нибудь прорастет?

Диего задумчиво покачал головой.

— Не представляю. Но идея у тебя действительно... сумасшедшая. Кстати, ты знаешь, что у нашего сверхоборотня изменился облик?

Вигдор удивленно пожал плечами.

— Когда ты это узнал?

— Перед совещанием. Он теперь похож на шар, готовый лопнуть.

Вигдор побледнел.

— Шар? О, черт!.. Ты-то хоть понимаешь, о чем говоришь? Ведь если я прав и сверхоборотень — спора, готовая прорасти... Теперь уже изменился в лице Диего.

— Ты думаешь...

— Да когда же тут думать! Быстро на полигон! Еще есть надежда успеть предупредить...

Зал таймфага показался им жерлом готового к взрыву вулкана. Но оставалась надежда, одна из самых главных надежд аварийно-спасательной службы — успеть! И надо было использовать свой шанс до конца...

•ГЕКС СТАУТ•
Если бы СМЕРТЬ
•РОМАН• **СПАЛА**

ГЛАВА I

Было бы неверно сказать, что мы с Вульфом совсем не разговаривали тем майским утром в понедельник.

Мы хорошо побеседовали с ним минувшей ночью. Дело было так. Вернувшись домой около двух часов ночи (дом — это старый каменный особняк на Западной тридцать пятой улице, собственность Вульфа, в котором мы живем), я удивился, что Вульф еще не спит, а сидит за своим столом в кабинете и читает книгу. По тому, как он на меня глянул, мне стало понятно, что он не в духе, и я уж было повернулся, чтобы уйти, как вдруг он рывкнул за моей спиной:

— Где тебя носило?

— На каком основании я должен об этом докладывать? — огрызнулся я.

Он пронзил меня испытующим взглядом.

— Правильней было бы спросить, где тебя не носило. Тебе пять раз звонила мисс Роуэн, между тем как ты сказал, что идешь с ней во «Фламинго». Но ты туда не пошел, а так как она звонила мне пять раз, то не ты, а я провел целый вечер в ее обществе. И, должен тебе сказать, удовольствие от этого не получил. Это тебе не основание?

— Нет, сэр. — Я стоял возле его стола и взирал на него сверху вниз. — Ну-ка, попробуем еще раз. Я выйду и снова войду, а вы скажете, что не любите, когда вам мешают читать, и что мне следовало заранее поставить вас в известность о том, что я собираюсь проучить мисс Роуэн. Я отвечу, что виноват, но, уходя из дома, я еще не знал, что ей потребуется урок. Я узнал об этом, когда поднялся в лифте на ее чердак и обнаружил там кое-кого из тех, кого, как ей известно, недолюбливаю. Вот я и смотался. Куда — отношения к делу не имеет.

— Фу! Мог, по крайней мере, мне позвонить.

От моего звонка ему бы не стало легче. Просто ему хотелось поперекаться. Ведь мое сообщение о том, что я изменяю программу вечера, не помешало бы Лили Роуэн отвлечь его от книги. Согласен, невеликодушно избивать тех, кто не сопротивляется, но я, преподав только что урок Лили Роуэн, вошел во вкус и решил проучить заодно и Вульфа. Что я и сделал. Возможно, я немного переусердствовал. Одним словом, мы разошлись спать, не пожелав друг другу спокойной ночи.

Но было бы неверно утверждать, что мы с ним совсем не разговаривали в понедельник утром. Когда в одиннадцать он по обыкновению спустился из оранжерей и я вполне разборчиво пожелал ему доброго утра, он походя буркнул мне то же самое. До прихода Отиса Джарелла, о котором было условлено заранее, мы с ним обменялись двумя десятками слов, может, даже больше. Помню, он спросил, сколько у нас осталось в банке, и я ему ответил. Правда, отношения между нами оставались натянутыми, и, когда я провел Отиса Джарелла в кабинет и усадил в кресло напротив стола Вульфа, последний одарил его прямо-таки лучезарной улыбкой и поинтересовался:

— Итак, сэр, что вас ко мне привело?

Это было так непохоже на Вульфа. Я понял, что спектакль

рассчитан на меня. Он хотел довести до моего сведения, что пребывает в превосходнейшем состоянии духа, а вот если в его обращении со мной чувствуется сдержанность, то это только потому, что я здорово провинился. Ему же доставляет удовольствие общаться с человеческим существом, которое способно оценить хорошее обращение.

Он знал, что у этого человеческого существа, Отиса Джарелла, было передо мной, по крайней мере, одно преимущество: его капитал расценивался больше чем в тридцать миллионов долларов. Наводя о нем справки (а я по мере возможности навожу их на всех, кто добивается свидания с Ниро Вульфом), я узнал вдобавок к этому, что его офис расположен на Пятой авеню в районе Семидесятых улиц, что он никогда не сидел в тюрьме и что за ним слывет репутация крепкого орешка.

Правда, вид у него был совсем не крепкий, скорее дряблый, но внешность обманчива. Помню, у одного самого что ни на есть крепкого орешка щеки отвисали так, что просились в бюстгальтер. Правда, Джарелл еще не дожил до такого, но кожа у него была дряблой. И хотя портной, которому отвалили три, может, даже четыре сотни за пошив этого коричневого в темную полоску костюма, старался изо всех сил, брюки, что называется, лопались от складок жира, стоило Джареллу сесть.

Но не это тревожило нашего посетителя. Сверля своими хитрыми глазками расплывшуюся физиономию Вульфа, он сказал: — Я хочу нанять вас по одному конфиденциальному делу. Сугубо конфиденциальному. Мне известна ваша репутация, а также репутация вашего человека Гудвина, в противном случае я бы сюда не пришел. Прежде чем ввести вас в курс дела, я хочу, чтобы вы оба поклялись в том, что все останется между нами.

— Мой дорогой сэр, как я могу согласиться взять дело, не зная, что оно собой представляет? Что касается тайны, то об этом вы могли бы и не говорить. То же самое относится и к мистеру Гудвину.

Джарелл удостоил меня пристальным взглядом. Я был сама любезность.

— Меня это устраивает, — сказал он, обращаясь к Вульфу. Засунув руку в карман, он достал из него коричневый конверт с пачкой запечатанных бумажной лентой ассигнаций, швырнул деньги на стол и, не найдя глазами мусорную корзину, бросил конверт прямо на пол. — Здесь аванс в десять тысяч долларов. Если бы я выдал вам чек, об этом могли бы разнюхать те, от кого я хочу сохранить это в тайне. Расписка не нужна.

Это прозвучало немного грубо, но, что поделаешь, у аванса есть и свои привлекательные стороны. Мне даже показалось, будто Вульф шевельнул двумя пальцами.

— Я предпочитаю во всех случаях давать расписку, — возразил Вульф. — Итак, что вам от меня нужно?

— Мне нужно, чтобы вы изгнали из моего дома змею. — Он стиснул кулаки. — Это моя невестка, жена сына. Я хочу, чтобы вы достали доказательства ее виновности, в которой я убежден. — Он взмахнул кулаками. — Вы мне добудете эти доказательства, а уж я сам ими распоряжусь. Мой сын разведется с ней. А мне этого только и нужно, иначе...

— Прошу прощения, мистер Джарелл, но вы ошиблись адресом, — прервал его мечты Вульф. — Я не занимаюсь супружескими неурядицами.

— Она мне не жена. Она моя невестка.

— Но вы упомянули слово «развод», а это уже принадлежит к области супружеских неурядиц. Вы хотите получить доказательство ее виновности, которое бы послужило причиной развода. С таким стимулом, — Вульф указал пальцем на пачку денег, — вы его непременно получите, даже если его не существует.

Джарелл затряс головой.

— Вы меня неправильно поняли. Давайте я сперва расскажу о ней. Так вот, она змея и к тому же плохая жена. Я уверен, что она изменяет моему сыну, но этого мало. Она и меня обманывает. Вижу, придется ввести вас в курс моих дел. Итак, мой офис расположен в моей квартире, я держу секретаря и стенографистку, которые при мне и живут. Кроме них, в квартире живут моя жена, сын, невестка, моя дочь и брат жены. Я покупаю и продаю все, начиная от конюшен с лошадьми и кончая корпорацией по производству красных чернил. У меня водятся наличные, много наличных, и об этом знают все, кому нужно, от Рима до Гонолулу, поэтому большой офис мне ни к чему. Так вот, в прошлом году по вине людей, знавших о моих планах, у меня сорвались три выгодные сделки. Уверен, что их информировала моя невестка. Точно не знаю, каким образом она добыла эту информацию, знаю только, что в одном случае меня опередил человек по фамилии Брайэм, Корей Брайэм. Я уверен, что она состоит с ним в связи, только не могу этого доказать. Хотите, называйте это супружескими неурядицами, я не возражаю, только речь идет не о моих неурядицах. Моя неурядица — Трелла, а с ней я уж как-нибудь сам управлюсь. Так вот, моя невестка во все сует свой нос, хотя и чертовски хитро это маскирует, но меня не проведешь. Я жажду от нее избавиться.

— Тогда возьмите и выселите ее.

— Если я выгоню ее, уйдет и мой сын, а я хочу, чтобы он жил со мной. Она же стоит между нами, и я бессилён что-либо сделать. Честно говоря, я пришел сюда с особым предложением, касающимся Гудвина. Желаете выслушать его?

— Думаю, в этом нет необходимости. Я понял, что вам нужен повод для развода.

— Нет, мне нужно выдворить из дома змею. Что касается Гудвина... Помните, я сказал, что держу секретаря, но это не совсем так. Я уволил его неделю назад. В связи с провалом одной из моих сделок. Я заподозрил, что он сообщил информацию определенным кругам и...

— У меня сложилось впечатление, будто вы подозреваете в этом свою невестку.

— Совершенно верно. Но разве нельзя подозревать одновременно двух людей? Итак, секретарское место вакантно. Почему бы его не занять Гудвину? Ведь в таком случае он очутится в самой гуще событий, к тому же у него скажется уйма возможностей ее застукать. Мой секретарь питался с нами за одним столом, то же самое, разумеется, будет делать и Гуд-

вин. Если у вас нет других дел, он мог бы заступить на эту должность хоть сегодня. Прямо сейчас.

Джарелл мне не нравился, но мне было его жаль. Человек, который надеется завоевать мою симпатию, не должен быть таким наивным. Если она и в самом деле хитра, как змея, этот номер ни за что не пройдет. К тому же одна только мысль, что Вульф согласится обходиться без меня, к которому обращается по любому пустяку, начиная от диктовки письма и кончая отпором незапланированных нашествий, покажется любому смехотворной. Плюс еще правило Вульфа не совать носа в супружеские передраги.

Вот почему я даже почувствовал к нему жалость, услышав ответ Вульфа:

— Вы сами понимаете, мистер Джарелл, что Гудвин может задержаться у вас надолго, а он может понадобиться здесь.

— Разумеется, понимаю.

— К тому же, как мне кажется, существует опасность, что всплывет его неосведомленность в делах подобного рода.

— Нет, этого бояться нечего. Думаю, что даже мисс Кент, моя стенографистка, этого не заметит. А вот что касается его имени... Конечно, оно не столь знаменито, как ваше, но все равно знакомо многим. Так что ему придется изменить и имя и фамилию.

Я уже достаточно пришел в себя для того, чтобы подать голос. Скорей всего Вульф решил, что я, оказавшись застигнутым врасплох, начну протестовать, и это даст ему возможность остаться на своем пьедестале, за что и получил щелчок по носу.

— Что касается имени, мистер Джарелл, — сказал я, — то поскольку я могу у вас застрять надолго, мне придется взять кое-что из личных вещей, а они все помечены инициалами АГ. Как насчет Абы Гольдштейна?

Джарелл, окинув меня оценивающим взглядом, скривил губы:

— Не подойдет. Нет, нет, я не имею ничего против евреев, которые любят наличные, но вы на еврея непохожи.

— Да, вы правы. Фамилия должна соответствовать облику. Как насчет Адониса Гилфойла?

Джарелл рассмеялся.

— Должен сказать, что мне тоже присуще чувство юмора, так что мы с вами, Гудвин, непременно поладим. Ну-ка, попробую... А — Алан? Хорошо. Г — Годфрей? Нет, не то. Грин? А почему бы и нет? Алан Грин.

— О'кэй. Не слишком оригинально, но сгодится. — Я встал. — На сборы у меня уйдет пятнадцать-двадцать минут, не больше.

— Арчи! Сядь!

Я играл против человека, находящегося куда в более выгодном положении, чем я. К тому же он был владельцем этого особняка и всей его обстановки за исключением мебели в моей спальне. Он был моим хозяином и платил мне жалованье. Он весил чуть ли не на сотню фунтов больше моих 178. Кресло, с которого я только что встал, стоило 139 долларов 94 цента. То, в котором восседал он, огромное, выполненное по спецза-

казу, стоило 650 долларов. Мы оба были известными детективами, разница состояла лишь в том, что он был гением, а я обычным сыщиком. И наконец, в его оранжерее на крыше произрастало десять тысяч орхидей, у меня — одна-единственная африканская фиалка на подоконнике, да и та чахлая. И так далее.

Но он просчитался, решив, что я первый взвою от такого предложения, и теперь сидел в глубокой луже.

— Вы имеете что-нибудь против Алана Грина? — вежливо поинтересовался я у Вульфа.

— Фу. Вы не получали от меня инструкций соглашаться на предложение мистера Джарелла.

— Нет, но вы дали мне понять, что за ними дело не станет.

— Я бы хотел с вами побеседовать.

— Отлично, сэр. Начинаем нашу беседу. Итак, могли бы вы предложить что-нибудь получше Алана Грина? Если нет, то не пора ли мне получить от вас исчерпывающие инструкции и занести их в свой блокнот, а уж потом заступать на новую должность.

— Так, значит... — Вульф не закончил фразу. Видимо, он хотел сказать: так, значит, вы упорствуете со своей иднотской затеей или еще что-нибудь покрепче, но сдержался. Упаси бог подумать, будто ему помешала высказаться пачка денег на столе. Я был свидетелем того, как он выставлял за дверь десятки мужей и жен, предлагавших куда более крупные суммы, только бы он помог им выпутаться из кошмара, который начинался с идиллии. Нет. Он знал, что проиграл, догадывался, что об этом известно и мне, но не хотел в этом признаваться в присутствии чужих.

— Отлично, — буркнул он. Встал, оттолкнул кресло и сказал, обращаясь к Джареллу: — Прошу меня извинить. Мистер Гудвин сам знает, что ему нужно делать.

Он обошел вокруг красного кожаного кресла и вышел вон.

Я сел за свой стол, достал блокнот и повернулся к клиенту.

— Прежде всего попрошу вас назвать все имена.

ГЛАВА II

К сожалению, я не могу предложить вам чувствовать себя как дома в этой двухэтажной квартире на Пятой авеню, потому что я сам так никогда и не освоился там. Джарелл сказал, что в квартире двадцать комнат, но мне кажется, их там семнадцать, девятнадцать, двадцать одна или двадцать три. Двадцать у меня не получалось никогда. И вовсе не два этажа, а три. Лакей, Стек, экономка, миссис Лэтхем, и две горничные, Роуз и Фрида, ночевали этажом ниже, а это квартирой не считалось. Шофер и повар на ночь уходили по домам.

Офис Джарелла, который домашние называли библиотекой, находился на первом этаже квартиры, в задней части дома. Когда мы прибыли в его владения, он, поручив мой багаж Стеку, провел меня прямо туда. Это была квадратная комната с окнами по одну сторону. В ней стояло три стола: большой, средний и маленький. На большом столе я насчитал четыре те-

лефона — красный, желтый, белый и черный; на среднем три — красный, белый и черный и два на маленьком — белый и черный. С одной стороны во всю стену расположились металлические шкафы для бумаг, с другой — высились полки, заваленные книгами и журналами. В четвертой стене были три двери, два больших сейфа и холодильник.

Джарелл подвел меня к маленькому столику и сказал:

— Нора, это Алан Грин, мой секретарь. Вы должны помочь мне ознакомить его с механизмом нашего дела.

Сидевшая за этим столиком Нора Кент откинула назад голову и устремила на меня взгляд своих серых глаз. В своем блокноте я проставил ее возраст — сорок семь, но она выглядела моложе, хотя ее каштановых волос уже коснулась седина. Еще у меня было записано, что она опытна, заслуживает доверия и что ее так просто не проведешь. У Джарелла она проработала двадцать два года.

— Считайте, что я поступила в ваше распоряжение, мистер Грин, — сказала Нора и перевела взгляд на Джарелла. — Вам трижды звонил мистер Клей. Вас разыскивает маклер из Толедо, некий мистер Уильям Р. Боуэн. От миссис Джарелл к обеду будут три гостя, их фамилии на вашем столе, там же и телеграмма. Когда я должна заняться мистером Грином?

— Это не к спеху. Дайте ему прежде осмотреться. — Джарелл кивнул на стол среднего размера. — Это ваш, Грин. Теперь вы сами найдете сюда дорогу. Я сказал Стеку... А вот и он. — Дверь распахнулась, и на пороге появился лакей. — Стек, прежде, чем отвести мистера Грина в его комнату, покажите ему все помещение. Чтобы он не заблудился. Вы доложили миссис Джарелл о его прибытии?

— Да, сэр.

Джарелл уселся за свой стол.

— Вы свободны, Грин. Коктейль в зале отдыха в шесть тридцать. А мы с Норой займемся делами.

Стек посторонился, чтобы дать мне дорогу.

— Сюда, сэр, — сказал он и понесся по коридору.

— Погодите, Стек, — окликнул я его. Он притормозил и обернулся. — У вас усталый вид. К тому же у вас, вероятно, есть свои заботы. Так что проводите меня в мою комнату.

— Да, но мистер Джарелл сказал, чтобы я показал вам все помещение.

— Вы можете сделать это потом, если будет время. Сейчас же мне нужна только моя комната. Я хочу пополоскать горло.

— Слушаюсь, сэр.

Мы свернули за угол и очутились возле лифта. Я спросил, есть ли здесь лестницы, и узнал, что их три: одна из зала отдыха, другая из коридора и третья, служебная, сзади. А кроме того, три лифта. Тот, в котором мы поднимались теперь, был облицован золотыми пластинами. На верхнем этаже мы свернули налево, потом направо; где-то в самом конце холла он открыл передо мной дверь и поклонился, пропуская меня вперед. Он вошел следом и объяснил, как пользоваться телефонами. Зеленый звенит — это для городской связи. Черный гудит — это внутренний аппарат.

Когда Стек ушел, я разложил вещи, вымыл руки, поправил галстук, достал блокнот и, усевшись у окна, которое напоминало венецианский фонарик, принялся изучать список имен.

Миссис Отис Джарелл (Трелла) — жена Джарелла.

Лоис Джарелл — его дочь от первой жены.

Уимен Джарелл — сын от нее же.

Миссис Уимен Джарелл (Сьюзен) — невестка Джарелла, она же змея.

Роджер Фут — брат Треллы.

Нора Кент — стенографистка Джарелла.

Джеймс Л. Ибер — его бывший секретарь.

Корей Брайэм — друг дома, который помешал сделке.

Двое последних тут не проживали, однако не исключена возможность, что со временем придется заняться и ими, если, конечно, я рассчитываю на успех, что весьма сомнительно. Если Сьюзен на самом деле змея и если для того, чтобы заработать свой гонорар, мне нужно разлучить ее с мужем и изгнать из семьи, хлопот предстоит немало. Мои наручные часы показывали, что до коктейля оставалось еще сорок минут. Я засунул блокнот в небольшой портфель, вышел из комнаты и, отыскав лестницу, спустился на нижний этаж.

В течение следующих пятнадцати минут я раз пять терял дорогу. Впрочем, это выражение неверно, ибо я просто ее не знал и мне нечего было терять. Очутившись в третий раз у раскрытой двери, откуда был виден угол рояля и слышна болтовня радио- или теледиктора, я решил ретироваться и направиться в поисках переднего балкона, как вдруг меня окликнул женский голос:

— Это ты, Уи?

Я на ходу изменил свои планы и вошел в ту комнату, которая, как я узнал позже, называлась студией.

— Я Алан Грин, — представился я. — Вот, заблудился.

Она поклонилась на кушетке, вытянув ноги и опершись спиной о подушки. Поскольку женщина выглядела слишком пожилой для того, чтобы быть Лоис или Сьюзен, хотя отнюдь не была старухой, я решил, что передо мной Трелла, «супружеская неурядица Джарелла». У нее было фунтов шесть-восемь лишнего веса в талии и под подбородком. Вероятно, когда-то эта голубоглазая блондинка производила весьма привлекательное впечатление, но теперь ее кости обтянул плотный слой жира. То, что выступало из-под синего платья, от колен и ниже, все еще было достойно внимания. Пока я ее разглядывал, она потянулась к пульту дистанционного управления и выключила телевизор.

Теперь наступил ее черед разглядывать меня.

— Секретарь?

— Да, мэм, — кивнул я. — Меня только что взял на работу ваш муж, если только вы миссис Отис Джарелл.

— Однако вы на секретаря непохожи.

— Я знаю, что это недостаток. Пытаюсь исправиться.

Она зевнула, прикрыв рот маленькой холеной ручкой.

— Черт побери, никак не проснусь. Телевидение лучше любого снотворного, верно? — Она хлопнула по кушетке рядом с

собой. — Проходите и садитесь. Что дало вам основание предположить, что я миссис Отис Джарелл?

Я не сдвинулся с места.

— Во-первых, то, что вы здесь. Во-вторых, мисс Лоис Джарелл вы не можете быть потому, что такая женщина, как вы, не может не быть замужем, в-третьих, вы ни в коем случае не миссис Уимен Джарелл, ибо у меня сложилось впечатление, что мой хозяин свою невестку недолюбливает, я же не могу поверить, что можно недолюбливать вас.

— Откуда у вас такое впечатление?

— От него самого. Когда он предупреждал меня, чтобы я ни с кем не говорил о делах, мне показалось, он особо выделил свою невестку.

— А почему я не могу не быть замужем?

Я улыбнулся.

— Вам придется меня извинить, поскольку я всего лишь отвечаю на ваш вопрос. Зная, что представляют собой мужчины, я ни за что не поверю, что вы еще свободны.

— Очень мило. — Она улыбнулась мне в ответ. — Очень мило. Господи, чего тут извинять? Да вы и говорите не как секретарь. — Она оттолкнула от себя пульт дистанционного управления. — Присаживайтесь. Вы любите баранью ногу?

Я понял, что необходимо притормозить. Разумеется, я был бы счастлив завязать как можно скорей хорошие отношения с хозяйкой дома, что может помочь в охоте за змеей, но ее желание накормить нового секретаря бараньей ногой, едва с ним познакомившись, меня насторожило. Так как я ни разговором, ни обликом на секретаря не походил, то должен был, по крайней мере, вести себя подобающим для секретаря образом. Пока я размышлял над этой проблемой, подоспела помощь.

В коридоре послышались шаги, и в комнату вошел мужчина. Увидев меня, он остановился.

— О, мне не придется тебя будить, — сказал он Трелле.

— Да, Уи, сегодня не придется. Это новый секретарь твоего отца — Грин. Алан Грин. Мы с ним уже познакомились.

— Да? — Он подошел к ней, наклонился и поцеловал в губы. Мне показалось, что это было не совсем по-сыновьи, но ведь и она не была его матерью. — Сегодня у тебя незаспанный вид. Ты пила?

— Нет. — Она улыбнулась и указала рукой в мою сторону. — Грин меня разбудил. Мы будем его любить.

— Что ты говоришь? — Он обернулся, приблизился ко мне и протянул руку. — Уимен Джарелл.

Он был на два дюйма ниже меня и уже в плечах. Такие же, как и у отца, карие глаза, все остальное от кого-то еще, особенно эти маленькие, плотно прижатые ушки и прямой тонкий нос. На переносице между глаз залегли три глубокие складки, преждевременные в его двадцать семь лет.

— Полагаю, мы с вами еще увидимся. Впрочем, это зависит от моего отца. До встречи.

До коктейля еще оставалось время, и я прошел на балкон, с которого хорошо просматривался Центральный парк. Солнце светило мне прямо в глаза, и я прикрыл их ладонью, разглядывая белку, которая сидела на макушке дерева.

— Вы кто, Ситин Бул? ¹ — окликнули меня сзади.

Я обернулся. Ко мне приближалась девушка в белом, с обнаженными загорелыми руками, такой же шеей, смуглым от загара лицом, с ямочками на щеках и зеленовато-карими, широко расставленными глазами. Я не только разглядел ее, но даже успел подумать: «Господи, если это Сьюзен и если она змея, то мне придется всерьез заняться герпетологией».

Нас разделяло пять шагов, когда я заговорил:

— Мой есть хороший индеец. Мой есть хороший друг белого мужчины. Только ты не мужчина и не белый. Я смотрел на белку. Меня зовут Алан Грин. Я новый секретарь, которого наняли только сегодня. Мне велели осмотреться, что я стараюсь сделать. Я уже познакомился с вашим мужем.

— С моим мужем вы познакомиться не могли. Я девица по имени Лоис. Вы любите белок?

— Не всех. У меня к ним слишком высокие требования. — При близком рассмотрении выяснилось, что это вовсе не ямочки, а маленькие впадинки на щеках, которые казались глубже, если свет падал с определенной стороны. — Надеюсь, я понятно выражаюсь?

— Подойдите-ка сюда. — Она увлекла меня вправо, положила одну руку на выложенный плиткой каменный барьер, другой показала через улицу. — Видите вон то дерево?

— Без ветки?

— Да. Одним мартовским днем на его верхушке скакала белка. Мне в ту пору было девять лет. Отец подарил моему брату на день рождения ружье. Я его стащила, зарядила и долго стояла на этом самом месте, дожидаясь, пока белка перестанет скакать. И тут я выстрелила в нее. Белка свалилась вниз. Падая, она дважды зацепилась за ветви. Я позвала Уи, своего брата, и показала ему белку, которая лежала на земле. Он... Но остальное уже неважно. С теми, в кого я могу влюбиться, я начинаю с рассказа о моем самом дурном поступке. Вы, во всяком случае, заставили меня вспомнить о нем, сказав, что смотрите на белку. Теперь вы знаете обо мне самое худшее, если только не считать моим самым дурным поступком мое стихотворение «Реквием грызуну». Оно было напечатано в нашей школьной газете.

— Ну, это куда страшней. Назвать белку пренебрежительным словом «грызун», хотя она и есть грызун.

— Я и сама так думала. Когда-нибудь я это проанализирую и пойму. — Она махнула рукой, отодвигая от себя это «когда-нибудь». — Откуда вам пришла в голову мысль стать секретарем?

— Из сна. Несколько лет назад мне приснилось, будто я служу секретарем у одного богатого пирата. Однажды его красавица дочь стояла на краю утеса и стреляла в гофера ², который бегал по прерии. Она его подстрелила и так расстроилась, что прыгнула с утеса вниз. Я стоял внизу и подхватил ее, так что все кончилось романтически. Вот я и стал секретарем.

Она подняла брови и широко распахнула глаза.

¹ Ситин Бул — индейский вождь племени сиу, участвовал в сражении против генерала Кастера. (Примеч. пер.)

² Гофер — американская сумчатая крыса.

— Не могу себе представить, как это дочь пирата вдруг очутилась на вершине утеса в прерии. Вам, должно быть, почудилось.

Ни один мужчина не в состоянии прервать такой бессмысленный разговор, как этот. Слава богу, у нее хватило приличия завести другой. Склонив головку набок, она призналась:

— Вы знаете, мне как-то не по себе. Где-то я вас видела, только не помню где, а я всегда запоминаю людей. Где это только быть? Не помните, а?

Я знал, что это могло быть все там же. Мои фото не так часто появлялись в газетах, как фото президента Египта или даже Ниро Вульфа, однако они были. Я улыбнулся и покачал головой.

— Я бы не забыл такой встречи. Так что напрашивается единственное объяснение: я вам приснился.

Она рассмеялась.

— Ол райт, теперь мы с вами в расчете. А все-таки жаль, что я забыла. Разумеется, я могла встретить вас в ресторане или в театре, но, если это так и я после этого вас запомнила, вы распухнете от самомнения. Впрочем, здесь из вас быстро выпустят воздух. Хотя он мне и папочка, но работать на него, мне кажется, несладко. Не понимаю... А, Роджер, привет. Ты знаком с Аланом Грином? Папин новый секретарь. Роджер Фут.

Я обернулся. Брат Треллы был так же мало на нее похож, как Уимен Джарелл на своего отца. Это был высокий, широкоплечий и мускулистый мужчина со скуластой физиономией. Я понял, что этот верзила вполне может раздавить мне ладонь, и поспешил изо всей силы сжать руку. Получилась ничья.

— Сильный мужчина, — отметил Роджер. — Поздравляю. Небось эта шустрая девчонка уже успела выгнуть перед вами шею. Десять к одному, что она рассказала вам о своей белке.

— Роджер увлекается скачками, — пояснила Лоис. — Он чуть не попал на дерби в Кентукки. Когда-то у него была собственная лошадь, но она вывихнула ногу.

— Не из-за того, мой ангел. Я бы все равно мог туда поехать, только бы, наверное, никогда оттуда не вернулся. Ведь твой папаша запретил Вестерн Юнион принимать от меня телеграммы с униженными просьбами. Не говоря уже о телефонных звонках такого же рода. Вы считаете, что можете тут удержаться? — спросил он у меня.

— Не знаю, мистер Фут. Я в этом доме всего два часа. Что, здесь на самом деле тяжело живется?

— Еще как. Даже если вы и не такой попрошайка, как я. — Он вдруг уставился на свою пустую руку. — Должно быть, я забыл свой стакан в доме. Вы не страдаете от жажды?

— Я страдаю, — заявила Лоис. — А вы, мистер Грин? Алан? Мы обращаемся с секретарями запросто. Пошли.

Я вошел вслед за ними в зал отдыха и огляделся. Уимен, сын, и Нора Кент, стенографистка, стояли рядышком у незажженного камина и, судя по их виду, беседовали о деле. Неподдалеку от них в огромном мягком кресле развалилась Трелла. Она взирала снизу вверх на мужчину, который пристроился на ручке кресла.

— Вы знакомы с моей мачехой, да? — спросила у меня Лоис.

Я сказал, что с мачехой знаком, но мужчину не знаю, и она пояснила, что это Корей Брайэм, хотела добавить что-то еще, но передумала. Я удивился, что он здесь, ведь у меня записано, что он помешал сделке. Правда, гостей приглашала Трелла. А может, это была идея самого Джарелла, который был уверен, что заполучит меня в свой дом, вот и решил сразу же свести с этим человеком. Издали я не углядел в нем ничего примечательного. Он казался типичным светским фатом в годах с миллионом долларов в кармане. Такой может сунуть две десятки метрдотелю и будет торговаться с таксистом из-за нескольких центов. Я внимательно разглядывал его, подшивая свои наблюдения к неоконченному делу, когда он поднял голову и посмотрел на дверь. Я повернулся в ту же сторону.

В комнату вошла змея.

ГЛАВА III

Разумеется, она могла задумать так специально: подождать, пока соберутся все, и только потом сделать выход. Но могло оказаться, что она не любит сборищ, даже семейных, поэтому откладывала свое появление до последней минуты, потом же, собравшись с силами, решила войти как можно незаметней. Я приберег свое мнение, поскольку у меня не было предрассудков, вернее, было два предрассудка, которые друг друга уравновешивали. «Змеиная» теория была привлекательна тем, что, если она подтвердится, мы получаем солидный гонорар. С другой стороны, мне не нравился наш клиент и я бы не возражал увидеть его с носом. Поэтому я был далек от каких бы то ни было выводов, когда следил, как она приближается к камину, возле которого ее муж беседовал с Норой Кент. В ее походке не было ничего от рептилии. Скорее можно было сказать, что эта хрупкая, невысокого роста женщина с небольшим овальным лицом скользит по полу, но уж никак не ползет. Муж поцеловал ее в щеку и направился к бару, очевидно, чтобы принести ей выпить.

Трелла окликнула меня по имени, давая тем самым понять, что она с секретарем запросто. Я подошел к ней и был представлен Корей Брайэму. Она похлопала по свободной ручке кресла, веля мне туда сесть; я послушался, решив, что тут безопаснее, чем в студии, Брайэм же встал и отошел. Она напомнила, что я не ответил на ее вопрос относительно бараньей ноги. Возможно, она просто беспокоилась, довольны ли служащие ее мужа питанием, но ее голос звучал так вкрадчиво...

Оказывая подобающие ей по рангу хозяйки дома и жены моего босса знаки внимания, я искоса наблюдал один феномен. Когда Уимен подошел с бокалом в руке к Сьюзен, возле нее уже стоял Роджер Фут. Туда же направлялся Корей Брайэм, а через пару минут возле нее был и Герман Дитц. Итак, четверо из шести мужчин оказались возле Сьюзен, но она, как мне казалось, ни пальцем не повела, ни глазом не моргнула, чтобы обратить их возле себя. Джарелл продолжал стоять у стойки с рыжеволосой женой Дитца. Лоис с Норой Кент вышли на балкон.

Трелла перехватила мой взгляд.

— Чтобы оценить ее, нужно подойти поближе, — сказала она. — На расстоянии она не смотрится.

— Она? Кто она?

Трелла хлопнула меня по руке.

— Ну, ну. Я не возражаю. Я к этому привыкла. Она ведь жена моего пасынка. Подите и присоединитесь к беседе.

— Кажется, там и без меня достаточно. К тому же мы незнакомы.

— Незнакомы? Это никуда не годится. — Она обернулась и пропела: — Сьюзен! Поди-ка сюда!

Та немедленно повиновалась. Кольцо раздвинулось, чтобы дать ей дорогу.

— Да, Трелла?

— Я хочу представить тебе мистера Грина Алана, который занял место Джима. Он уже знаком со всеми, кроме тебя, и это, по-моему, несправедливо.

Я пожал протянутую руку, теплую и крепкую, которая оставалась в моей не более пятой доли секунды. В самом деле, издав ее лицо казалось непримечательным. Даже вблизи ни одна из ее черт в отдельности не останавливала на себе внимания — воспринималось это небольшое овальное лицо в целом.

— Добро пожаловать в наш замок, мистер Грин, — сказала она. Это было произнесено едва слышно, и могло сложиться впечатление, что она либо робка и застенчива, либо подозрительна и неискренна, — все зависело от вашего отношения к ней. У меня не было к Сьюзен никаких чувств, да я и не собирался проникаться ими, пока у меня не будет на то хороших оснований. Могу только сказать, что она не шипела, как кобра, и не гремела, как гремучка. Она бросила взгляд на Треллу, не зная, то ли ей можно идти, то ли следует остаться и продолжить беседу. Наконец, пробормотав что-то вежливое, она удалилась.

— Я думаю, это у нее в натуре или же в крови, — сказала Трелла. — По крайней мере, со стороны ничего не заметно. Какой-то особый вид гипнотизма, но, похоже, она может им управлять. Вы ничего не почувствовали?

— Я секретарь, миссис Джарелл, а секретарям не положено чувствовать.

— Как бы не так. Джим Ибер чувствовал. Разумеется, вы еще так мало ее знаете, но, может, у вас иммунитет...

Трелла рассказывала мне про книгу о гипнозе, когда вошел Стек и объявил, что обед подан.

Нас было неравное количество — пять женщин и шесть мужчин, поэтому меня посадили между Лонс и Роджером Футом. Кое-что мне показалось не совсем обычным. Например, стенографистка не только ела за одним столом со всеми, но даже сидела рядом с Джареллом. Экономка, миссис Лэтем, помогала прислуживать. Я считал раньше, что экономка выше этого. Роджер Фут, который уже успел изрядно залиться спиртным, ел жадно, точно попрошайка. Разговоры велись разношерстные, в основном между соседями. Баранья нога была приготовлена первоклассно, разумеется, хуже, чем ее делает Фриц для Ниро Вульфа, но все-таки здорово. Я заметил, что Трелла нет-нет да и поглядывала в мою сторону. Салат мне показался

мокрым. Я не большой знаток вин, однако сомневаюсь, чтобы поданное вино заслужило той похвалы, которой его удостоил Герман Дитц.

Когда мы проходили под мавританской аркой, вернее под аркой, в которой было что-то мавританское, направляясь в зал отдыха пить кофе, Трелла спросила, играю ли я в бридж.

— Только не сегодня, — сказал Джарелл, услышавший ее вопрос. — Он мне нужен. Тебе уже хватает партнеров.

— Тогда оставь Нору. Ты ведь знаешь, что Сьюзен не играет.

— Нора мне не нужна. Можешь взять ее себе.

К концу кофе собрались партнеры, и Стек сдвинул столы. Я следил за Сьюзен, скроется ли она в свою нору, но она явно не собиралась этого делать. Когда мы с Джареллом уходили, она была на балконе.

Он повел меня через приемную, устланную персидским ковром, размером в два раза больше моей комнаты. Мы дважды сворачивали за угол, прежде чем подошли к двери в библиотеку. Достав из кармана связку ключей, он отцепил один, повернул им в замке и распахнул дверь. Нас озаарило вспышкой света, такой неожиданной и яркой, что я зажмурился.

Джарелл рассмеялся.

— Моя выдумка. Видите эти часы? — Он указал на потолок над дверью. — Как только сюда кто-то входит, его тотчас снимают на пленку, а часы засекают время. Но это не все. Сигнал поступает по внутренней системе в «Агентство охраны Хорланда», всего в трех кварталах отсюда. Их человек сразу же увидел, как мы вошли. На моем столе установлен выключатель, и, входя сюда, мы сразу же отключаем систему, Нора или я. То же самое я сделал у входа в квартиру. Кстати, я дам вам ключи. С такой системой от них все равно никакого толку. Я даже думаю, что Джим Ибер мог сделать себе дубликаты. Черт с ним. Ну, что скажете?

— Очень ловко. Дорого, но ловко. Кстати, если кто-то у «Хорланда» видел, как я входил сюда, он мог меня узнать. Это имеет значение?

— Не думаю. — Он включил свет и прошел к своему столу. — Я им позволю. Черт возьми, мне следовало войти первым и отключить систему. Садитесь. Хотите сигару?

Как раз сигара, которую он раскурил, призвала меня к осмотрительности. Мне не нравился душок от сигары Джарелла, и я по мере возможности старался его не вдыхать. Это был плохой признак. Если вам становится противен запах «портанагос» только из-за того, что их курит ваш клиент, берегитесь, как бы у вас не создалось о нем предвзятого мнения — это неэтично.

Он откинулся на спинку, выпустил изо рта облако дыма и поинтересовался:

— Ну, каковы ваши впечатления?

Я принял задумчивый вид.

— Их немного. С ней я сказал всего несколько слов. Что касается вашего указания заставлять других говорить о ней, то у меня не было для этого возможностей и не будет, пока они играют в карты. Мне кажется, хорошо бы взяться за Корея Брайэма.

Он кивнул.

— Вы заметили, что произошло перед обедом?

— Разумеется. А также следует взяться за Фута с Дитцем, не говоря уже о вашем сыне. Ваша жена считает, что она их гипнотизирует.

— Вы не можете знать того, что считает моя жена. Ее слова отнюдь не совпадают с ее мыслями. Значит вы беседовали о ней с моей женой?

— Мимоходом. Не знаю, представится ли мне возможность поговорить о ней подробно с кем-нибудь из ваших домашних. Как ваш секретарь я должен буду целыми днями сидеть здесь с вами и мисс Кент, а они тем временем будут играть в бридж.

— Верно подмечено. — Он стряхнул пепел с сигары в пепельницу. — Завтра вам не придется здесь сидеть. Утром я улетаю в Толедо, когда вернусь — не знаю. Без меня моему секретарю практически нечего делать. Нора в курсе всех моих дел, и я предупрежу ее, чтобы она вас не трогала до моего возвращения. Я уже говорил вам, что все эти подлецы, включая и мою дочь, знают о моей невестке то, чего не знаю я. И Нора тоже. — Он сверлил меня взглядом. — Все зависит от вас. Даже моя жена может сообщить вам что-нибудь полезное. Вы танцуете?

— Да.

— Лоис любит потанцевать, но она разборчива в партнерах. Поведите ее сегодня вечером куда-нибудь. Роджер еще не кланчил у вас взаймы?

— Нет. Мне не довелось быть с ним наедине.

— Для него это не обязательно. Когда попросит, дайте ему полста или сотню. Пусть у него создастся впечатление, что вы со мной на дружеской ноге. Купите моей жене цветы, только недорогие, а то она поймет, что вам за это платят. Трелла любит, когда мужчины ей что-то дарят. Можете пригласить ее на ленч к «Рустерману», только не забудьте выложить крупные чаевые. Когда мужчина выкладывает крупные чаевые, она воспринимает это на свой счет.

Мне захотелось отодвинуться, чтобы быть подальше от дыма его сигары, но я запретил себе это делать.

— В личном плане у меня нет возражений против такой программы, — сказал я, — но в профессиональном есть. Слишком уж она насыщена для секретаря. Они ведь не полоумки.

— Чихал я на них. Пусть думают что им заблагорассудится. Ведь дом-то мой, и деньги мои, так что им придется проглотить все что угодно. Вот только моя невестка... Она вертит моим сыном как хочет, отдаляет его от меня, суется в мои дела. У меня есть к вам предложение. В тот день, когда она вылетит отсюда одна, без моего сына, вы получите десять тысяч долларов наличными, это сверх гонорара Ниро Вульфу. В тот день, когда состоится развод, вы получите пятьдесят тысяч долларов. Лично вы. И это помимо тех расходов, в которые вам это обойдется, помимо и сверх гонорара Вульфу и всех его расходов.

— Заманчивое предложение, — отметил я. — Только есть во всем этом одно «но». Я работаю на Ниро Вульфа. И платит мне он.

— Вы и будете продолжать на него работать. Я лишь хочу,

чтобы вы сделали то, ради чего я его нанял. Он свой гонорар получит.

Мой интеллект был оскорблен. Ему не следовало выражаться так откровенно. Мне захотелось расправить плечи, задрать подбородок и сказать ему, чтобы забирал свое золото и убирался ко всем чертям. Это был бы самый простой выход, но кое-что мешало мне это сделать. Во-первых, вполне возможно, она и в самом деле змея и никаких обвинений фабриковать не требуется. Во-вторых, если она не змея и он задумал ее оклеветать, ей следует об этом знать, в-третьих, он все еще считался клиентом Вульфа. К тому же в сейфе у Вульфа лежит его аванс в десять тысяч долларов, и не мне ими распоряжаться. Но коль уж мы их берем, я должен сполна удовлетворить свое любопытство.

Я притворился, будто мне неловко.

— По-моему, мне следует доложить о вашем предложении мистеру Вульфу. Чтобы обезопасить себя.

— От чего?

— Ну... к примеру, от того, что вы проговоритесь во сне.

Он расхохотался.

— Вы мне нравитесь, Гудвин. Я знал, что мы поладим. Вы свое дело знаете, а я знаю свое. Сколько вам требуется на расходы? Пять тысяч? Десять?

— Ничего не требуется. Подсчитаем после. Итак, мистер Джарелл, ваше предложение я не принимаю. Если бы даже я был склонен его принять, то сказал бы вам об этом в таком месте, где наверняка не прослушивается. Не исключено, что нас могли слышать у «Хорланда».

— А вы осторожны.

— Просто я не хочу, чтобы мне намылили шею. Итак, хотите, чтобы я действовал согласно вашей программе?

— Разумеется. Мне кажется, Гудвин, мы друг друга поймем. И не забывайте о следующем: я не задумываясь отвалю миллион долларов наличными, только бы навсегда избавиться от этой женщины, даже посчитаю это выгодной сделкой. Но это вовсе не значит, что меня можно обвести вокруг пальца. Я плачу только за то, что у меня есть. Если вы вступаете с кем-то в соглашение, я должен быть поставлен в известность: с кем, с какой целью и сколько это стоит.

— Вас поставят об этом в известность. Какие-нибудь еще предложения?

Их больше не было, по крайней мере существенных. Даже после недвусмысленного предложения сфабриковать обвинение он все еще считал или же притворялся, будто считает, что я могу кое-что узнать, обрабатывая его домохозяев. Я удивился, что он больше не коснулся моего замечания о том, что мне придется доложить Вульфу о нашем разговоре. Определенно он считал мое согласие работать на двух хозяев само собой разумеющимся, если мне при этом хорошо платят. Он был убежден, что мы друг друга поняли, но я в этом убежден не был. Я ни в чем не был убежден. Прежде чем отпустить меня, Джарелл вручил мне два ключа: один — от входной двери, другой — от библиотеки.

Я прошел в передний вестибюль, спустился вниз, кивнул при-

вратнику в холле и зашагал в сторону Мэдисона. Отыскав телефонную будку, набрал нужный номер.

— Резиденция Ниро Вульфа. У телефона Орвил Кэтер, — раздалось в моем ухе.

Я оторопел. Понадобилась целая секунда, чтобы я мог прийти в себя.

— Это из городского морга, — загнусавил я. — К нам поступил труп молодого человека с классическим греческим профилем. Он прыгнул с Бруклинского моста. Согласно документам, обнаруженным в его бумажнике, его фамилия Арчи Гудвин и он проживает...

— Швырните его назад в реку, — распорядился Орри. — Какой прок от мертвого? От живого-то особо не было.

— Ладно же, — сказал я, уже не в нос. — По крайней мере теперь я все про тебя знаю. Могу я удостоиться чести поговорить с мистером Вульфом?

— Сейчас узнаем. Он читает книгу. Подожди у телефона.

Через минуту в трубке буркнуло: «Да».

— Я вышел пройтись и говорю из телефонной будки. Докладываю: кровать удобная, питание сносное. Я перезнакомился со всем семейством и симпатии к нему не испытываю, за исключением дочери Лоис. Она как-то застрелила белку и написала об этом стихотворение. Рад, что вы прибегли к услугам Орри. Можете с сегодняшнего дня приостановить мне выплату жалованья. Джарелл посулил шестьдесят тысяч, помимо расходов, лично мне, если я соберу улики против его невестки и выдворю ее из дома. Мне кажется, вся идея состоит в том, что эти улики должны быть сфабрикованы, однако это слово не произносилось. На это у меня уйдет двенадцать недель, получается по пять тысяч в неделю, так что жалованье мне ни к чему. А потом скорей всего женюсь на Лоис. Между прочим, вы тоже получите свое вознаграждение.

— И сколько во всем этом трепе?

— Только не факты. Факты все верные. Их я и докладываю.

— Либо он дурачок, либо мошенник, а может, и то и другое.

— Может, но вовсе не обязательно. Он сказал, что отвалит миллион, лишь бы от нее избавиться. Похоже, что у него это идея фикс. Позволю себе усомниться в данной ему вами характеристике, поскольку он ваш клиент.

— И твой тоже.

— Нет, сэр. Я его предложения не принял. Даже отказался от аванса на расходы. Повернул его от ворот, правда, в весьма неопределенной манере. Он считает, что я осторожничаю. Очевидно, он думает, что я поставлю садок, в который она попадет живьем, я же оставляю за собой право думать иначе. Я думаю, что она уже это ожидает. Дело в том, что мужчин она притягивает без каких-либо видимых усилий с ее стороны, и это настораживает. Может, она и не змея, а ангел, но ангелы могут оказаться опасней змей, что обычно и бывает. Одно из двух: либо я действую под нее, либо вы возвращаете десять тысяч и умываете руки. Ну так как?

— Мистер Джарелл считает меня ослом.

— А меня дегенератом. Наша гордость уязвлена. Так или ина-

че, он должен за это заплатить. Я буду держать вас в курсе всех событий, если таковые будут иметь место.

— Очень хорошо.

— Пожалуйста, напомните Орри, что нижний ящик моего стола принадлежит мне лично и там нет ничего такого, что могло бы ему потребоваться.

Он пообещал, что напомним, и, прежде чем повесить трубку, даже пожелал мне спокойной ночи. Я купил в киоске художественную открытку с маркой и надписал на ней Фрицу: «Прекрасно провожу время. Жаль, нет со мной тебя. Арчи». Сунул открытку в почтовый ящик и вернулся в казармы. Стек, встретивший меня в прихожей, сообщил, что Джарелл все еще в библиотеке.

Я прошел в студию, из которой доносились голоса. Переступив порог, очутился в полумраке. Свет падал лишь из коридора и от телеэкрана, на котором я увидел конференсье и всю ораву программы «Выше ноги». Их голоса я и слышал из коридора. Приглядевшись, различил в кресле смутный силуэт Сьюзен.

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь? — спросил я.

— Нет, конечно, — едва слышно ответила она.

Я сел в кресло слева от нее.

Признаюсь, в тот вечер я не обращал никакого внимания на телеэкран, потому что чувствовал рядом Сьюзен и приготовился испытать на себе зловещее или же, наоборот, ангельское влияние, которое могло от нее исходить. Но я ничего не чувствовал. Если не считать слабого запаха духов.

Когда началась коммерческая программа, Сьюзен потянулась к креслу справа, на котором лежал пульт дистанционного управления, и звук и изображение исчезли. Стало еще темней. Белый овал лица повернулся в мою сторону.

— Что бы вы хотели посмотреть, мистер Грин?

— Мне безразлично. Мистер Джарелл меня отпустил, остальные играют в карты, я услышал, что здесь включен телевизор, вот и забрел на огонек. Что вы, то и я.

— А я просто убиваю время. В десять тридцать ничего интересного не бывает.

— Тогда оставим его в покое. Не возражаете, если я включу свет?

— Пожалуйста.

Я включил свет и вернулся на прежнее место. Теперь я отчетливо видел выражение ее лица. Мне показалось, что она силится выдавить улыбку, но это у нее плохо получается.

— Если я вам мешаю...

— Все нет. — Это было сказано едва слышно и как-то не то застенчиво, не то вкрадчиво. У меня создалось впечатление, будто она что-то недосказывает, причем очень важное. — Поскольку вы здесь поселитесь, хорошо бы было познакомиться с вами поближе. Мне интересно, что вы собой представляете как человек. Наверно, вы бы могли рассказать мне кое-что о себе.

— Сомневаюсь. Мне самому интересно знать, что я собой представляю, но я до сих пор этого не выяснил.

На ее лице забрезжила слабая улыбка.

— Ага, вижу, вы остроумны. Пойдем дальше. В церковь ходите?

— Нет. А разве это обязательно?

— Не знаю, как для вас, сама же я туда нечасто хожу. Да, я заметила, что вы не ели за обедом салат. Вы не любите салат?

— Люблю.

— Ага. Ко всему прочему вы еще и чистосердечны. Вам не понравился наш салат. Я все собираюсь поговорить по поводу его приготовления с мачехой моего мужа, да никак не решусь. По-моему, я делаю успехи. Вы остроумны, чистосердечны. Кстати, мне тоже очень хочется блистать остроумием. Вы не могли бы обучить меня этому?

— Позвольте, в вашем вопросе содержатся три теоремы, требующие доказательств: первая — я остроумен, вторая — вы нет и третья — вы могли бы у меня научиться. Для меня такой вопрос слишком сложен. Не могли бы вы спросить что-нибудь полегче?

— Виновата. Я как-то сразу не сообразила... — Она бросила взгляд на свои наручные часы. — О! Совсем забыла! — Она мгновенно очутилась на ногах и теперь смотрела на меня сверху вниз. — Я должна позвонить одному человеку. Прощу прощения, если я вам надоела, мистер Грин. В следующий раз вопросы мне будете задавать вы. — Она скользнула к двери и вышла.

Я опишу в точности все, как было. Я не осознал, что тоже вскочил со своего места, до тех пор, пока не очутился на полпути к двери. Тут я остановился и поклялся себе, что не сойти мне с этого места, если она не потащила меня за собой на цепочке. Обернувшись на кресло, в котором сидел, я понял, что прошел добрых десять футов, прежде чем осознал, что делаю.

Я остановился на пороге и задумался. В эту комнату я вошел с намерением хоть что-то о ней узнать, а кончилось тем, что автоматически вскочил с места и бросился за ней, словно какая-то болонка. Но самое страшное заключается в том, что я не могу объяснить, почему это сделал. Не скрою, я с удовольствием поддаюсь женским чарам и наслаждаюсь всем тем, что за сим следует, но я должен знать, что со мной происходит.

Мне вдруг захотелось пойти в библиотеку и сказать Джареллу, что он абсолютно прав и что она на самом деле змея. Еще сильнее хотелось отыскать ее и сказать... Не знаю что. А еще меня прямо-таки подмывало собрать свои манатки, смотреть домой и сказать Вульффу, что мы отслеживаем ведьму и нам потребуется лишь кол, к которому ее нужно привязать и сжечь. Но я попросту отыскал лестницу и отправился спать.

ГЛАВА IV

За сорок восемь часов моего пребывания в доме случилось много событий, а я все топтался там же, откуда начал.

Во вторник я пригласил Треллу на ленч к «Рустерману». Предприятие, надо сказать, немного рискованное, поскольку там ме-

ня хорошо знают, но я предупредил по телефону Феликса, что расследую одно дело под вымышленной фамилией, и попросил его передать всем остальным, что они меня не знают. Однако как только мы появились в ресторане, я пожалел о том, что пригласил ее именно сюда. Естественно, все, начиная от швейцара и кончая самим Феликсом, знали к тому же и миссис Джарелл, поэтому я не могу вменить им в вину их любопытство. Тем не менее все прошло очень хорошо за исключением того момента, когда Бруно принес мне счет и положил рядом карандаш. Официант кладет карандаш лишь в том случае, если он уверен, что кредит в порядке. Я умышленно оставил этот факт без внимания, надеясь, что Трелла ничего не заметила, и, когда Бруно принес сдачу с двадцати долларов, я жестом дал ему понять, что он может оставить ее себе.

Во время ленча она сказала одну вещь, которую, как мне кажется, стоило приобщить к делу. Я заметил, что мне, очевидно, следует извиниться за свой опрометчивый вывод, касающийся наблюдения, будто Джарелл недолюбливает свою невестку, на что она ответила: извиняйтесь сколько угодно, но только не потому, что он опрометчив, а потому, что он ошибочен. Трелла пояснила, что ее муж не недолюбливает Сьюзен, а испытывает к ней слишком жаркие чувства.

— Ладно, — сказал я, — в таком случае приношу извинения за то, что перепутал. Но что это за чувства?

— Ради бога, перестаньте разыгрывать из себя невинности! Вы только вчера стали его секретарем, а уже прсвели все утро на балконе с Лоис и пригласили меня к «Рустерману». Ничего себе секретарь.

— Но ведь его нет. Мне же велено убивать время.

— Когда он вернется, обо всех делах ему доложит Нора, о чем вам прекрасно известно. Я не дуручка, Алан, в самом деле не дуручка. Я была бы очень сообразительной, если бы не моя жуткая лень. Возможно, вы осведомлены о делах моего мужа больше, чем я. Ладно. Так вот, представьте себе, она его высекла.

— Что касается невинности, то я как секретарь обязан ее разыгрывать. Что же касается моей осведомленности относительно дел вашего мужа, то я и не знал, что Сьюзен его высекла. Вы присутствовали при этом?

— При этом никто не присутствовал. Только не подумайте, будто она его обыкновенно высекла — она этого делать не станет. Не знаю, как уж она это сделала, быть может, одним взглядом. Она может либо испепелить этим взглядом, либо обнадежить. А я и не подозревала, что женщина может испепелить его взглядом, я думала, для этого нужна раскаленная кочерга. Правда, это до того, как я узнала Сьюзен. Она уже околдовала вас?

— Нет. — Я и сам не знал, лгу или говорю правду. — Я не уверен, что правильно вас понял. Если же мне надлежит понимать все в буквальном смысле, в таком случае я достаточно невинен для того, чтобы быть шокированным. Сьюзен ведь жена его сына.

— Да. Ну и что?

— Но ведь он не придурок.

Она похлопала меня по руке.

— Должно быть, я ошиблась на ваш счет. Единственное ваше желание — прикидываться простачком. Конечно же, он придурок. Это известно каждому. Ну, коль уж я сделала выход, пойду пройдусь по магазинам. Не желаете составить мне компанию?

Я поблагодарил ее за честь, но тем не менее отклонил это предложение.

Стек сказал, что миссис Уимен Джарелл дома нет, мисс Джарелл тоже. Он передал мне, что мистер Фут просил ему доложить, когда я вернусь, на что я ответил: хорошо, доложите. Решив, что мне подходит хотя бы появиться на своем рабочем месте, я повесил шляпу и плащ в стенной шкаф и направился в библиотеку. Нора Кент сидела за столом Джарелла и разговаривала по красному телефону; я приблизился ленивой походкой к стенным шкафчикам и открыл один наугад. «Бумажное производство в Бразилии», — прочитал я на верхней папке, вынул ее и начал листать.

— Вы что-нибудь ищете, мистер Грин? — раздался за моей спиной голос Норы.

Я обернулся.

— Да нет. Просто мне хочется сделать что-нибудь полезное. Если секретарю необходимо ознакомиться со всеми этими бумагами, то у меня уйдет на это, по-видимому, года два-три, не меньше.

— О нет, вовсе это не так уж и долго. Как только вернется мистер Джарелл, мы сразу же подключим вас к работе.

— Вежливый ответ. Ценю. Могли бы просто сказать: не суй нос куда не следует. — Я положил папку на место и закрыл шкафчик. — Могу быть чем-нибудь полезен? Одним словом, вам не требуется вынести мусорную корзину или сменить промокательную бумагу на пресс-папье?

— Нет, благодарю вас. Кстати, раз мистер Джарелл дал вам ключи, я не вправе запрещать вам совать нос куда не следует.

В ее манере поведения было что-то настораживающее. Дело не в том, что стенографистке не подобает говорить с секретарем в такой манере (уж кто-кто, а я понял, что называть ее стенографисткой то же самое, что Вульфа сыщиком). Не могу объяснить вам толком, что именно, поскольку не знаю сам. Я надеялся, что это прояснит наш дальнейший разговор, но тут зазвонил телефон.

Нора сняла трубку черного аппарата и через секунду передала ее мне.

— Это вас. Мистер Фут.

— Хэлло, Роджер. — Попрошаек я называю только по имени. — Алан у телефона.

— Вы очень плохой секретарь. Где вы болтались целый день?

— Вокруг да около. Но сейчас я на месте.

— Это я знаю. По-моему, вы играете в кункен. Не хотите ли разбогатеть? Старикан в отсутствии, так что вы там не требуется.

— С удовольствием. Где?

— В моей комнате. Я буду ждать вас.

Комната Фута оказалась побольше моей и целиком выражала

натуру своего хозяина. Кресла были обиты зеленой кожей, к стенам приклеены десятки фотографий лошадей, в основном цветные.

— Нет такой лошади, которая бы не поживилась из моего кармана, — сказал Роджер. — Мускулистые. Красавцы. Красавицы. Я продираю утром глаза, а они здесь, передо мной. Стоит ради такого просыпаться.

Я думал, мы будем играть центов по двадцать за очко или даже больше и если он выиграет — я ему заплачу, если выиграю я — он останется мне должен. Однако мы играли как приятели: по центру за очко. Фут был первоклассным игроком, мог говорить о чем угодно, а сам помнил каждый снос и прикуп. Я выиграл всего 92 цента, и то только потому, что мне страшно везло.

Воспользовавшись каким-то его анекдотом, я бросил как бы мимоходом:

— Это напомнило мне одно замечание, услышанное сегодня. Кстати, что вы думаете о человеке, который пристаёт к жене собственного сына?

Он в это время раздавал карты. Его руки на секунду застыли в воздухе.

— Кому принадлежит это замечание?

— Этого я вам не скажу. Дело в том, что беседа была конфиденциальной.

— Имена назывались?

— Разумеется.

— Вас зовут Альфред?

— Алан.

— Я забываю имена людей, только не лошадей. Вот что я скажу вам, Алан. Что касается отношений моего зятя к деньгам и брату своей жены, то на этот счет я могу вам дать любые сведения. Во всем остальном я не авторитетен. Не горюю, если кто-то имеет против него зуб. Оплакивать не стану. Поехали.

Из этого высказывания я вряд ли что для себя извлек. В шесть я сказал, что мне нужно искупаться и переодеться перед свиданием с Лоис. Он быстро и точно подсчитал мой выигрыш и протянул мне листок для проверки.

— В настоящий момент я не располагаю девяносто двумя центами, — сказал он, — но они могут превратиться в девяносто два доллара. В четверг Пух Персика выигрывает в пятом забеге восемь к одному. Из шестидесяти долларов сорок могу поставить на него. На руки получу триста двадцать, из них половина ваши. Плюс девяноста два цента.

Я сказал, что это звучит очень заманчиво и что я дам ему ответ завтра. Я знал: получив деньги, он тут же исчезнет, а я этого не хотел.

Утром на балконе я предложил Лоис пообедать вместе и потанцевать. Я тогда назвал «Фламинго», но, судя по тому, что произошло днем у «Рустермана», туда идти не следовало. Поэтому я спросил у Лоис, не возражает ли она, если мы двинем в «Колонн» в Виллэдже.

Джарелл предупредил меня, что Лоис разборчива в партнерах, и, надо сказать, она имела на это полное право. Она чувствовала ритм всем телом и была послушна своему партнеру во

всем. Для того чтобы не ударить перед ней лицом в грязь, я полностью отключился и думал лишь о своих руках и ногах, так что, когда наступила полночь, а вместе с нею подошло время выпить шампанского, я не продвинулся ни на шаг в том, что задумал.

Подняв бокал с шампанским, Лоис провозгласила:

— За жизнь и смерть. — И залпом его осушила. Поставив бокал на столик, добавила: — Если бы смерть порой спала.

— Присоединяюсь к вашему тосту, — сказал я, поставив свой пустой бокал рядом с ее. — Если только правильно вас понял. Что означает эта фраза?

— Сама не знаю, хотя и сама ее сочинила. Это из моего стихотворения. Вот последние пять строчек:

Иль грызун бы высоко скакал,
Свободный и быстрый, с ветки на ветку;
Иль девчонка бы горьких рыданий обрушила шквал,
Проклиная безносую нашу соседку.
О, если бы смерть спала!

— Мне нравится, как это звучит, — сказал я, — но мне кажется, я не уловил смысла.

— Я его тоже не улавливаю, вот потому и решила, что это настоящая поэзия. Сьюзен же говорит, что ей все понятно, а может, она притворяется. На ее взгляд, здесь только одно неверно: вместо «горькие рыдания», она говорит, должны быть «сладкие рыдания». Мне это не нравится. А вам?

— «Горькие» мне нравится больше. Сьюзен любит стихи?

— Не знаю. Ее я понимаю так же мало, как и это стихотворение. Правда, она моя золовка, ее спальня больше, чем моя, к тому же я обожаю своего брата, когда мы с ним не в ссоре, так что я, быть может, просто придираюсь к ней. В общем, я должна все это еще проанализировать.

— Стоит, — кивнул я. — Вчера вечером вокруг нее собрались все мужчины, кроме вашего отца. Наверно, он ее просто не заметил.

— Уж кто-кто, а он ее заметил. Вы знаете, кто такой сатир?

— Более-менее представляю.

— Загляните в словарь. Я не могу сказать, что мой отец сатир, потому что у него уйма времени уходит на процесс дальнейшего обогащения. По-моему, он просто кот...

В среду утром, проходя мимо студии, я обнаружил, что мои часы показывают 11.56, так что у меня была возможность послушать двенадцатичасовую сводку новостей. Я открыл дверь и, переступив порог, замер на месте. В студии кто-то был. Я увидел в кресле Сьюзен, напротив нее стоял незнакомый мужчина в темно-сером костюме.

— Прошу прощения. Я просто прогуливаюсь, — поспешил сказать я и собрался ретироваться, но меня остановил голос Сьюзен.

— Останьтесь, мистер Грин. Это Джим Ибер. Джим, это Алан Грин. Я вам о нем рассказывала.

Мой предшественник был все еще поглощен своими мыслями,

но тем не менее протянул мне руку. Я обнаружил, что у него дряблая мускулатура.

— Я зашел повидать мистера Джарелла, а его не оказалось, — заговорил он будто через силу. — Так, по поводу одного пустячка. Как вам работа?

— Я был бы в восторге, если бы и впредь все шло так, как в эти первые два дня. Не знаю, что будет, когда вернется мистер Джарелл. Может, вы меня немного просветите на этот счет?

— Просветить? — Могло создаться впечатление, что он впервые слышит это слово.

— Ладно, как-нибудь в другой раз, — сдался я. — Прошу прощения, что прервал вашу беседу.

— Я как раз собирался уходить, — заявил Джим Ибер и, высоко задрав подбородок, прошагал мимо меня к двери.

— О, господи, — вырвалось у Сьюзен.

— Быть может, я могу быть чем-нибудь полезен?

— Нет, благодарю вас. — Она покачала головой и встала. — Вы не возражаете, если я... Мне требуется кое-что обдумать.

Уходя, Ибер закрыл за собой дверь, и я поспешил открыть ее перед Сьюзен. Она направилась в сторону задней лестницы, завернула за угол, и я услышал, как загудел лифт.

Следующее заслуживающее внимания событие произошло в ту же среду шесть часов спустя, и, хотя не продвинуло меня ни на шаг вперед, оно придало всей ситуации совершенно иную окраску. Но прежде чем рассказать о нем, я должен упомянуть о своей короткой беседе с Уименом, когда я листал в зале отдыха журнал.

— Непохоже, чтобы вы переутомлялись, не так ли? — заметил он, входя.

Это можно произнести по-разному, начиная от издевки и кончая дружеской шуткой. В его устах это прозвучало как нечто среднее. Конечно, я мог ответить: «Вы ведь тоже не надорываетесь», но не стал этого делать. Он был слишком худ и слишком жалок, чтобы быть хорошей мишенью для насмешек. Я знал, что Уимен продюсер двух бродвейских шоу, одно из которых прекратило свое существование через три дня после премьеры, другое же продержалось почти месяц. К тому же его отец сказал мне, что, несмотря на то что Уимен отравлен змеиным ядом, он все еще не потерял надежду обучить его искусству делать деньги.

Поэтому я перевел все в шутку.

— Нет.

Складка на его переносице стала еще глубже.

— А вы не больно разговорчивы.

— Вот тут вы ошибаетесь. Стоит мне только начать, и я вас заговорю. Ну, поехали. Час назад я зашел в студию послушать сводку новостей, там был какой-то мужчина, который разговаривал о чем-то с вашей женой, и она мне его представила. Оказалось, это Джим Ибер. Меня вот что интересует: уж не хочет ли он получить свое место назад, если да, то удастся ему это или нет? Я ушел с хорошего места, так что мне не хотелось бы ставить под угрозу свое будущее. Я не стал спрашивать об этом у вашей жены, но я был бы вам очень признателен, если бы вы сами у нее об этом спросили и передали ответ мне.

Он поджал губы, но тут же спохватился и принял обычное выражение.

— Когда это было? Час назад?

— Именно. Чуть раньше полудня.

— И они говорили... гм... о работе?

— Не имею представления. Я не знал, что они там, открыл дверь и вошел. И тут мне пришло в голову, что он мог обронить в разговоре с вашей женой, что хочет снова на это место.

— Вполне возможно.

— Так спросите у нее?

— Спрошу. — Он повернулся и зашагал к выходу. — Сейчас подадут ленч. Вы присоединитесь к нам?

Я ответил утвердительно.

Я сидел в библиотеке с Норой, когда в пятом часу приехал Джарелл. Он влетел в комнату как вихрь, швырнул под стол портфель, бросил Норе: «Свяжите меня с Клеем» — и направился к своему столу. Меня здесь будто и не было. Я рассеянно слушал телефонный разговор и наострил оба уха лишь тогда, когда Нора, перечисляя происшедшее в отсутствие Джарелла, упомянула среди всего прочего, что утром объявился Джим Ибер.

Он поднял голову.

— Заходил? Звонил?

— Заходил. Взял какие-то бумаги, которые оставались в его столе. Сказал, что пришел специально за ними. Вот и все. Я видела эти бумаги: что-то сугубо личное. Потом разговаривал с Сьюзен в студии. Не знаю, то ли они условились о встрече заранее, то ли это вышло случайно. С ними был мистер Грин, который видел, как Джим уходил.

Определенно в этом доме все были обо всем осведомлены. То, что заходил Ибер, упоминалось за ленчем, но Нора за столом не было. Конечно, ей мог сказать об этом кто угодно, в том числе и Стек.

— Вы были с ними? — ухватился за меня Джарелл.

— Всего несколько секунд. Я хотел послушать по радио новости и зашел в студию. Ваша невестка нас представила. Вот, можно сказать, и все. Он тут же заявил, что уходит.

Джарелл хотел было что-то сказать, но, очевидно, передумал. Вопросы, которые он мог задать Арчи Гудвину, не подобало задавать Алану Грину в присутствии стенографистки. Тогда он обратился к ней:

— Что ему было нужно? Кроме бумаг!

— Ничего. Да, еще он решил, что вы дома, и хотел вас повидать. Так он, по крайней мере, сказал.

Джарелл облизнул губы и бросил на меня выразительный взгляд.

— Ладно, покажите мне почту, — велел он Норе.

Она достала из ящика почту и отдала ее Джареллу. Поболтавшись еще несколько минут в библиотеке, я поинтересовался у Джарелла, нужен ли я ему, и, получив отрицательный ответ, направился к себе.

Я не могу сказать с точностью до минуты, когда это случилось. Постараюсь припомнить как можно точнее. В четверть шестого я решил принять душ и побриться. Обычно эта процедура занимает у меня полчаса. Я надевал брюки, когда распахнулась

дверь и на пороге появился Джарелл с воплем: «Скорей!» Он тут же развернулся и устремился по коридору, выкрикивая на ходу: «Скорей!» Мне показалось, что он зовет меня на какую-то неофициальную встречу, где не обязательно появляться при носках и в туфлях, поэтому я быстро застегнул рубашку в брюки и уже на ходу застегнул «молнию». Я вывернул из-за угла в тот момент, когда он коснулся ручки двери в библиотеку.

— Заперто, — сказал он.

— А почему бы и нет? Что произошло?

— Звонили от «Хорланда». Сказали: у них был сигнал, и экран показал, как открылась дверь и вошел кто-то под одеялом или пледом. Они послали сюда человека. Внутри кто-то есть.

— Тогда отпирите дверь.

— В агентстве сказали, что надо подождать их человека.

— Ерунда. Я открою. — Но я тут же сообразил, что мои ключи вместе со всем остальным содержимым моих карманов остались на туалетном столике. — Дайте ваш ключ.

Он достал свою связку и вручил ее мне. Я нашел нужный ключ и вставил его в скважину.

— Отойдите в сторону, — приказал я.

Он повиновался. Я спрятался за дверной косяк, повернул ключ, нажал на ручку и толкнул дверь своей ногой.

Ничего не произошло.

— Останьтесь здесь, — велел я Джареллу, а сам вошел в библиотеку. Никого и ничего. Я огляделся по сторонам, заглянул под стол, за шкафами, в чулан и в ванную. В это время в коридоре слышались торопливые шаги, и я увидел подкрепление — атлета средних лет в серой форме. Мы с ним не были знакомы. Он тяжело дышал и сжимал в руке револьвер.

— Вольно, — скомандовал я. — Ложная тревога. А что там насчет этого одеяла или пледа?

— Это не ложная тревога, — возразил Джарелл. — Уходя, я сам включил систему, а сейчас, когда вы открыли дверь, вспышка не сработала. Кто-то ее отключил. Так что вы там видели?

Человек от «Хорланда», к которому относился этот вопрос, молчал. Он не сводил глаз с пола у наших ног.

— Ей-богу, он самый, — пробормотал он, тыча пальцем в пол.

— Что такое? — не понял Джарелл.

— Да коврик. Он самый. Когда вспыхнул сигнал, я глянул на экран. Там появился этот коврик, а за ним какой-то человек. Вот и все. Он мелькнул в сторону, а через пару секунд экран погас. Понимаете? Кто-то вошел сюда, держа перед собой коврик, отключил систему, а выходя, положил коврик на то же самое место, откуда взял. — Голос у него был довольный, будто он решил труднейшую задачу.

Я решил, что его следует слегка одернуть.

— Откуда вы знаете, что это тот же самый коврик?

— Я запомнил рисунок. Квадратики и пересекающиеся линии.

— Но ведь может оказаться второй такой же.

— О... — Он расправил плечи. — Отойдите в сторону.

— Не трудитесь, я уже проверил. Его там нет. Включите систему, — обратился я к Джареллу. — А мы войдем.

Он повиновался. Я закрыл за ним дверь, а когда он крикнул,

что все готово, распахнул ее, и нас ослепила вспышка света. Я захлопнул дверь, свет погас, и мы направились к столу.

— Итак, вы увидели на экране этот коврик. Через какой отрезок времени вы сюда позвонили?

— Сразу же. Сию минуту. Звонил сержант по моему приказу.

— Сколько ушло на то, чтобы его соединили?

— Соединили моментально. Я надел китель, взял револьвер, а когда уходил, он уже разговаривал с мистером Джареллом.

— Скажем, секунд тридцать. Пускай даже минута. Две. Вы, мистер Джарелл, были в своей комнате?

— Да.

— И как долго вы говорили по телефону?

— Не больше минуты.

— И тут же кинулись на место происшествия? Лишь по пути задержались у моей двери, да?

— Совершенно верно.

— Добавим еще минуту. Получается, мы очутились здесь через четыре минуты после того, как появился этот коврик, может, меньше, неизвестного же и след простыл. Думаю, у него хватило времени только на то, чтобы отключить систему.

— Мы должны выяснить, кто это был, — заявил человек из «Хорланда». — По горячим следам.

У этой пичужки неплохо работали мозги. Понятно, это сделал кто-то из домашних, но выяснить, кто именно, было делом сугубо семейным. Джарелл даже не потрудился ему об этом сказать. Просто разрешил проделать то, что от него требовалось, а именно: отпереть дверцу металлического ящика, вделанного в стену напротив входа, в которой было круглое отверстие для объектива. Внутри находился фотоаппарат. Он достал его, сменил пленку, запер дверку и удалился.

— Это была она. Я убежден в этом.

— Совершенно верно, — согласился я. — И она могла, и кто-то другой. Сюда подходит любое местоимение. Как я уже сказал, времени у нее хватило лишь на то, чтобы отключить систему. Но все-таки проверьте. Не исключено, что-то могло и исчезнуть.

Джарелл огляделся по сторонам, встал, потрогал ручки сейфов, проверил, заперты ли шкафчики. Потом выдвинул верхний ящик стола Норы Кент, вернулся к своему столу и тоже выдвинул верхний ящик. Его физиономия вытянулась. Он вытащил ящик до конца, покопался в нем, рывком задвинул его назад и уставился на меня.

— Я держу здесь револьвер, «боудонн» тридцать восьмого калибра. Его нет. Днем он был.

— Заряжен?

— Да.

— Тот, кто его взял, знал, где вы его держите. Так что человек от «Хорланда» прав. Если вы действительно хотите узнать, кто это был, надо действовать по горячим следам. Самый лучший способ — собрать их всех здесь сюда минуту и потребовать у них ответа.

— Какой от этого толк? — Он стиснул кулаки. — Я-то знаю, чьих это рук дело. Это была она.

— Закон гласит, что, если украдено оружие, об этом следует

немедленно сообщить властям. В противном случае вы совершаете судебно наказуемый проступок. Итак, будем сообщать властям?

— Господи, конечно же, нет. — Он разжал кулаки. — Давайте поступим следующим образом: я заманиваю ее и Уимена сюда, держу какое-то время их здесь, а вы тем временем обыскиваете ее комнату.

— Не пойдет. Если даже допустить, что револьвер зяла она, в ее комнате вы его ни за что не найдете. Я мог бы, конечно, отыскать его за пару дней или, если мне помогут, еще быстрее, но что, если он окажется в одной из кадок на балконе? Вы получите его назад, но разве вам это нужно?

— Черт побери, вы прекрасно знаете, что мне нужно.

— Да, но сейчас уже не только в этом дело. Тот, кто рискнул добыть этот револьвер, должен, прошу прощения, должна иметь намерение для чего-то им воспользоваться. Уж наверное не для того, чтобы застрелить белку. Не исключено, что готовится покушение на вас. Пока я состою вашим секретарем, постараюсь этого не допустить.

ГЛАВА V

Когда в четверг в шесть вечера Ниро Вульф спустился из оранжереи, я уже дожидался его в кабинете. Проворчав по дороге к своему креслу какое-то приветствие, если это можно было назвать приветствием, Вульф опустил в него свою тушу, принял подобающую осанку, положил локти на подлокотники и устремил свой взор на меня.

— Ну?

— Как я уже сказал вам по телефону, я вовсе не прошу вас напрягать свои мозги, если вам этого не хочется. На худой конец я могу проболтаться там все лето, тем более что вы прекрасно без меня обходитесь, имея под рукой такого помощника, как Орри. Просто я не хочу, чтобы клиента застрелили прямо у вас под носом. Вот я и решил предупредить вас о такой возможности. Кстати, где Орри?

— Вышел. А кто собирается застрелить мистера Джарелла?

— Не знаю. Даже не уверен, что мишенью окажется именно он. Хотите, чтобы я сделал сообщение?

— Валяй.

Я вкратце описал ему, с кем встречался и что узнал до того времени, когда Джарелл влетел в мою комнату с криком «скорей!». Отсюда я повел более подробный рассказ. Дословно пересказал свой разговор с Джареллом после ухода хорландовского сыщика.

Вульф хмыкнул.

— Он осел. Каждый из этих людей только выиграет от его смерти. Их необходимо разоблачить, я имею в виду одного из них. Ему следовало согнать их всех в одно место и вызвать полицейских, чтобы сделали обыск.

— Он уверен, что револьвер зяла его невестка, может, просто притворяется...

— Что произошло потом? — прервал меня Вульф.

— Фактически ничего. После обеда мы играли в бридж за

двумя столиками — Трелла, Лоис, Нора, Джарелл, Уимен, Роджер Фут, Корей Брайэм и я. Между прочим, когда я перед самым обедом спустился в зал отдыха, там был Брайэм. Я узнал от Стека, что он пришел рано, вскоре после шести, поэтому допускаю, что оружие мог взять и он при условии, что у него имеется ключ от библиотеки. Разошлись мы около полуночи.

— Ты забыл о его невестке.

— Разве я не говорил вам, что она не играет в бридж? Так вот, она в эту игру не играет. Сегодня утром за завтраком я видел четверых из них — Джарелла, Уимена, Лоис и Нору, потом еще Сьюзен и Треллу за ленчем. Джарелл сказал за ленчем, что его не будет целый день, какие-то деловые встречи. В два тридцать я занялся поисками компании, но все куда-то порасходились. Разумеется, Роджер отправился на скачки, прихватив с собой шестьдесят долларов, которыми я его снабдил. Да, я еще не занес их в графу расходов. В три я вышел пройтись и позвонил вам, а когда вернулся домой, там еще никого не было, кроме Норы, а она... Ой, совсем забыл про снимки.

— Снимки?

— Да, которые сделал этот аппарат в стене. Их принесли от «Хорланда», пока я отлучался позвонить. Они были у Норы. Она колебалась, показывать мне их или нет, но я проявил настойчивость. Не знаю, посвятил ли ее Джарелл в это дело с ковриком. Если нет, представляю ее недоумение. Фотографий получилось три: аппарат делает по снимку каждые две секунды, пока не закроется дверь. На всех фотографиях крупным планом изображен этот коврик, который движется прямо на камеру. Человек под ним, должно быть, захлопнул дверь ногой. Коврик этот размером семь на три фута, так что за ним мог быть либо высокий мужчина, либо женщина небольшого роста, поднявшая его высоко над головой. Одним словом, кто угодно. Коврик чуть-чуть касается пола. Верхний край загнут внутрь, чтобы не было видно рук. Я хотел взять снимки и показать их вам, но тогда мне бы пришлось пристрелить Нору. А Джарелла еще не было дома. Вот и все. Будут какие-нибудь указания?

Вульф скривил физиономию.

— Черт возьми, какие я могу тебе дать указания?

— Ну, например, пригласить сегодня вечером в ресторан Лоис. Или же позвать завтра на ленч Треллу. А то и поболтаться там до воскресенья, чтобы сопровождать Сьюзен в церковь.

— Фу. Лучше ответь мне на один вопрос: существует ли хоть малейший шанс на то, что ты болтаешься там не зря?

— Один из миллиона, если вы рассчитываете на то, что там произойдет что-либо в ближайшее время. Дайте мне срок до Дня Благодарения, и я вам кое-что принесу. Вот только меня мучает одна головомалка по фамилии Ибер. Джим Ибер. Он был чем-то расстроен, когда я застал их с Сьюзен в студии, она тоже. Уимен повесил нос, когда я сказал ему о том, что был Ибер. Об этом упомянули за ленчем, и я увидел, как расстроился Роджер и еще человека два. Джарелл тоже разнервничался, когда Нора доложила ему о появлении Ибера. А примерно через час после того, как он об этом узнал, исчез револьвер. Может, кое-что можно будет вытянуть из Ибера? Думаю, он мог бы и раз-

откровенничаться. Тем более с парнем, который занял его место.

Вульф хмыкнул.

— Сомневаюсь, чтобы кто-то из этих людей собирался откровенничать.

Я сказал, что тоже в этом сомневаюсь, но все-таки надо бы ковырнуть Ибера, чем я и собираюсь заняться после обеда.

Трапезу разделял с нами Орри Кэтер. Я поднялся на второй этаж, чтобы поздороваться со своей комнатой, а когда спустился, внизу уже был Орри. Прежде чем Фриц объявил, что обед подан, мы успели обменяться дружескими колкостями. На второе была косуля под креольским соусом. Косуля оказалась прекрасной, а креольский соус был одним из коньков Фрица. К тому же он всегда подавал его с треугольными ломтиками хлеба, поджаренными в анчоусном масле. А так как четыре часа назад Фриц узнал, что я обедаю дома, он превзошел себя.

В вестибюле старого пятиэтажного здания на Сорок девятой улице я отыскал дощечку с табличкой «Ибер» и нажал кнопку. Никакого ответа. Я нажимал ее пять раз с перерывами, пока не сдался окончательно. Разумеется, я не собирался ждать в вестибюле, к тому же старый мэнсоновский замок был довольно прост. Не прошло и минуты, как я уже стоял с другой стороны двери. Вот здесь-то я и увидел хозяина этой квартиры. Ибер лежал на полу лицом вниз, и я разглядел дырочку в затылке чуть ниже темени. Когда я раздвинул волосы, мне показалось, что пуля была именно тридцать восьмого калибра.

Стоило ли мне рисковать и рыться в его домашнем хламе в поисках чего-либо интересного? Может, и стоило, но при мне не было перчаток.

Жаль, конечно, что мне пришлось вытереть дверную ручку, поскольку там могли оказаться интересные отпечатки, но иного выхода у меня не было. Мне и до этого не улыбалась перспектива болтаться в вестибюле, теперь же она меня просто пугала. Секунды три я прислушивался к звукам в парадном, то же самое проделал и на лестничной площадке между этажами. Однако мне сопутствовала удача, и я вышел из подъезда никем не замеченный.

Решив не связываться с такси, я прошел пешком до Девятой авеню и только там сел в машину.

Войдя в кабинет, я увидел Орри, который развалился с журналом в руках в желтом кресле. Я с удовлетворением отметил, что он целиком признает тот факт, что мой стол есть мой стол. Увидев меня, Вульф уткнулся носом в страницу лежавшей перед ним книги. Я вернулся слишком скоро, поэтому от меня не ждали ничего интересного.

Я швырнул шляпу на свой стол и плюхнулся в кресло.

— Хочу сделать кое-какие наблюдения о погоде. Личные. Орри терпеть не может, когда говорят о погоде. Верно, Орри?

— Верно. — Он встал, закрыл журнал. — Я этого не выношу. Если коснешься чего-то такого, что меня интересует, свистни.

Он вышел и закрыл за собой дверь.

Вульф бросил на меня недовольный взгляд.

— Что у тебя?

— Важная статистика. Позвонив несколько раз в дверь Джима Ибера и не получив никакого ответа, я вошел в его квартиру при помощи своего ключа. Он лежал на полу лицом вниз посреди комнаты с дырой в затылке от пули, которая могла вылететь из револьвера тридцать восьмого калибра. Труп уже остывал, но еще не совсем застыл. Я бы сказал, разумеется, не для цитирования, что он пролежал бездыханным примерно от трех до семи часов. Как вам известно, в таком деле все зависит от обстоятельств. Расследования не производил, поскольку мне не улыбалось там задерживаться. Думаю, никто не видел, как я входил и выходил оттуда.

Вульф поджал губы так, что их совсем не стало видно.

— Абсурд, — отчетливо произнес он.

— Что? То, что он лежит на полу в своей комнате с дырой в черепе, вовсе не абсурд.

— Все это дело. Во-первых, тебе не надо было в него лезть.

— Может, и не надо. Но вы сами меня на это толкнули.

— Я тебя никуда не толкал. Я чинил препятствия.

Я закинул ногу за ногу.

— Разумеется, мне бы следовало позвонить в участок и сообщить, где им найти кое-что для них интересное, но я этого не сделал, решив, что у вас может быть на это своя точка зрения.

— У меня нет никакой точки зрения, и я не собираюсь ее иметь.

— В таком случае я позвоню им. Из автомата. Хотя и говорят, что пока еще невозможно установить, с какого номера был сделан вызов, тем не менее на свете бывают чудеса. Далее, что я должен делать после этого: обязан ли я возвращаться к себе, я хочу сказать, к Джареллу, и если так, то как мне себя вести?

— Я же сказал тебе, что у меня нет никакой точки зрения. Зачем тебе вообще туда возвращаться?

Я опустил ногу.

— Разумеется, вы можете уйти в кусты. В таком случае я появляюсь там только для того, чтобы вернуть ему его десять тысяч и передать, что мы откланиваемся. Но вы знаете, что теперь все обстоит не так уж и просто. Когда полицейские установят, что Ибер служил секретарем у Джарелла и был им уволен, они заявятся со своими вопросами к нашему клиенту. Если же они узнают, что Джарелл нанял вас, а вы послали меня на место Ибера — не ворчите, знаю, вы думаете по этому поводу иначе, но они-то все равно решат, что именно вы меня туда послали, — нам достанется от них. Но даже если они этого не узнают, все равно перед нами стоит проблема, а именно: вчера в конце дня из стола Джарелла был похищен револьвер тридцать восьмого калибра, а нам известно, что вчера утром там был Ибер, что произвело в доме настоящий переполох. Если же мы вдобавок ко всему прочему узнаем, что пуля, которой он был застрелен, тоже оказалась тридцать восьмого калибра, как мы поступим: подошьем это к делу или оставим все как было?

Он хмыкнул.

— Все это может оказаться простым совпадением. Если найдется револьвер мистера Джарелла и если установят, что Ибер был застрелен именно из него, тогда другое дело.

— А мы тем временем не будем обращать никакого внимания на это совпадение, так, что ли?

— Просто мы не станем это разглашать.

— Значит, если я вас правильно понял, мы оставляем у себя эти десять тысяч и Джарелла в клиентах.

Зазвонил телефон. Я обернулся и взял трубку, заметив при этом, что Вульф тоже потянулся к аппарату на своем столе, что он делает очень редко без моего сигнала.

— Резиденция Ниро Вульфа. У телефона Арчи Гудвин.

— Где вас черти носят? Это Джарелл.

— Вам известно, мистер Джарелл, что за номер вы набрали. Я нахожусь с докладом у мистера Вульфа. Он, собственно, дает мне инструкции относительно нашего дела.

— Я сам дам вам инструкции. Нора говорит, что вы ушли в пять тридцать. Вы отсутствуете четыре часа. Когда вы снова появитесь?

— Ну, скажем, через час.

— Я буду в библиотеке.

Он повесил трубку. Я положил свою на рычажок и выпрямился.

Вульф не спускал с меня взгляда.

— Я чувствую, ты разбираешься в ситуации.

— Да, сэр.

— Вполне возможно, что это убийство связано с тем делом, которое ты расследуешь по просьбе Джарелла. Иногда убийство поднимает лишь легкую рябь, но гораздо чаще — высокие волны. Разумеется, ты возвращаешься туда не за тем, чтобы водить баб к «Рустерману» или таскаться по танцулькам. Я ни в чем не раскаиваюсь. Допустим, мы попали в передрагу, потакая ослиному упрямству нашего клиента, но если Ибер был убит из револьвера мистера Джарелла, что вполне допустимо, мы волей-неволей оказались в этом замешаны и теперь должны выпутаться если и не с выгодой, то хотя бы без ущерба. Это наша совместная задача. В высшей степени невероятно, чтобы это убийство не было связано с кем-нибудь из этого сборища хищников и паразитов. Я не могу научить тебя, как действовать, поскольку все зависит от развития событий. Кстати, ты будешь звонить в полицейский участок?

— Да, по пути.

— Это ускорит дело. Иначе трудно сказать, когда обнаружат тело.

ГЛАВА VI

Сопровождаемый холодным взглядом привратника, я миновал вестибюль, поднялся на десятый этаж и, отомкнув собственным ключом входную дверь, обнаружил, что электронную систему безопасности еще не включили. Разумеется, меня тут же встретил Стек и сообщил, что мистер Джарелл ожидает в библиотеке. Теперь я смотрел на него уже совсем другими глазами. Ведь этот трюк с ковриком мог проделать и он, чтобы завладеть револьвером. Правда, у него были свои обязанности, но он мог выкроить время и для этого.

Услышав голоса в зале отдыха, я заглянул туда и увидел за карточным столиком Треллу, Нору и Роджера Фута.

Роджер поднял голову:

— Присоединяйтесь.

— К сожалению, не могу. Я нужен мистеру Джареллу.

— Приходите, когда освободитесь. Пух Персика прекрасно прошел забег. Прекрасно! На пять корпусов сзади на повороте и всего на голову отстал у финиша. Прекрасно!

Вот уж воистину неунывающий неудачник, думал я, шагая по коридору. Нечасто встречается такой спортивный дух.

Дверь в библиотеку была открыта. Зайдя туда, я прикрыл ее за собой. Джарелл, рывшийся в одном из шкафчиков, отрывисто бросил: «Через минуту освобожусь». Я уселся в кресло рядом с его столом. В пепельнице лежала «портанагос» с наростом пепла длиной в дюйм, и я понял по запаху, что она еще не потухла, следовательно, он встал из-за стола не раньше, чем полторы минуты назад. Вот что значит быть детективом с тренированными мозгами — сам того не желая, замечаешь всякие ненужные детали.

Джарелл подошел к столу, сел в кресло, стряхнул с сигары пепел и сделал пару затяжек.

— Зачем вы ходили к Вульффу? — спросил он.

— Он платит мне жалование, а поэтому любит знать, что ему дают взамен. К тому же я доложил ему по телефону о пропаже вашего револьвера, и он хотел расспросить меня об этом подробнее.

— А вам так уж и обязательно было об этом докладывать?

— Я решил, что так будет лучше. Вы его клиент, а он страсть как не любит, когда его клиенты погибают от пуль. Итак, вы сказали по телефону, что хотите дать мне инструкции. Они касаются того, где найти револьвер?

— Нет, нет. — Он затянулся, вынул изо рта сигару и выпустил облако дыма. — Не помню, что я рассказывал вам о Брайэме.

— Немного. В особые подробности вы не вдавались. Сказали, что он ваш старый друг. Нет, слова «друг» не употребляли, вы сказали, что Брайэм перебежал вам дорожку и будто к этому приложила руку ваша невестка. Я был несколько удивлен, когда увидел его здесь.

— Мне необходимо, чтобы он здесь бывал. Пусть он считает, будто я поверил его объяснениям и ничего не заподозрил. Дело касалось паровой компании. Я узнал, что этой компании может быть предъявлен иск, приготовился выкупить рекламы и оказать на компанию нажим, но когда подступил к этому вплотную, то обнаружил, что меня опередил Брайэм. Он сказал, что узнал об этом из других источников, будто ему не было известно о том, что этим занимаюсь я, но он страшный врун. Об этом, кроме меня, не знала ни одна душа. А я держал все в строжайшей тайне. Он получил эти сведения из моего дома — от моей невестки.

— В связи с этим напрашивается ряд вопросов, — заметил я. — Нет, я не буду спрашивать у вас, почему Сьюзен ему об этом сообщила, потому что заранее знаю, каков будет ваш ответ. Она дает мужчинам все, включая... мм... свою благосклон-

ность, потому что такая уж она уродилась. Но как ей удалось завладеть этой информацией?

— Вчера она завладела револьвером, не так ли?

— Этого я не знаю, вы тоже. Кстати, сколько раз фигурировал на экране этот коврик?

— Ни разу. Это уже что-то новое. Она знает, как получить то, что ей захочется. Да она могла узнать про это от Джима Ибера или же зайти в библиотеку вместе с моим сыном, когда нас с Норой здесь не было, и найти то, что ей нужно. Одному богу известно, что она могла здесь найти. Я часто руководствуюсь секретной информацией, очень многое фиксируется на бумаге. Теперь я просто боюсь оставлять здесь что-либо важное. Черт побери, она должна отсюда убраться!

Он схватил сигару и, обнаружив, что она погасла, швырнул ее в печь.

— И вот еще на что обратите внимание. Выгори эта сделка, я бы положил в карман миллион чистой прибыли, возможно, даже больше. Значит, вместо меня деньги достались Брайэму. Разумеется, она получила свою долю. Она отдает мужчинам все, в том числе и свою благосклонность, как вы это называете, однако в первую очередь думает о себе. Уж она получила свою долю, будьте спокойны. Вот в связи с этим я и хотел дать вам инструкции. Она припртала где-то денежки, хорошо бы их обнаружить. Быть может, вас наведет на след Брайэм. Займитесь им. Он важный гусь, но перед моим секретарем нос драть не станет, стоит лишь подойти к нему с правильной стороны. Есть еще один путь — Джим Ибер. Им тоже займитесь. И помните о нашей сделке, нашей с вами. Десять тысяч долларов в тот самый день, когда она отсюда вылетит одна, без моего сына, и еще пятьдесят тысяч, когда будет оформлен развод.

Его предложение обработать Джима Ибера дало мне возможность задать несколько вопросов, касающихся его бывшего секретаря, что я и сделал. И хотя кое-какие ответы содержали некоторые полезные сведения о характере покойного, ни один из них не проливал свет на самый важный факт его жизни — его смерть. Ибер прослужил у Джарелла пять лет, был холостяком, пресвитерианцем, но религии времени не уделял; играл по воскресеньям в гольф, был везуч за карточным столом и так далее. Одновременно я узнал кое-что и о Брайэме.

Спал я по обыкновению хорошо, но проснулся ровно в семь. Повернулся на другой бок, закрыл глаза, но это не помогло. Меня подмывало встать, одеться, спуститься в студию и послушать восьмичасовые новости. В полицию я звонил ровно в десять тридцать вечера и сообщил фальцетом, что им не мешает заглянуть в такую-то квартиру по такому-то адресу на Сорок девятой улице, поэтому к настоящему моменту новости уже должны были стать достоянием журналистов. Мне так хотелось послушать их комментарии, однако во вторник я появился к завтраку в 8.25, в среду — в 10.15, в четверг — в 9.20, так что, если я нарушу эту традицию и отправлюсь ни свет ни заря слушать радио, а потом растрезвоню всем о том, что я услышал (не стану же я об этом молчать?), кому-нибудь непременно придет в голову, что это неспроста.

Пробыв положенное время под душем, я побрился, заправил

запонки в чистую рубашку. Я надевал брюки, когда дверь распахнулась и на пороге появился Джарелл.

— Доброе утро, — приветствовал я его. — Опять вы не дождались, пока я надену туфли.

Он прикрыл за собой дверь.

— Срочное сообщение. Джим Ибер мертв. Тело найдено в его квартире. Убит. Из огнестрельного оружия.

Я уставился на него, стараясь не переиграть.

— Господи, когда?

— Я услышал об этом по радио в восьмичасовой сводке. Они обнаружили тело вчера вечером. С пулей в затылке. Больше никаких сведений. Даже не упомянули, что Ибер служил у меня. — Джарелл направился к креслу и плюхнулся в него. — Хочу обсудить это с вами.

— Если они еще и не докопались, что он служил у вас, сами понимаете, докопаются непременно, — сказал я, надевая носок.

— О, я это понимаю. Они могут в любую минуту нагрнуть. Как раз об этом я и хотел с вами поговорить.

— Валяйте.

— Вам, Гудвин, известно, что такое расследование по делу об убийстве. Известно лучше, чем мне.

— Да. Нешуточное дело.

— Вот именно. Вполне возможно, они уже кого-то заподозрили, даже, может быть, арестовали, хотя по радио об этом не сказали. Но если они никого не арестовали и не арестуют в ближайшее время, представляете, что начнется? Они начнут везде совать свой нос, причем как можно глубже. Ибер проработал у меня пять лет, он даже жил у меня. Им захочется узнать о нем все подробности, и они в первую очередь будут рассчитывать на информацию отсюда.

Я завязал шнурки.

— Да, когда дело идет об убийстве, наружу вытягивают все секреты.

— Мне это известно. Уж лучше сразу сказать им все, что спросят, разумеется, в пределах разумного. Ведь если им покажется, будто я что-то недосказываю, это обернется во вред мне. Ну а если они спросят, почему я уволил Ибера, что я должен на это ответить?

Я уже обулся и теперь мог разговаривать с ним на равных, а то мне все казалось, что он может отдавить мне пальцы.

— Так и скажите — подозревали его в разглашении деловых секретов.

Он покачал головой.

— Тогда они спросят, что это за секреты, а я вовсе не собираюсь посвящать их в свои дела. Лучше скажу им, что Ибер стал рассеян, что он, как мне казалось, потерял всякий интерес к работе, поэтому я решил с ним расстаться. И это не сможет опровергнуть никто из моих домашних, даже Нора. Что касается вас... Если они спросят у вас, то можете сказать, что вам известно об этом немного, что у вас создалось впечатление, будто я был недоволен Ибером, но почему — вы этого не знаете.

Я нахмурился.

— По-моему, вы, мистер Джарелл, здорово перетрусили. Постарайтесь преодолеть ваш страх. Инспектор Кремер и сержант

Стеббинс из бригады по расследованию убийств — самые старые и заклятые враги мистера Вульфа, а следовательно, и мои. Как только они увидят меня и узнают, что я проживаю здесь под вымышленной фамилией и даже занял место Ибера, искры полетят во все стороны. Какую бы причину увольнения вы ни назвали, они вам все равно не поверят. И мне тоже. Никому не поверят. Больше всего им придется по душе версия, согласно которой вы решили пристрелить Ибера и взяли в технические консультанты меня. Возможно, я слегка преувеличиваю, но это, по крайней мере, дает вам представление о наших взаимоотношениях в свете полицейского протокола.

Он был потрясен.

— Поэтому я не могу взять и сказать, что мне почти ничего не известно.

— Господи, вы, конечно же, правы. Я просто не сообразил... Послушайте, Гудвин... — начал он тоном заговорщика. — Я хотел попросить, чтобы вы не сообщали о пропаже моего револьвера. Вовсе не потому, что я боюсь, что Ибер мог быть убит именно из него. Нет, но вы ведь представляете, какой подымется шум, если до них дойдет, что как раз накануне убийства был похищен мой револьвер. А если вдобавок пуля окажется того же самого калибра, все будет во сто крат хуже. Об этом никто, кроме нас с вами, не знает. Даже человек от «Хорланда». Он ушел до того, как я обнаружил пропажу.

— Я сказал вам, что об этом знает мистер Вульф.

— Им незачем вступать в контакт с Вульфом.

— Может, и незачем, но стоит им увидеть меня здесь, и они непременно пожелают это сделать. Повторяю, мистер Джарелл, мне кажется, вы все еще не в состоянии трезво разобраться в обстановке. Вы разбираетесь лишь в одном: в ваших чувствах к своей невестке. Вы жаждете насладиться своей местью. Вы наняли для этого мистера Вульфа, заплатив ему в качестве аванса десять тысяч долларов, потом предложили еще шестьдесят мне. А что, если вы расскажете все как есть инспектору Кремеру, именно ему самому, а не Стеббинсу и не Роуклиффу и уж, конечно, не этому выскочке — помощнику окружного прокурора, расскажете про револьвер? Он начнет копать и получит неоспоримые доказательства того, что Ибера застрелила Сюзен. Ведь вы только этого и жаждете. Вы утверждаете, что револьвер взяла она; если так, то она взяла его с намерением против кого-то использовать. Почему бы не против Ибера?

— Нет, — решительно отверг Джарелл.

— Почему? Скоро вам станет известно, что Ибер был убит из револьвера тридцать восьмого калибра. Я мог бы разузнать об этом в течение часа, сразу же после завтрака. Так почему бы не рассказать обо всем Кремеру?

— Полиция не придет ко мне... я не сделаю этого. Нет, черт побери, вы сами знаете, что я этого не сделаю. Не стану я посвящать полицию в свои личные дела. И не хочу, чтобы это делали вы либо Вульф. Теперь я и сам вижу, что моя выдумка не пройдет. Если они обнаружат, что вы поступили на место Ибера, начнется черт знает что. Но они об этом не узнают. Вам следует убраться отсюда сию же минуту, ибо они могут нагрянуть прямо с утра. Если им захочется узнать, где мой новый секретарь, я

им объясню, что он проработал у меня всего четыре дня и ему ничего не известно об Ибере. Вам же следует отсюда убраться.

— Куда?

— Да туда, откуда вы пришли, черт побери! — Он указал рукой на дверь. — Извините меня, Гудвин. Я свихнулся, как пить дать свихнулся. Если вас здесь не окажется и если я смогу оправдать отсутствие своего нового секретаря, им и в голову не придет обратиться к вам или Вульффу. Скажите Вульффу, что я все еще остаюсь его клиентом и что с ним свяжусь. Он сказал, что умеет молчать. Передайте ему, что его молчание может обернуться целым состоянием.

Джарелл встал с кресла.

— Это касается и вас. Я прижимистый делец, но платить умею. Давайте же, повязывайте галстук. Вещи можете оставить здесь — это не имеет значения. Возьмете их потом. Мы друг друга понимаем, не так ли?

— Если и нет, то пойдем в будущем.

— Вы мне нравитесь, Гудвин. Уходите.

Я стал собираться. Он стоял и смотрел, как я повязываю галстук, надеваю пиджак, собираю мелочи и засовываю в свой портфель. Заворачивая за угол в конце холла, я обернулся и увидел, что Джарелл стоит у моей двери. Выйдя из парадного, я остановил такси и в четверть десятого уже поднимался по ступенькам старого особняка. Вульф, разумеется, был в своей оранжерее.

Цепочка оказалась накинута, и мне пришлось позвонить. Дверь открыл Орри Кэтер. Он протянул мне руку.

— Взять ваш портфель, сэр?

Я отдал ему портфель, пересек холл и толкнул дверь на кухню.

Фриц обернулся от раковины.

— Арчи! Вот радость-то! Вернулся?

— По крайней мере, к завтраку. Господи, я так проголодался. Даже апельсинового сока не успел выпить. Пожалуйста, джину оладьев.

ГЛАВА VII

Я вошел в кабинет свежий и сытый, как раз поспев к десяти-часовой сводке новостей. Сообщили почти все то же самое, что слышал Джарелл два часа тому назад.

Я набрал номер «Газетт», попросил соединить меня с Лоном Коэном, и через минуту последний был на проводе.

— Лон? Арчи. Я соби...

— Я занят.

— Я тоже. Я собираю сведения для своей новой книги. Из чего ты застрелил Джеймса Л. Ибера? Из аркебузы?

— Нет, моя аркебуза в закладе. Я стрелял из кремниевого ружья. Тебе-то что?

— Да просто любопытствовал. Если ты удовлетворишь мое любопытство, в один прекрасный день я удовлетворю твое. Пуля обнаружена?

Лон — замечательный парень, отменно играет в покер, но страдает профессиональной болезнью всех журналистов: прежде

чем ответить на какой-либо вопрос, непременно должен задать свой. Так и сейчас:

— Что, Вульф уже приложил к этому делу свою руку?

— Не руку — ногу. Нет, не для огласки. Если что, ты, как всегда, будешь первым. Пуля нашлась?

— Да. Об этом стало известно всего несколько минут назад. Тридцать восьмого калибра. Вот пока и все. Кто клиент Вульфа?

— Дж. Эдгар Гувер¹. Кого-нибудь арестовали?

— Нет. Господи, дай же им время посидеть и спокойно подумать. Прошло всего двенадцать часов. Услышав сейчас твой голос, я сразу же подумал вот о чем: в участок вчера вечером позвонил ты, и я на тебя в обиде. Должен был сперва мне позвонить.

— Да? Ну, в следующий раз так и сделаю. Напали они на какой-нибудь след?

— На след убийцы? Нет. Пока самое интересное сведение, попавшее им в руки, так это то, что он всего пару недель назад работал у одного деляги по фамилии Отис Джарелл. Ты знаешь, что это за... Черт возьми! Ведь как раз на него ты собирал сведения...

— Угадал. Именно потому...

— Что, Джарелл — клиент Вульфа?

— Насколько тебе известно, в настоящий момент у Вульфа клиентов нет. Как я уже сказал, именно поэтому я тебе и звоню. Решил, ты еще вспомнишь, что я у тебя о нем спрашивал, так что хотел предупредить тебя, чтобы ты не доверял своей памяти, пока не получишь дальнейших указаний. Валяй раскапывай свои новости и служи верой и правдой общественности. В один прекрасный день ты, вероятно, кое-что от меня услышишь.

— Приходи сюда. Угощу ленчем.

— Не могу, Лон. Виноват. Не стреляй деревянными пулями.

Когда я поставил аппарат на место, Орри, который валялся на кушетке, спросил:

— А что такое аркебуза?

— Сам догадайся. Гибрид арки с бусами. Земноводное.

— Тогда с меня хватит. — Он сел. — Согласен, я не должен вмешиваться в какие-то там твои так называемые дела, но имею я право знать, что такое аркебуза? Ты хочешь, чтобы я отсюда вышел?

Я сказал, что не хочу и что у меня в его присутствии в качестве контраста лучше работает голова.

Однако его все равно прогнали из кабинета, когда там в одиннадцать появился Вульф. Я уже позвонил ему из кухни по внутреннему телефону и доложил, что на месте, поэтому он мне не удивился. Вульф подошел к моему столу, просмотрел утреннюю почту, которая оказалась на редкость скупой, поправил пресс-папье и сосредоточил свой взгляд на мне.

— Ну?

— По-моему, подошло время сделать исчерпывающий отчет. Его взгляд скользнул мимо моего плеча в сторону кушетки.

— Если вы, Орри, нам понадобится по этому делу, мы снабдим вас всей необходимой информацией. Но это не к спеху.

¹ Дж. Эдгар Гувер — бывший в то время шеф ОМ ФБР.

— Слушаюсь, сэр.

Орри встал с кушетки и вышел.

Когда за ним закрылась дверь, я приступил к делу:

— Я звонил Лону Коэну. Пуля, которой был убит Ибер, оказалась тридцать восьмого калибра. Джарелл не знал об этом сегодня утром, когда влетел в мою комнату. Он знал только то, что передавали в восьмичасовой сводке. Надеюсь, вы тоже ее слышали. Все равно он был страшно взволнован. Когда я перейду к подробному докладу, вам станет известно, что он говорил. Все кончилось тем, что он велел мне поскорей убраться, пока не появились полицейские. Он велел передать вам, что остаетесь вашим клиентом, что свяжется с вами и что ваше молчание может обернуться целым состоянием. Мое тоже. Мое не дешевле вашего. Теперь, когда я узнал, что эта пуля тридцать восьмого калибра, передо мною лишь две альтернативы. Либо пойти в полицию и раскрыть свои карты, либо ознакомить вас с партитурой и текстом, а вы все выслушаете и вникните в дело. Если меня швырнут за решетку за сокрытие улик, вы так или иначе окажетесь отрезанным от всего мира, так что вам придется последовать за мной.

— Фу. Я уже сказал вчера вечером, что нет надобности сообщать полиции о том, что может оказаться простым совпадением. — Он вздохнул. — Однако я допускаю, что мне придется тебя выслушать. Что касается того, вникать мне или не вникать в дело, то это мы еще посмотрим. Валий.

У меня ушло на это два часа. Не могу сказать, что я довел до его сведения каждое слово, которое было произнесено за эти четыре дня, но я постарался передать все как можно точнее. Мне пришлось прерваться всего лишь раз, когда вошел Фриц с двумя бутылками пива, разумеется, для Вульфа, которые тот заказал по телефону. Последние полчаса он слушал, откинувшись в кресле и закрыв глаза, но это не значило, что он отключился.

Я встал, потянулся и снова сел.

— Итак, из всего этого можно сделать вывод, что нам нужно выждать, то есть сложить руки и только есть, спать и обдумывать, какую назвать сумму.

— Не такой уж и тяжкий у нас удел, Арчи.

— Но вы прекрасно знаете, что нам остается одно из двух. Либо порвать с Джареллом, рассчитаться с ним и передать дело Кремеру. Он бы это оценил.

Вульф скривил физиономию и открыл глаза.

— Либо?

— Либо за это беретесь вы.

— За что? За расследование дела по поводу убийства Ибера? Меня никто не нанимал этим заниматься.

Я ухмыльнулся.

— Это вас не спасет. Вы называете это уклонением от ответственности, я — уклонением от удара. Убийство касается нас лишь в той степени, что его мог совершить кто-то из них из револьвера Джарелла. Спрашивается: доложим ли мы о револьвере Кремеру? Нам этого делать не хочется. Клиенту тоже. Но в том случае, если мы не хотим докладывать об этом Кремеру, нам необходимо выяснить, верно ли, что Ибера убил один из

них? Разумеется, не для того, чтобы сделать приятное судье и жюри присяжных, а для того, чтобы сделать приятное себе. Если окажется, что это был кто-то еще, то пусть Кремер катится ко всем чертям. Если да, сообразим по обстоятельствам. Но все это возможно выяснить лишь при том условии, если к делу подключаетесь вы, а если вы к нему подключаетесь, то мне придется позвонить Джареллу и сказать, что сегодня в шесть вечера я собираю всех у нас в кабинете. Что-нибудь не так?

— Ты, — проворчал он.

— Да, сэр. Конечно, в связи с этим возникают кое-какие осложнения: например, я. Для них я — Алан Грин, поэтому я не могу находиться здесь в качестве Арчи Гудвина, но ведь это так просто уладить. В Арчи Гудвина может превратиться Орри и посидеть за моим столом, я же снова побуду Аланом Грином. Поскольку я был там, когда обнаружилось исчезновение револьвера, мое присутствие обязательно. — Я посмотрел на настенные часы. — Через восемь минут подадут ленч. Я должен позвонить Джареллу.

Я не спеша повернулся в кресле, потратив на это секунд десять, придвинул к себе телефон, снял трубку и стал набирать номер, давая ему время остановить меня. Он этого не сделал. Да и куда ему, если я припер его своей железной логикой к стене? Он даже не пошевелился, чтобы взять свою трубку.

В трубке раздалось:

— Офис мистера Джарелла.

Это была не Нора, а какой-то мужчина. Мне показалось, что я его узнал. Я сказал, что звонит Алан Грин и что мне нужен мистер Джарелл. Через секунду он был у телефона.

— Я вас слушаю, Грин.

Я понизил голос:

— Нас кто-нибудь подслушивает?

— Нет.

— Вы в этом уверены?

— Да.

— Трубку брал Уимен?

— Да.

— Он с вами в библиотеке?

— Да.

— Тогда говорить буду я, а вы только отвечайте «да» или «нет». Я от мистера Вульфа. Известно ли вам, что пуля, которой был убит Ибер, оказалась тридцать восьмого калибра?

— Нет.

— В таком случае довожу это до вашего сведения. Были посетители?

— Да.

— Что-нибудь чрезвычайное?

— Нет.

— Позвоните мне попозже и, если желаете, расскажите подробней. Я звоню по поручению мистера Вульфа. Теперь, когда нам стало известно, что пуля оказалась тридцать восьмого калибра, он считает, что я должен сообщить полиции относительно вашего револьвера. Иначе нам могут пришить дело за сокрытие улики. Он самым решительным образом настроился это сделать, однако может и отложить при следующем условии: сегодня в

шесть вечера вы собираете всех в этом самом кабинете и он будет задавать им вопросы. Под всеми мистер Вульф подразумевает вас, вашу жену, Уимена, Сьюзен, Лоис, Нору Кент, Роджера Фута и Корея Брайэма. Я буду здесь в качестве Алана Грина, вашего секретаря. За моим столом будет сидеть другой человек, которого представят как Арчи Гудвина.

— Я не понимаю, каким образом...

— Помолчите. Вижу, вам не терпится высказаться, но придется помолчать. Можете сказать им, что мистер Вульф все объяснит сам, что он и сделает. Вы говорили кому-нибудь, что пропал ваш револьвер?

— Нет.

— И не говорите. Я знаю, у вас имеются возражения, но вам придется их проглотить. Если же вам непременно нужно их высказать, отделайтесь от Уимена и Норы и позвоните мне сами. Если от вас не будет звонка, ждем вас всех в шесть вечера.

— Я вам перезвоню.

— Договорились. Буду рад вас видеть.

Я повесил трубку и повернулся к Вульфу:

— Вы слышали все, кроме его «нет» и «да». Довольны?

— Нет, — буркнул он, что стало у него просто рефлексом.

Окончание в следующем выпуске

С английского перевела Н. КАЛИНИНА

На I—IV стр. обложки и на стр. 2 и 51 рисунки Г. НОВОЖИЛОВА.

На II стр. обложки и на стр. 52 рисунки А. ГУСЕВА.

На III стр. обложки и на стр. 88 рисунки В. ЛУКЬЯНЦА.

Под редакцией А. В. НИКОНОВА и В. А. РЫБИНА

Редактор выпуска Ю. ПЕРЕСУНЬКО

Художественный редактор Т. ПРОКУДИНА

Технический редактор А. БУГРОВА

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Адрес редакции: 125015, Москва, Новодмитровская ул., 5а.

Тел. 285-80-10, 285-88-84.

Сдано в набор 19.01.81. Подп. к печ. 23.02.81. А01326.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 4 (усл. 6,72). Уч.-изд. л. 10,2.

Тираж 250 000 экз. Цена 40 коп. Заказ 88.

Типография ордена Трудового Красного Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 103030, Москва, К-30,
Суцеская, 21.

Владимир РЫБИН — Самородок
Василий ГОЛОВACHEB — Оборотень
Рекс СТАУТ — Если бы смерть спала

Цена 40 коп.

